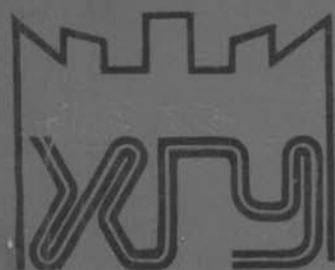

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ISSN 0453-8048

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

К-14038
В16764

323 '88

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА
И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

«Выща школа»

1 р. 10 к.

ISSN 0453-8048. Вестн. Харьк. ун-та. 1988. № 323. Материалистическая
диалектика и социальная практика. 1—113.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00295061

3

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№323

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Основан в 1965 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«ВЫЩА ШКОЛА»

1988

В вестнике рассматриваются актуальные вопросы единства философского и конкретно-научного познания. Исследуются проблемы диалектики знания и ценностей, практической и мировоззренческой функций современной науки, социологического анализа мировоззрения ученого, ответственного отношения к труду, специфики политических отношений социалистического общества и др. Авторы раскрывают методологическое значение марксистско-ленинской философии для познания и преобразования действительности.

Для преподавателей, научных работников, специалистов.

Редакционная коллегия: д-р филос. наук проф. **А. Ф. Плехотный** (отв. ред.), канд. филос. наук доц. **В. П. Педан** (отв. секр.), канд. филос. наук доц. **Л. Н. Дениско**, канд. филос. наук доц. **О. Г. Берзин**, д-р филос. наук проф. **Ю. Ф. Бухалов**, канд. филос. наук доц. **Л. С. Дидорчук**, канд. филос. наук доц. **А. А. Иванищенко**, д-р филос. наук проф. **И. З. Цехмистро**, канд. филос. наук доц. **В. В. Шкода**

Адрес редакционной коллегии: 310077 Харьков, пл. Дзержинского, 4, университет, кафедра философии, тел. 45-72-71

Редакция общественно-политической литературы
Зав. редакцией **Л. Н. Авраменко**

Издано по заказу Харьковского государственного университета

Сборник научных трудов

**ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 323

Материалистическая диалектика и социальная практика

Редактор **И. К. Раузова**
Художественный редактор **В. А. Ряка**
Технический редактор **Г. П. Александрова**
Корректор **А. Г. Долгова**

№ 12779 — ОИБ

Сдано в набор 20.01.88. Подписано в печать 24.08.88.
Формат 60×90/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Печ. л. 7. Кр.-отт. 7,25. Уч.-изд. л. 8.
Тираж 500 экз. Изд. № 1657. Зак. 2546. Цена 1 р. 10 к.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Выща школа». 310003 Харьков, ул. Университетская, 16.

Харьковское межвузовское полиграфическое предприятие.
310093 Харьков, ул. Свердлова, 115.

В 0302000000—073
М 226(04)—88

К-14038

© Харьковский государственный университет, 1988

Центральна наукова
бібліотека

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ПРИНЦИПОВ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Мы будем рассматривать принципы научного познания как общественно сформированные средства регулирования когнитивной деятельностью, эффективного направления ее к цели. Такое понимание вовсе не означает, как считал Кант, что регулятивные принципы познания суть «субъективные основоположения, взятые не из природы объекта, а из интереса разума в отношении некоторого возможного совершенства познания этого объекта» [5, с. 567]. Здесь вполне применимы слова В. И. Ленина: «категории мышления не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека» [1, т. 29, с. 83]. Детерминируя исследовательскую деятельность, принципы научного познания одновременно представляют собой специфические требования к ее результату. Вместе с тем они являются познавательными императивами, или когнитивными нормами, т. е. требованиями к субъекту познавательной деятельности.

Покажем, что данные познавательные императивы функционируют в реальной научной практике в виде бинарных оппозиций: каждое требование может быть соотнесено с диалектически противоположным. Некоторые из этих оппозиций очевидны — анализ и синтез, дедукция и индукция, формализация и интерпретация, наблюдение и эксперимент, другие обнаруживаются только в ходе специального анализа.

Совсем не очевидно, что такой анализ всегда подтвердит исходное утверждение. Если взять, например, принцип сохранения энергии как регулятив физического познания, то значит ли это, что его оппозиция будет представлена неким принципом несохранения энергии? Нет, речь должна идти о принципе сохранения и превращения (!) энергии. В языке теоретической физики этот принцип функционирует в усеченном виде — выпячивается аспект сохранения и уходит в тень идея превращения. Вот и создается странное впечатление, что принципу сохранения надо искать бинарную оппозицию в виде какого-то принципа несохранения. На самом деле понятие сохранения (инварианта, неизменности) невозможно в абсолютном смысле, без соотнесения с его диалектической противоположностью — понятием превращения (варианта, видоизменения). Это подтверждается историко-научным анализом. Действительно, закон сохранения и превращения энергии был строго сформулирован не раньше, чем было осознано явление превращения одних форм движения в другие, не раньше, чем производственной практике потребовалась теория тепловых машин, вызвавших повышенный интерес к взаимосвязи механических

и тепловых процессов. Сам закон сохранения (принцип сохранения живых сил) был известен в механике со времен Лейбница. Однако это не служило основанием для поиска инварианта и соответствующего ему понятия — отсутствовало понятие «превращение». Совсем другое дело — выйти за пределы механики и обнаружить преобразование качественно различных, как будто не связанных явлений. Именно факт взаимопревращения разнообразных сил (в смысле Р. Майера) обусловил поиск сохраняющейся при этом основы — энергии.

Имея в виду диалектический характер принципов научного познания, обратимся теперь к анализу принципа единства знания — фундаментального, можно сказать, вечного, регулятива науки, без которого познавательная деятельность просто невозможна. Это было ясно всегда. Но, пожалуй, только в XX в. углубляющаяся дифференциация науки вскрыла всю сложность и напряженность проблемы единства научного знания: слова «единство», «синтез», «интеграция» становятся уже привычными, когда речь заходит об актуальных методологических проблемах современного научного познания.

На фоне этого движения как-то уходит в тень и забывается идея диалектичности любого средства познания. Почему «бритва Оккама» (*Entia praeter necessitatem non esse multiplicanda* — сущности не следует умножать без необходимости) получила известность народного предрассудка, но редко кто знает и может показать в действии противоположный принцип (*Entium varietates non temere esse minuendas* — разнообразие сущностей не следует необдуманно уменьшать)? Общеизвестность первого (единства) и малоизвестность второго (многообразия) — весьма красноречивое свидетельство односторонности, а следовательно, определенного отступления от диалектики в методологии научного познания. Факт многообразия, конечно, признается, но именно как нечто стихийное, естественное, то, что разуму следует преодолевать, в чем и видится главная цель науки. И все-таки необходимо отвлечься от кажущейся противоестественности использования множественности в качестве принципа познавательной деятельности: объективная диалектика пробивает себе дорогу в реальной практике познания. Иногда до подобного признания остается только шаг. Например, А. Турсунов в книге «Основания космологии», используя различные средства аргументации: богатую историко-философскую традицию, факт реального функционирования принципа единообразия в различных науках, его связь с другими методологическими принципами, достаточно полно обоснованными, делает вывод: единообразие является общей закономерностью материального мира и его познания и в таком качестве может рассматриваться как важное методологическое основоположение.

Между тем уже в начале книги А. Турсунов подчеркивает: «Современная наука знает множество теоретических систем, отличающихся (нередко значительно и существенно) друг от

друга по своей концептуальной и методологической структуре, но претендующих на описание одного и того же объекта. В связи с этим возникла проблема эквивалентных описаний, которая ныне уже во весь рост встала перед методологами науки» [9, с. 23], а несколькими параграфами выше указывает, что «единообразие природы, выражаемое в законах, не исчерпывает всех свойств объективной реальности; не менее важной ее характеристикой является разнообразие. «...» Объективная диалектика неисчерпаемого материального мира такова, что в нем единообразие органически дополняется прямо противоположным — многообразием, причем не только на уровне явлений, но и, что очень важно, на уровне сущности» [Там же, с. 161, 166]. Это действительно очень важно: многообразие проявляется на уровне сущности. Так почему же не сделать вывод о том, что и многообразие есть общая закономерность материального мира и его познания и в этом качестве может рассматриваться как важное методологическое основоположение? Итак, шаг должен быть сделан. Принцип полиморфизма мышления будет увереннее выдвигаться как диалектическая противоположность принципа единообразия. Возможно даже как альтернатива. Причем этот сдвиг, на наш взгляд, означает не то, что менее правильную концепцию сменяет более правильная. По-видимому, мы имеем дело со сменой приоритетов в сфере методологии.

Ситуацию можно характеризовать следующим примером. А. И. Ракитов приводит высказывание одного крупного физика: «Главный недостаток современной физики состоит в том, что каждый новый феномен она может объяснить по крайней мере десятью способами» [8, с. 66]. В этих словах, замечает А. И. Ракитов, «чувствуется ностальгия по «доброму старому времени», когда все феномены укладывались в рамки одной теории, а именно классической, что явно предпочтительнее нынешней ситуации, когда один феномен допускает наличие многих теорий» [Там же]. Далее А. И. Ракитов пишет: «Достаточно отказаться от этого идеала и заменить принцип единообразия природы, лежащий в его основе и провозглашенный еще в античности, принципом полиморфизма, как стратегия в корне изменится, а меланхолическое замечание упомянутого выше физика потеряет свою обескураживающую окраску» [Там же, с. 67].

Нам не известно, кого имеет в виду А. И. Ракитов, кто из крупных физиков видит главный недостаток современной физики в многообразии объяснительных схем, приложимых к одному феномену. Но мы можем привести несколько высказываний другого крупного физика. «Каждый приличный физик-теоретик, — пишет Р. Фейнман, — знает шесть или семь теоретических обоснований одних и тех же физических фактов» [10, с. 186]. В Нобелевской лекции Р. Фейнман рассказывал, как в ходе работы над проблемами квантовой электродинамики его научный опыт дополнили «два ценных приобретения». Первое из них Р. Фейнман формулирует следующим образом: «Я узнал много различных способов

записи законов классической электродинамики, совершенно разное их математическое выражение. Я научился описывать объект исследования всеми способами» [10, с. 207]. Можно сказать, что эта тема — лейтмотив Нобелевской лекции Р. Фейнмана. Ее вариации встречаются часто, суть же одна: «Всегда можно сказать то же самое по-другому и так, что это будет совсем непохоже на то, как мы говорили об этом раньше» [Там же, с. 208]. Как видим, никакой ностальгии здесь нет. Напротив, множественность описаний определяется как плодотворный метод, как ценное приобретение, которое полезно освоить каждому современному физику.

Известно, что показателем всеобщего признания определенных положений науки является включение их в учебники. Изменения в учебниках всегда свидетельствуют о существенных сдвигах в самой исследовательской практике научной дисциплины, фиксируют повороты в проблематике, изменения идеалов и норм. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что вплоть до 1980 г. в вузовских программах по философии отсутствовали вопросы о многообразии мира и критике плюрализма. Соответствующее указание в теме «Материя и основные формы ее существования» давалось в следующей редакции: «Материальное единство мира. Монизм и дуализм. Данные современной науки о материальном единстве мира». В последующих изданиях появилось существенное добавление: «Данные современной науки о материальном единстве и многообразии мира... Критика дуализма и плюрализма». Программа, таким образом, подчеркнула важность проблематики, связанной с категорией многообразия, и призвала к идейной борьбе против одного из ведущих направлений современной буржуазной философии, спекулирующего на этой проблематике.

Однако категории «единство» и «многообразие» до сих пор не уравниены в правах. Принцип материального единства мира считается одним из исходных принципов философского материализма, положение о многообразии мира в ранг принципа не возводится. В статьях философских словарей, разъясняющих выражение «единство и многообразие мира», основная часть текста отводится «единству». Многообразие обычно представляется как препятствие достоверному постижению материи, а единство — как итог, результат подобного преодоления, т. е. фиксируется определенная негативная коннотация понятия «многообразие».

Аналогичная ситуация сложилась с принципом наблюдаемости. Нет необходимости вводить специальный принцип наблюдаемости, если считается, что все и всегда наблюдаемо. Однако все чаще наука имеет дело с объектами ненаблюдаемыми, более того, именно эти объекты все в большей степени определяют специфику научных теорий. Следовательно, принцип наблюдаемости должен быть диалектически дополнен принципом ненаблюдаемости.

Рассмотрим указанные принципы более обстоятельно. В процессе исследования макротел ученые имели дело с непосредственно воспринимаемыми, измеряемыми и соответственно описываемыми свойствами материальных объектов. В определенном смысле можно считать, что «от Галилея до Эйнштейна физик проводил свои исследования, как будто он верил в принцип: **то, что ненаблюдаемо, является несущественным.** Однако он не формулировал этого принципа и особенно не применял его. Но так как он искал наблюдаемое, он обычно избегал ненаблюдаемого» [12, с. 293].

Принцип наблюдаемости появился в науке (точнее, в физике) в связи с необходимостью изучать прямо не наблюдаемые, не измеряемые объекты реальности. Его применение позволяло отделить фантазию, вымысел от реальности, ибо данный принцип требует исследования принципиально наблюдаемых материальных объектов. Например, при построении специальной теории относительности Эйнштейну удалось избежать таких понятий, как «эфир», «абсолютное пространство», «абсолютное время», введенных Ньютоном из философских соображений, но не обоснованных экспериментально. Некоторые физики, пытаясь удержаться в рамках наблюдаемости и не уходить в мир сущности, абсолютизировали требование наблюдаемости и стремились отрицать все, что не обладало этим свойством.

Между тем развитие познания связано с повышением роли идеальных моделей, раскрывающих внутренние связи действительности, выражающих сущность изучаемого предмета. В процессе выявления глубинных характеристик объекта субъект должен переходить от наблюдаемых свойств и связей к ненаблюдаемым свойствам и связям: так, познающий субъект может мысленно выделить какое-то свойство или отношение исследуемого объекта и, абстрагируясь от последнего, оперировать данным свойством или отношением как относительно независимым образованием, качественно новым объектом. Таким образом, принцип наблюдаемости, работающий только на эмпирической стадии и теряющий силу на последующих этапах, где ведущую роль начинают играть идеализированные конструкты, должен быть дополнен принципом ненаблюдаемости. Более того, в теоретическом мышлении следует сознательно абстрагироваться от наблюдаемого. Изучаемый объект должен быть выделен в чистом виде, что с необходимостью обуславливает его принципиальную ненаблюдаемость. Выделение объекта в чистом виде — это неотъемлемое требование любого познавательного процесса, так как он нацелен на исследование сущности. Данное требование представляет собой универсальный закон теоретического исследования. Отвлечение, «отход» от наблюдаемости, снятие наблюдаемости ненаблюдаемостью является основной тенденцией развития познания. «Движение познания к объекту, — подчеркивал В. И. Ленин, — всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть» [1, т. 29, с. 252].

Обратим внимание ещё на одно требование данного принципа: он ориентирует исследователя на построение таких образов предмета, которые выходят за рамки обыденного восприятия. На стадии теоретического познания исследуемый объект представляется в виде идеализированной модели, замещающей реальный объект, т. е. в такой форме, которая позволяет говорить о его ненаблюдаемости. Важно различать реальную практическую ненаблюдаемость некоторых реально существующих эмпирических объектов (например, реальной молекулы реального газа) от принципиально ненаблюдаемых теоретических объектов (например, молекулы идеального газа). Разработка теории как системы идеальных образов и понятий должна осуществляться применительно к сущности объекта, взятой в чистом виде, т. е. со стороны ее необходимых свойств и связей. В результате оперирования идеальными конструктами получается модель сущности, закона, которые также лишены свойства наблюдаемости.

Как регулятив научного познания принцип ненаблюдаемости способствует формированию научной теории. За ненаблюдаемостью важно видеть позитивные способы компенсации наблюдаемости: различными творческими приемами. Данный принцип обеспечивает правомерность применения таких средств, как абстрагирование, идеализация, формализация, моделирование и других для построения формальных систем, языков. Играя роль реального ориентира в процессе теоретической деятельности, принцип ненаблюдаемости служит тем методологическим правилом научного познания, которое позволяет мыслительной деятельности субъекта с помощью идеальных образов проникнуть в сущность материальных объектов. Он задает некоторую общую (и только) стратегию движения познавательного процесса от наблюдаемых к ненаблюдаемым сторонам предмета. Данный принцип является таким ориентиром, согласно которому сущность вещей, ее глубинные свойства и отношения, принципиально ненаблюдаемые с помощью экспериментальных средств, отображаются в понятиях, постигаются посредством выводного знания. Выполняя конкретную регулятивную роль, принцип ненаблюдаемости представляет собой необходимый, но ограниченный момент познавательной деятельности. Его абсолютизация, отрыв от других принципов научного познания (наблюдаемости, единства наблюдаемости и ненаблюдаемости) приводит к умозрительным выводам, отрыву мышления от действительности и в конечном счете к рационализму.

В процессе движения научного познания на стадии превращения гипотезы в теорию должен быть введен принцип единства наблюдаемости и ненаблюдаемости. Потребность в выделении нового принципа возникает потому, что, во-первых, утрачивается эффективность применения других принципов, во-вторых, — и это главное — реальная диалектика научного познания начинается не там, где выделены принципы наблюдаемости и ненаблюдаемости, а там, где наблюдаемость и ненаблюдаемость взяты в органи-

ческом единстве и взаимосвязи, что позволяет преодолеть односторонность каждого отдельно взятого. Дело в том, что принцип наблюдаемости отвлекается от внутренних связей, а принцип ненаблюдаемости — от конкретно наблюдаемого, внешнего проявления этих связей. Принцип единства наблюдаемости и ненаблюдаемости требует воспроизведения предмета таким, каким он существует объективно, т. е. предполагает, с одной стороны, выделение наблюдаемых и ненаблюдаемых сторон предмета, а с другой — их синтеза. Сказанное тем более важно, что в реальном объекте существенные и несущественные связи не расчленены, а смешаны. «Фундаментальное противоречие, заключенное в самой природе объекта, — замечает В. П. Бранский, — состоит как раз в том, что он есть единство наблюдаемого и ненаблюдаемого, наглядного и ненаглядного» [3, с. 135].

Значительное место в познавательном процессе принадлежит принципу симметрии. Его содержание «можно резюмировать как требование искать при построении теории сохраняющиеся величины в процессе выявления законов исследуемой области явлений» [7, с. 25]. Другими словами, законы, выражающие существенные характеристики объективной действительности, должны формулироваться с помощью и на языке измеримых инвариантных величин. Последние фиксируют момент сохранения (устойчивости) в качественном и количественном отношениях. Этот принцип дает возможность представить законы таким образом, чтобы они носили общий и необходимый характер и выражались такими «уравнениями, которые были бы ковариантны относительно группы непрерывных преобразований координат» [11, с. 283].

Диалектическая взаимосвязь противоположных моментов — как сохранения, устойчивости, так и изменения — проявляется в движении, развитии объектов, поэтому в реальных системах симметрия всегда сосуществует с асимметрией. Чтобы выразить момент неустойчивости, динамики и адекватно отобразить материальную систему, принцип симметрии следует дополнить принципом асимметрии. «Во всех реальных явлениях, — пишет В. С. Готт, — симметрия и асимметрия сочетаются друг с другом. И надо думать, что во всех правильных, т. е. соответствующих действительности, научных обобщениях имеют место не просто те или иные симметрии или асимметрии, а определенные формы их единства» [4, с. 378]. В процессе изучения не известных ранее явлений материальной действительности, по справедливому замечанию известного физика Д. Бома, «можно ожидать, что потребуется перейти к новым инвариантным соотношениям, по отношению к которым старые будут играть роль приближений или предельных случаев» [2, с. 224]. Здесь затрагивается проблема связи принципов симметрии и соответствия (преемственности). Действительно, открытие наукой новых типов инвариантных соотношений, расширение сферы инвариантности законов означает их обобщение, распространение на более широкую предметную область и представляет собой движение познания от относительного к

абсолютному, переход к более полному и всестороннему отражению процессов природного и социального мира. Это находит свое воплощение в принципе соответствия, который раскрывает непрерывность развития науки, позволяет объяснить взаимосвязь между существующими теориями, помогает строить новую теорию на основе старой.

Вместе с тем между теориями существует связь иного, противоположного типа: каждая фундаментальная теория характеризуется элементами принципиальной новизны, составляющими ее ядро. Например, в теории относительности таковым является принцип эквивалентности массы и энергии. При предельном переходе от уравнений специальной теории относительности к уравнениям классической механики для него не находится соответствующего эквивалента в классической физике [6, с. 21—28]. Таким образом, принцип соответствия должен быть дополнен своей диалектической противоположностью — принципом несоответствия, который предполагает введение в теорию элементов принципиальной новизны. Принципы соответствия и несоответствия вместе с другими позволяют субъекту регулировать процесс создания новой теории и обращают внимание на взаимоотношения старой и новой теории.

Итак, принципы научного познания ориентируют субъекта в его деятельности, направленной на адекватное отражение материальных объектов и систем, выработку нового достоверного знания, расширение области познания, нахождение взаимосвязей теоретического и эмпирического, новой и старой теорий и т. п. Дальнейшее исследование диалектически противоречивых принципов познания будет способствовать выявлению их места в системе научного знания, их значения как эффективных средств развивающейся познавательной деятельности.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Бом Д. Специальная теория относительности. М., 1967. 3. Бранский В. П. Материальный объект как единство явления и сущности // Материалистическая диалектика. В 5 т. М., 1981. Т. 1. 4. Готт В. С. Философские вопросы современной физики. М., 1972. 5. Кант И. Соч. В 6 т. М., 1964. Т. 3. 6. Кард П. Г. Принцип несоответствия // Уч. зап. Тарт. ун-та. 1975. Вып. 360: Методологические вопросы физики, 2. 7. Овчинников Н. Ф. Симметрия, закономерность природы и принцип развития // Принцип симметрии. М., 1979. 8. Ракитов А. И. О смысле философских вопросов физики // Вопр. философии. 1983. № 6. 9. Турсунов А. Основания космологии. М., 1979. 10. Фейнман Р. Характер физических законов. М., 1968. 11. Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. М., 1967. Т. 4. 12. *Dadourian H. M.* The Principle of the Unobservable // *Sci. Month.* 1944. Vol. 59, N 4.

Поступила в редколлегию 12.01.87

Формирование научного мировоззрения — сложный, многоплановый процесс, который предполагает в числе других задач выработку глубокого понимания каждым членом социалистического общества фундаментальных ценностей социализма.

Каждое общество в своем существовании и развитии опирается на определенную систему ценностей. Ценности являются одним из важнейших показателей степени развития общества, уровня его культуры и исторического прогресса. Они затрагивают самые глубокие основания всех поступков и действий человека, в них фиксируются прежде всего те моменты деятельности людей, которые имеют определяющее значение в их жизни. Ценности неразрывно связаны с потребностями и интересами общества, играют активную роль, стимулируя, направляя и организуя действия людей. Активная жизненная позиция человека невозможна без определенных ценностных представлений, ориентации, выбора, оценок, и то, «какие знания, ценности, моральные нормы будут заложены в информирование населения и систему образования — проблема прежде всего политическая» [2, с. 19].

Процесс перестройки вузовского образования с необходимостью требует углубления знаний студентов по всему кругу вопросов, связанных с ценностной проблематикой. Большие возможности в этом отношении открываются при изучении курса марксистско-ленинской философии. Программа данного курса прямо предполагает усвоение студентами главных теоретических положений марксистско-ленинского учения о ценностях, основных методологических принципов в осмыслении всех вопросов, связанных с данной проблемой [8, с. 44, 58, 59, 60 и др].

Однако обнаруживающееся в научных публикациях различие подходов, разнообразие дефиниций, опережающий рост дискуссионных вопросов по сравнению с разрешаемыми хотя и показывают остроту, напряженность теоретических споров, но вряд ли уместны в вузовской практике. Цель же осмысления данной проблемы в вузе состоит не в ознакомлении студентов с многообразием имеющихся точек зрения и подходов, а в усвоении методологических установок марксистской философии по всему кругу вопросов, относящихся к данной проблеме. Из имеющихся научных разработок необходимо отобрать наиболее аргументированный и подтверждающийся практикой теоретический материал, позволяющий студенту уяснить суть главных вопросов: что такое фундаментальные ценности социализма; в чем принципиальное отличие марксистско-ленинского и буржуазного толкования ценностей; в чем критерий ценностей; что такое ценностное отношение и ценностная ориентация и др.

Практически во всех темах курса философии имеется возможность, разъясняя те или иные вопросы, одновременно касаться

таких их граней, которые связаны с ценностной проблематикой, наращивая и углубляя понимание ее сущности. Реализация этой возможности предполагает усилия многих авторов и не является задачей данной работы. Наша цель — на примере темы «Философия, ее предмет и роль в обществе» показать ее органическую связь с проблемой ценностей и вытекающие отсюда задачи формирования ценностных представлений и ценностной ориентации советского студенчества.

Освещая вопрос о предмете марксистско-ленинской философии и ее основных функциях, следует показать, что «все большее значение в современных условиях приобретает ценностно-регулятивная, аксиологическая функция философии» [9, с. 67]. Усваивая принципиальное отличие предмета марксистско-ленинской философии от других философских систем, необходимо выявить в связи с этим несостоятельность буржуазных толкований предмета философии. Дело в том, что в истории буржуазной философии имеется и линия нигилистического отношения к ценностям как философской проблеме, и линия своеобразной аргументации, по которой философия трактуется прежде всего как теория ценностей, или «критическая наука об общечеловеческих ценностях» (кантианство, неокантианство). Философская мысль в отдельных странах демонстрирует на протяжении длительного периода достаточно энергичные усилия для указанной переориентации предмета философии, а также отдельные практические шаги по ее реализации. Например, в Японии в русле подобной ориентации предлагались проекты перестройки всей системы образования, в 1968 г. была открыта Высшая школа создания ценностей, а в 1971 г. — Университет созидания ценностей [4, с. 114]. В индийской философии, прежде всего среди последователей Ганди, в неиндуизме выработка ценностного мышления характеризуется как главное предназначение философии. С данной точки зрения, «ценностное мышление выхватывает индивида вместе с его заботами, надеждами и тревогами из суеты повседневных дел и если не ставит знак равенства между ним и богом (хотя концепцию нар-нараяны Вивекананды допустимо понимать и таким образом), то дает возможность человеку примерить атрибуты божественного» [5, с. 225].

Такого нигилизма, т. е. отказа от постановки и решения ценностных проблем или же гипертрофии, сведения предмета философии к выработке ценностного мышления, исследованию проблемы ценностей и всех связанных с ней категорий, в марксизме нет. Марксизм, определяя предмет философии как исследование закономерностей взаимосвязи материи и сознания, всеобщих законов природы, общества и мышления, формирование мировоззрения и методов познания и преобразования действительности, подчеркивает вместе с тем свое предназначение формировать не только собственно познавательное, но и ценностное отношение человека к миру [9, с. 67]. В противовес буржуазной аксиологии ценностные категории в марксизме рассматриваются как отра-

жающие момент взаимодействия, единства субъекта и объекта. Это единство понимается как абсолютная предпосылка становления ценностного отношения и ценности как момента подобного отношения.

Такое понимание ценностного выбора с неизбежностью выявляет классовый характер ценностей. Коммунистическая партийность и в этой части выступает результатом последовательности, монизма в познании истины. Отмеченные фундаментальные характеристики ценностей как общественного явления служат надежной методологической базой дальнейшего углубленного исследования проблемы ценностей, создания путей разрешения конфликта ценностей в современном мире [7, с. 194—209]. Эти характеристики являются также методологической основой формирования ценностных представлений человека. При изучении проблемы ценностей, наряду с усвоением основополагающих принципов ее анализа, необходимо обратиться к понятию категории, взятой в ее конкретном содержании. В вузе может быть использовано определение ценностей как идеалов общественной, а на этой основе уже и личной деятельности [6, с. 75].

Такой подход позволяет сконцентрировать внимание на понимании идеалов как одной из форм существования ценностей и затем осмыслить их социальную роль в жизни общества и отдельной личности. Конечно, подобная трактовка не исчерпывает содержание ценностей и соответствующего понятия. Однако в идейно-воспитательном процессе такое понимание ценностей не только допустимо, но и очень плодотворно, разумеется, при учете ряда других важных моментов. Остановимся на некоторых из них несколько подробнее.

Марксистский анализ практически-духовного освоения людьми действительности показывает, что «человек становится человеком в той мере, в какой он развивал свое практически-преобразующее отношение к внешней природной среде и к условиям своего общественного бытия» [10, с. 12]. При этом — «человеческое преобразование действительности основывается на создании образов новой действительности. Поэтому человеческое сознание с самого начала нацелено на отражение действительности не просто как сущего, но и как возможного [Там же, с. 13]. Отсюда — возникновение и становление человеческих идеалов, которые, будучи обусловлены реальными общественными отношениями, сами становятся концентрированным выражением должного бытия людей, тех общественных отношений, которые люди стремятся реализовать, а значит, олицетворением всего наиболее ценного в настоящем и будущем. В этой роли идеалы выступают как форма потенциального существования ценностей. В духовной форме проявления ценности общественной и индивидуальной жизни людей в процессе социального развития не могут оставаться неизменными. Идеалы определенным образом модифицируются, конкретизируются, уточняются вместе с прогрессом человеческого общества, оставаясь выражением коренных классов-

вых интересов, приобретают новые характеристики. Одновременно со становлением и развитием ценностей как идеалов, ориентиров человеческой жизнедеятельности происходит и их объективация, опредмечивание в конкретных действиях и отношениях людей. Рожденные практической жизнью, существующие сначала в качестве идеальных ориентиров, ценности затем возвращаются к практическому бытию людей, реализуются в нем, объективируются в виде общественных отношений, граней, сторон, характеристик социальной жизни. Таким образом, ценности в обществе выступают двояко — как искомые, но уже достигнутые, хотя бы частично, формы человеческой жизнедеятельности, и тогда они есть нормы-сущее; и как еще нереализованная, но желанная цель, идеал, к которому стремятся люди, и тогда они есть должное. Коллективизм, братство народов, товарищеская взаимопомощь являются не только ценностью-идеалом (должное), но и ценностью-нормой (сущее), реальностью, практически воплощенной в различных сферах социалистического образа жизни. Они одновременно и норма, и идеал, и реально существующие на нынешней стадии развития социалистического общества отношения между людьми, и цель, к которой надо стремиться, и в любом случае — ценности, которые надо защищать, настойчиво бороться за их утверждение, обеспечивать их объективацию.

Еще одной очень важной характеристикой динамики ценностей как сложного социального феномена служит то, что они могут быть и целью, и средством общественного бытия людей [6, с. 77—78, с. 80—81]. Эта сложная, многоплановая противоречивая динамика ценностей реально проявляется во всем многообразии, одновременно, а не как-то однозначно, поочередно, только в одной форме. Такое включение ценностей в бытие людей не может не затруднять процесс их понимания, но без этого нельзя раскрыть их сущность и социальную роль.

Основываясь на предпринятом анализе проблемы ценностей, необходимо также отметить, что хотя общественное бытие и характеризуется определенной системой ценностей, играющей огромную роль, и вытекающими отсюда ценностными параметрами жизнедеятельности людей, но не сводится к ним. Требуется уточнения вопрос о ценностном и практическом отношении человека к миру, ведь «общественная жизнь, — как писал К. Маркс, — является по существу практической» [1, т. 3, с. 25].

Конечно же, ценностное отношение человека к миру суть отношение практическое, однако не тождественное **всякому** практическому отношению субъекта к действительности. Ценностное отношение предполагает с необходимостью соотносить свои действия и их результаты с гуманистическими идеалами, а не просто с конкретно-историческими требованиями действительности, с пользой, выгодой, ближайшей целью, успехом, как это зачастую случается в повседневной жизни, а значит, и понимание ценностной ориентации, которая определяется как установка личности на те или иные социальные ценности, должно быть скорректиро-

вано в соответствии со сложным и динамичным содержанием ценностей. Продолжая дальше анализ, можно специально остановиться на вопросе о критерии ценностей, их системе и иерархии.

Таким образом, изучение курса философии в вузе позволяет одновременно акцентировать внимание на всем круге вопросов, связанных с проблемой ценностей. Очевидно, в этом плане плодотворным было бы пересмотрение и других тем курса. В заключение отметим, что в рассмотренной первой теме связи ее с проблемой ценностей не исчерпываются сказанным.

Специального внимания требует вопрос о структуре научного коммунистического мировоззрения. Важно подчеркнуть, что марксистско-ленинское мировоззрение с момента появления включает в себя фундаментальные общеметодологические знания об окружающем мире, носящие по существу объективный, фактологический характер, и знания, носящие оценочный, ценностный характер. «Мировоззрение, — подчеркивает М. С. Горбачев, — это не только совокупность общих сведений о мире. Это одновременно и осознанные классовые интересы и идеалы, правовые и нравственные нормы, социальные приоритеты и гуманистические ценности...» [3, с. 2].

Вопрос о структуре научного мировоззрения с необходимостью ставит ряд проблем: как соотносятся между собой отмеченные составляющие коммунистического мировоззрения, почему это мировоззрение, органически включая ценности, вместе с тем принципиально отличается от религиозного, мифологического, буржуазного мировоззрения и др. Углубленное изучение этих вопросов — важный этап в овладении теорией марксизма и выработке ориентации на фундаментальные ценности социалистического образа жизни.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. 3. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 4. 4. Козловский Ю. С. Идеализм и религия в современной Японии (формы взаимодействия) // Философия и религия на зарубежном Востоке. XX век. М., 1985. 5. Меликов В. В. Неоиндуизм: протяженная двойственность (религиозно-философские и социально-политические интерпретации Вивекананды и Ганди) // Философия и религия на зарубежном Востоке. XX век. М., 1985. 6. Нарский И. С. О ценностях как идеалах человеческой деятельности // Ленинская теория отражения. Свердловск, 1977. Вып. 8: Ценностные аспекты отражения. 7. Парсонс Г. Человек в современном мире. М., 1985. 8. Программы по общественным наукам для высших учебных заведений (Проект). М., 1986. 9. Фролов И. Т. На пути к единой науке о человеке // Природа. 1985. № 8. 10. Шинкарук В. И. Философия, наука, мировоззрение // Диалектический и исторический материализм — философская основа коммунистического мировоззрения. К., 1977.

Поступила в редколлегию 09.01.87

О ЕДИНСТВЕ ГИПОТЕЗЫ И МЕТОДА В ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ

Революционная перестройка всех сторон жизни советского общества выдвигает потребность в серьезных философских обобщениях, экономических и социальных прогнозах развития социализма, требует рассмотрения вопросов теории и методологии исследований общественных процессов, выдвижение гипотез и построение новых моделей социальных структур. Уходят в прошлое попытки упрощенного подхода, заключающиеся в поисках универсального основания, дающего единственное, пригодное для всех условий решение проблем. Исследователи вновь обращаются к методологии использования важнейших положений исторического материализма, сформулированных К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным.

Определяя теоретической основой стратегии и тактики развития социализма исторический материализм, КПСС подчеркивает, что «любая попытка превратить теорию, которой мы руководствуемся, в набор застывших схем и рецептов, годных везде и на все случаи жизни, решительнейшим образом противоречит сущности, духу марксизма-ленинизма» [3, с. 5]. Это положение приобретает особую актуальность в связи с проблемой выдвижения гипотез развития социально-экономических структур социализма, превращения этих гипотез в теории, которые становятся основаниями практики и методов познания действительности. Выдвигаемые гипотезы социально-экономического развития, с одной стороны, должны базироваться на основных принципах исторического материализма как философской теории социального познания [6, с. 17], с другой — учитывать востоянное изменение условий, тенденций общественного развития [4, с. 52].

Разработка проблемы гипотезы, ее превращения в теорию в основном осуществлялась на материале естественных наук, что позволяло выделить общее, присущее развитию научного познания в целом. На наиболее общие моменты процесса превращения гипотезы в теорию, взаимосвязи гипотезы и метода являются в то же время «абстрактными моментами», с помощью которых нельзя в полной мере раскрыть конкретный процесс развития гипотезы. Кроме того, революционный характер осуществляемых в нашем обществе преобразований требует не просто переноса рассматриваемой проблемы из сферы познания вообще в сферу познания социальных процессов, но и обращения к особому классу гипотез, которые связаны с революционными изменениями не в отдельных областях знания и социальной практики, а в системе знания о развитии общества. Концепция перестройки, например, хозяйственного механизма не может опираться только на экономические теории [4, с. 52; 5, с. 24]. Следовательно, методологи-

ческое основание выдвигаемых гипотез должно отвечать диалектически взаимосвязанным требованиям: во-первых, максимальной степени общности, что позволяет рассматривать сложные полиструктурные и полисистемные объекты, во-вторых, включению в той или иной форме основных положений материалистического понимания истории, в-третьих, выделению как самостоятельного элемента принципа конкретно-исторического подхода. Обязательность последнего положения, на наш взгляд, определяется особенностями современного этапа развития познания социальных процессов.

Системность методологического основания гипотез требует и системности в понимании их структур. В истории марксизма представляет особый интерес оценка В. И. Лениным в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» гипотезы материалистического понимания истории во взаимосвязи с диалектическим методом, примененным К. Марксом к изучению закономерностей общественного развития. Единство гипотезы и метода позволяет представить первое великое открытие марксизма в его развитии из гипотезы в теорию как развитие сложной системы.

Прежде всего обращает внимание тот факт, что В. И. Ленин рассматривает гипотезу материалистического понимания истории как временную систему, содержащую следующие формы (этапы) развития: 1) гипотеза-предположение, заключающаяся в выделении из всех общественных отношений отношений производственных как материальных, первичных; 2) развернутая гипотеза-концепция в форме предположения о естественно-историческом процессе развития общества как смены общественно-экономических формаций.

В. И. Ленин, подводя итог «опровержениям» материализма Михайловским, отмечает, что понятия общественно-экономической формации и естественно-исторического характера их развития были выработаны К. Марксом «посредством материалистического метода». Можно было бы утверждать, что в качестве такого метода выступает само первоначальное предположение о структуре общества: государство определяется «гражданским обществом» как совокупностью «материальных жизненных отношений». Гипотеза диалектико-материалистического понимания истории в простейшей и первоначальной форме, выступая в качестве метода, приводит к возникновению понятия «общественно-экономическая формация» и пониманию естественно-исторического процесса развития общества. Такое предположение и требует выделения одного основания, достаточного для возникновения развернутой гипотезы-концепции материалистического понимания истории без привлечения дополнительных принципов. Правда, в этом случае остается неясным, как из одного представления о структуре общества возникает концепция, включающая принцип развития. Остается невыясненным и следующий факт: приступая к разбору диалектико-материалистического понимания истории и ее гипо-

тезы, В. И. Ленин начинает с вопроса: «Почему это говорит Маркс о «современном (modern)» обществе, когда все экономисты до него толковали об обществе вообще?» [2, т. 1, с. 132]. Имеет ли этот вопрос отношение к методу, при помощи которого К. Маркс перевернул существующие представления о законах развития общества и который принято называть «материалистическим» и «диалектическим», и, соответственно, к гипотезе диалектико-материалистического понимания истории?

В. И. Ленин достаточно определенно фиксирует свою позицию в понимании диалектического метода у К. Маркса. Во-первых, это метод прямо противоположен как метафизическому, так и субъективному методу в социологии; во-вторых, он состоит в том, «что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм», а социальная эволюция — «как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций»; в-третьих, изучение законов функционирования и развития общественно-экономических формаций предполагает объективный анализ производственных отношений, образующих данную формацию [2, т. 1, с. 165—166]. Очевидно, что в случае, когда речь идет о методе, использованном К. Марксом для теории естественно-исторического характера развития общественно-экономических формаций, материалистический метод не сводится только к первоначальному материалистическому предположению о структуре общества.

Определяя научное значение метода, примененного для разработки основных принципов и положений материалистического понимания истории, В. И. Ленин считает, что оно «состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим высшим организмом» [2, т. 1, с. 167]. Случайно ли после слова «особых» В. И. Ленин в скобках уточняет — «исторических» законов? Может быть, это уточнение появляется только для того, чтобы напомнить, что речь идет о развитии общества? Следует отметить, что в «Предисловии» ко 2-му изданию «Капитала» у К. Маркса этого уточнения нет [см.: 1, т. 23, с. 21].

Обращает на себя внимание при анализе текста и следующее: диалектический метод, позволяющий рассматривать общественное движение как естественно-исторический процесс, включает два взаимосвязанных положения. 1. Исходным пунктом исследования должна служить не идея, а только «внешнее, объективное явление». 2. «Маркс отрицает именно ту идею, что законы экономической жизни одинаковы и для прошедшего и для настоящего» [2, т. 1, с. 167]. Если учесть, что В. И. Ленин приводит текст не дословно, а выборочно, то последующая строка должна нас убедить в том, что сделанное уточнение далеко не случайно. В. И. Ленин пишет: «Каждый исторический период имеет свои собственные законы» [2, т. 1, с. 167]. Приведенное положение не оставляет сомнения на тот счет, что, ставя вопросы, которые он соби-

рается разобрать для раскрытия основных принципов материалистического понимания истории, В. И. Ленин выделяет и основные структурные элементы, из которых состоит гипотеза диалектико-материалистического понимания истории. Этим положением два: предположение о первичности материальных, экономических отношений и положение о конкретно-исторической определенности законов каждого исторического периода развития общества.

Ленинская оценка гипотезы материалистического понимания истории позволяет рассматривать ее уже не только на уровне первоначального предположения как сложную развивающуюся систему, включающую предположения о структуре общества и принцип конкретно-исторического развития, взаимодействие которых приводит к формированию основной гипотетической идеи об общественно-экономической формации в «Немецкой идеологии», но и иметь системный критерий исследования процесса обоснования материалистического понимания истории. Не случайно В. И. Ленин, характеризуя этот этап развития марксистского учения об обществе, подчеркивает значимость конкретно-исторического подхода: «Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией...» [2, т. 1, с. 143].

Ленинский анализ гипотезы материалистического понимания истории убеждает в том, что гипотезы развития социально-экономических структур должны представлять единство предположения о взаимосвязи структурных элементов с методом их совершенствования. Это единство и составит модель (гипотезу) механизма развития социально-экономических структур.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. 4. Абалкин Л. И. Теоретические основы перестройки хозяйственного механизма // Реформа управления экономикой. М., 1987. 5. Заславская Т. И. О социальном механизме развития экономики // Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики. Новосибирск, 1985. 6. Исторический материализм как методология познания и преобразования общественной жизни. М., 1987.

Поступила в редколлегию 18.02.87

В. А. Ковалева, канд. филос. наук

МАРКСИСТСКОЕ РЕШЕНИЕ ОСНОВНОГО ВОПРОСА ФИЛОСОФИИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП АНАЛИЗА И КРИТИКИ БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ДИАЛЕКТИКИ

На современном, переломном, этапе мирового развития, требующем ответственных стратегических решений, с наибольшей полнотой раскрывается идейный, научно-теоретический потенциал

диалектико-материалистической методологии, которая, как подчеркивается в Программе КПСС, была и остается «принципиальной, выверенной основой естественнонаучного и социального познания» [3, с. 167], составляет суть марксистско-ленинского учения, позволяет «избирать верные направления, формы и методы борьбы, уверенно чувствовать себя на крутых исторических поворотах» [Там же, с. 84].

В обстановке обостренной идеологической борьбы во всем объеме выявляется смысл Марксовых слов о том, почему диалектика находится под постоянным прицелом наших классовых врагов, «..внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас...» [1, т. 23, с. 22]. «Опровержение» марксистской диалектики ведется по многочисленным направлениям и осуществляется почти всеми буржуазными идеологическими «подразделениями», начиная от основных идеалистических течений до новейших узкоспециализирующихся «отраслей» советологии и ревизионизма.

Исследованию антимарксистских фальсификаций материалистической диалектики, буржуазных немарксистских ее вариантов посвящена обширная литература (см. работы А. С. Богомолова, М. Л. Кисселя, И. С. Нарского, Г. Я. Стрельникова, Н. С. Юлиной, В. Е. Козловского, М. Б. Савича и др.). Однако «пока еще нет специального монографического исследования, в котором было бы осуществлено комплексное рассмотрение проблемы» [4, с. 7]. Решение такой задачи предполагает, по нашему мнению, прежде всего четкое определение методологических ориентиров в обосновании научной несостоятельности критики материалистической диалектики.

В историко-философской литературе особо подчеркивается фундаментальность сформулированных В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» методологических принципов критики буржуазной философии, значение ленинской установки на противопоставление теоретическим основам этой философии диалектико-материалистического решения основного вопроса философии его первой и второй стороны) «...по всей линии гносеологических вопросов» [2, т. 18, с. 379]. Вместе с тем при анализе и оценке философских концепций материалистическое решение основного вопроса философии, как правило, противопоставляется различным вариантам идеализма и агностицизма, тогда как философская поляризация диалектики и метафизики оказывается за пределами решения исходного гносеологического отношения мышления к бытию*. Указанный подход не позволяет выявить зако-

* В работах отдельных авторов отмечается необоснованность утвердившейся в нашей литературе общей тенденции разрозненного рассмотрения основного вопроса философии и вопроса о двух концепциях развития, которая ведет к ряду методологических трудностей. См. работы П. В. Колпина, Т. И. Ойзермана, О. М. Бакурадзе, Е. Д. Солопова, Ю. Ф. Бухалова о предмете, структуре и логике марксистской философии, материалистической диалектики.

номерную направленность движения философского знания к единству материализма и диалектики (и соответственно идеализма и метафизики), обосновать целостность, последовательную научность философских теоретических основ марксизма, материалистического и одновременно диалектического решения основного вопроса философии, выявить его коренную противоположность всем историческим вариантам не только идеализма, агностицизма, но и метафизики, что имеет принципиальное значение для критики современной буржуазной философии вообще, немарксистских и антимарксистских концепций диалектики в особенности.

Отношение мышления к бытию обосновывалось классиками марксизма-ленинизма как «великий основной вопрос» всей философии, как противопоставление двух предельно широких понятий, «дальше которых по сути дела... не пошла до сих пор гносеология» и которое «не может устареть» [1, т. 21, с. 282; 2, т. 18, с. 149, 131—132]. В. И. Ленин не вынесил за рамки основного вопроса философии рассмотрение противоположности не только материалистического и идеалистического, но и диалектического и метафизического (антидиалектического) решения всех (без исключения) вопросов гносеологии. В. И. Ленин, разоблачая несостоятельность претензий махизма устранить «односторонность» материализма и идеализма, дал образец реализации диалектико-материалистического решения основного вопроса философии как универсального методологического принципа критики эмпириокритицизма во всех его проявлениях. Эмпириокритицизм В. И. Ленин совершенно однозначно характеризовал как идеалистическое, антидиалектическое направление, раскрыл прямую связь «физического» идеализма с метафизическим пониманием познания. «Ошибка махизма вообще и махистской новой физики состоит в том, что игнорируется эта **основа философского материализма** и различие материализма метафизического и материализма диалектического (подчеркнуто нами. — В. К.) [2, т. 18, с. 275—276].

Обоснование последовательно научного, диалектико-материалистического решения основного вопроса философии в качестве критерия разграничения всех исторических форм материализма и идеализма, диалектики и метафизики получило дальнейшую конкретизацию и развитие в ленинском фрагменте «К вопросу о диалектике»*. Это следует подчеркнуть особо, потому что в фальсификациях ленинского теоретического наследия весьма распространенной является попытка представить материализм, который В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» противопоставляет махизму, как «догматический, от которого якобы В. И. Ленин позже отказался в «Философских тетрадах», отдав должное гегелевской диалектике и реабилитировав ее в марксизме» [9, с. 5, 75].

* Представляется теоретически нечетким утверждение, будто определенность идейно-теоретической философской позиции достигается «на базе соединения вывода Ф. Энгельса об основном вопросе философии и В. И. Ленина о двух концепциях развития» в «Философских тетрадах» [4, с. 41].

Диалектику и метафизику В. И. Ленин относит к двум основным концепциям развития познания [2, т. 29, с. 317]. Диалектика в ленинском понимании «как живое, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание» определяет «неизмеримо богатое содержание» материализма, составляет его живую душу. Это содержание В. И. Ленин противопоставляет метафизике, возводящей в абсолют одну «...из черточек, сторон, граней... бесконечно сложного познания (диалектического) человека» и составляющей гносеологические корни идеализма. Именно неумение применить диалектику к процессу развития познания В. И. Ленин определяет как главную «беду» и метафизического материализма в сравнении с материализмом диалектическим [Там же, с. 321—322].

Следовательно, не только идеалистическое, но и ограниченно метафизическое мировоззрение опосредовано метафизическим, односторонним объяснением познавательного процесса: источника знаний, взаимодействия субъекта и объекта познания*. Метафизика, таким образом, является антиподом собственно субъективной диалектики, диалектики воспроизведения объекта в мышлении. Логика воспроизведения объекта в мышлении обладает относительной самостоятельностью. Этим, по нашему мнению, объясняется определенная независимость материалистического и диалектического, идеалистического и метафизического решений основного вопроса философии. Развитие философии в форме противоположности материализма и идеализма, диалектики и метафизики исторически обусловлено. Односторонне абсолютизированное, метафизическое познание В. И. Ленин рассматривал лишь как предпосылку, возможность идеализма, которая реализуется в определенных исторических условиях, «где ее закрепляет классовый интерес» [2, т. 18, с. 322]. Тенденция закономерного развития философии ведет к единству, с одной стороны, материализма и диалектики, с другой — идеализма и метафизики. Осуществлением первой тенденции становятся материалистическая диалектика, марксистский диалектический и исторический материализм, второй — многочисленные варианты буржуазной идеалистической антидиалектики.

Центральное место в буржуазных извращениях марксистской философии занимает тезис о «невозможности» и даже «противоестественности» материалистической диалектики ввиду якобы принципиальной «несовместимости» материализма, материалистического принципа отражения и диалектики, свойственной, по их утверждению, только активнотельной природе духа. Например, Г. Веттер, сторонник неотомизма, один из самых «авторитетных» в современном буржуазном мире «специалистов» по диалектичес-

* Неподвижные полярности, неразрешимые противоположности, приписываемые природе, как отмечал Ф. Энгельс, привнесены в нее «только нашей рефлексией». Тогда как понимание того, «что эти противоположности и различия, хотя и существуют в природе, но имеют только относительное значение», составляет «центральный пункт» диалектического миропонимания [1, т. 20, с. 14].

кому материализму, пишет: «Коренная ошибка учения о материалистической диалектике заключается в том, что здесь принимается гегелевская концепция, которая может быть и имеет смысл, когда она основывается на предпосылках гегелевской философии (хотя, вероятно, и с этим нельзя будет согласиться), но которая теряет всякий смысл, если в ее основе лежит «материалистическое перевертывание» Гегеля, которым хвалились Маркс и Энгельс, а после них вся советская философия» [7, S. 70]. Характерно, что тот же Веттер раскрывает и общую направленность указанной аргументации: «...если материалистическая диалектика окажется несостоятельной или почти ничего не говорящей, то рухнет здание всего учения», ибо «учение о материалистической диалектике является той частью в диалектическом материализме, в котором прямо-таки решается его судьба» [Там же, S. 115].

Судьба марксизма, действительно, в своих исходных предпосылках связана с диалектикой. Никаких сомнений на этот счет не оставляют выводы Ф. Энгельса о конце старой философии, о логике и диалектике как ее непреходящем, положительном содержании и значении [1, т. 20, с. 142, 525]. Общая тенденция закономерного движения философии к своей последовательно-научной форме — единству материализма и диалектики — получает теоретически заверщенное выражение в ленинской идее о совпадении диалектики, логики и теории познания [2, т. 29, с. 321, 301]. Именно с материалистической диалектикой как теорией познания, логикой, методом научного познания действительности и ее революционного преобразования связывали классики марксизма-ленинизма создание идейно-теоретического оружия пролетариата.

Процесс «слияния» (единства) материализма и диалектики, как и ленинская формула о тождестве диалектики, логики и теории познания, исследованы в философской литературе пока недостаточно и объясняются неоднозначно, что не может не отражаться на критике буржуазных интерпретаций материалистической диалектики. Как в плане позитивной разработки проблемы, так и для разоблачения методологической несостоятельности антимарксистской критики диалектики и ее немарксистских вариантов необходимо поставить вопрос о коренной противоположности философии марксизма — диалектического и исторического материализма — всем разновидностям идеализма и метафизики. В его решении принципиальное значение принадлежит открытому К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистическому пониманию истории, к которому и логико-генетически, и по существу восходит становление марксизма как единой целостной системы.

В историко-философской литературе в основном преодолено упрощенное понимание «достраивания» материализма «доверху» в марксизме как прямое распространение диалектического материализма на область истории, соединение материалистической теории с диалектическим методом. Строго говоря, формирование марксистской философии не было процессом «слияния» материализма и диалектики. Гегель сравнивал мышление с плавильной

печью. Материалистическое понимание истории было такой правильной печью, в горниле которой происходило «снятие» предшествующего этапа развития философии, осуществлялось «перевертывание» гегелевской диалектики и «исправление» домарксовского материализма.

Обоснование диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления невозможно без понимания социально-исторической природы сознания, отношения субъекта и объекта познания, вне осознания определяющей роли практики, на основе которой формируется познавательная деятельность как активный, целенаправленный процесс, постигаются законы, общие для бытия и мышления. Домарксовский материализм не мог применить диалектику к процессу познания, ибо исходил из представления об отражении как зеркально-механическом акте воздействия объекта на субъект. Его теория познания и логика оказывались лишь внешним образом соотносенными с логикой самого объекта, объективной диалектикой. Но и идеалистически истолкованному абсолютному тождеству мышления и бытия, идеалистической диалектике Гегеля, которая понималась им как процесс полагания мышлением себя в форме инобытия и поэтому тождественному ему, основоположники научной философии противопоставляли гносеологическую противоположность мышления бытию, материалистический взгляд на понятия и категории как отображения действительности, существующей вне и независимо от всякого мышления. Единство гносеологического содержания диалектики и материализма получило у Ф. Энгельса выражение в форме вопроса об отношении объективной и субъективной диалектики [1, т. 20, с. 526], в адекватной марксизму постановке основного вопроса философии как вопроса об отношении общественного бытия и общественного сознания.

Следовательно, создание исторического материализма и возникновение диалектического материализма — единый процесс формирования философии марксизма, качественно новой теории и нового метода, где материализм и диалектика в силу общей социально-исторической природы образуют неразрывное, взаимопроницающее целое, более не поддающееся локализации в решении всех философских вопросов. Эта специфическая природа материалистической диалектики и является, по нашему мнению, камнем преткновения для всех ее ниспровергателей.

Представители современной буржуазной философии и социологии, советологии и ревизионизма при всем многообразии акцентов в аргументации сходятся на отрицании объективной диалектики, диалектики природы. Дальнейшая субъективизация диалектики составляет отличительную особенность как ее современных откровенных врагов, так и творцов «новейших» ее модификаций. Например, И. Бохеньский, представитель неотомизма, в хорошо известном на Западе труде «Советско-русский диалектический материализм (Диамат)», выделяет специальный раздел «Субъективная диалектика», в котором пишет: «Диалектика фактически

есть также теория познания и логика. Это единство объективной диалектики (онтологии) с субъективной диалектикой (методологией и т. д.) у Гегеля вполне понятно, так как у него нет никакого различия между бытием и мышлением; в диалектическом материализме оно обособивается теорией отражения, согласно которой мышление есть копия бытия» * [6, S. 99]. Западногерманский советолог Г. Фальк, исходя из того, что типично человеческая деятельность есть духовная деятельность, утверждает, что только духовная деятельность диалектична [8, S. 122].

Стереотипной для буржуазной критики марксистской диалектики (своего рода общим показателем принципиальной «невозможности» материалистической диалектики) является следующая логическая схема. Прежде всего игнорируется качественная специфика марксистского материализма — диалектического и одновременно социально-исторического; действительные теоретические основания марксистской философии подменяются абстрактными. Под материей понимается неизменное бытие природы, т. е. отрицается способность к саморазвитию. Одним словом, марксистский материализм отождествляется с домарксовским метафизическим материализмом и на этой основе объявляется «ограниченным», «устаревшим», «догматическим». Далее диалектика связывается с логикой, активной деятельностью мышления, «свободного» от объективного содержания. Отсюда утверждения о гегелевской диалектике как единственно возможной, «мыслимой» диалектике и неизбежность вывода о «парадоксе», «неразрешимом противоречии» марксистской диалектики. «Диамат стоит перед альтернативой — либо избрать позицию... механистического материализма, либо оставить материализм...» — типичное для указанной логики заключение [10, S. 1225].

Совершенно очевидно, что теоретико-методологическими основаниями подобных воззрений выступают идеализм и метафизика. Данный подход как подтверждение сближения, «слияния» идеализма и метафизики в необходимой исторической тенденции характеризует и многочисленные варианты немарксистских, а по сути антимарксистских, «диалектик», которые активно разрабатываются в рамках различных направлений современной буржуазной философии с целью создания альтернативы материалистической диалектике. Хотя это и не исключает того, что в ряде случаев буржуазные философы и социологи ставят реальные проблемы научного и социального развития, требующие теоретического осмысления. Следует оговориться, что понятие «диалектика» к подобным вариантам применимо мало, здесь, скорее, нужно говорить о необоснованных претензиях.

* В. Е. Козловский отмечает, что в критике материалистической диалектики философствующие отцы католической церкви проявляют исключительную солидарность с опровергателями ее объективного характера из субъективно-идеалистического лагеря [см.: 5, с. 105].

Как отмечается в специальных исследованиях, различные современные «концепции диалектики» представляют собой типично метафизические схемы, которые служат «дополнением» многообразных вариантов искажения диалектической концепции развития познания и объективного мира. К воззрениям такого рода относятся «трагическая диалектика» Ипполита, «онтологическая диалектика» Марка, «когерентная диалектика» Тейяр де Шардена и т. п. в рамках неотолизма. Аналогичными по теоретическим и социальным установкам выступают экзистенциалистские варианты «негативной диалектики», «диалектики тотальности» и др.

В целом же отношение буржуазной философии к материалистической диалектике, в какие бы формы оно ни облекалось, — негативное. И характер аргументов, выдвигаемых против диалектики, и общую методологическую позицию, как справедливо отмечает И. Т. Якушевский, «можно определить одним словом — антидиалектичность» [4, с. 42], именно как антипод последовательно научному, диалектико-материалистическому решению основного вопроса философии.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. 4. Материалистическая диалектика. В 5 т. М., 1985. Т. 5: Критика идеалистических концепций диалектики. 5. Козловский В. Е. Марксистская диалектика и ее современные противники. М., 1978. 6. Bochenski J. Der Sowjet-russisch dialektische Materialismus (Diamat). München; Bern, 1960. 7. Wetter G. A. Dialektischer und historischer Materialismus — Sowjetideologie heute. Frankfurt a. M., 1963. Bd 1. 8. Falk H. Die ideologischen Grundlagen des Kommunismus. München, 1961. 9. Fetscher J. Von Marx zur Sowjetideologie. Frankfurt a. M., 1959. 10. Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie. Freiburg, 1966—1972.

Поступила в редколлегию 16.02.87

С. Д. Цалин, канд. филос. наук

ПРОБЛЕМА ДЕТЕРМИНИЗМА И СВОБОДЫ ВОЛИ В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

Особенность освоения идейного наследия немецкой классической философии по проблеме социального детерминизма и свободы воли заключается не просто в анализе ее наличного содержания, а в поисках нереализованных прогрессивных возможностей, творческом отношении к ее потенциальному содержанию в решении вопроса, являющегося главным предметом всякого марксистского исследования. Каждое новое поколение философов пристально всматривается в историческую ретроспективу постановки

и попыток решения данной проблемы в классической философии. Вышим достижением идеалистической немецкой диалектики в разработке проблемы детерминизма и свободы воли стала философия Гегеля, сумевшего критически переработать и развить достижения своих предшественников. Последовательное утверждение принципа тождества субъекта и объекта побудило философа к восхождению от абстрактных определений свободы и необходимости к их конкретному историческому истолкованию. Однако общая с Шеллингом порочная исходная установка, заставляющая смотреть на природу лишь как на косное инобытие духа, привела Гегеля к мистификации свободы, к переводу теологических догм на язык спекулятивной философии. С Фихте его объединило стремление найти выход в историческую реальность, однако эта реальность в гегелевской системе приобрела черты абстрактного, предельно логизированного и пронизанного телеологией бытия.

Прямым следствием спиритуалистического понимания бытия стала трактовка свободы как специфического свойства человеческого духа, изолированного в кругу культурных ценностей. Поэтому ее определение у Гегеля и осуществляется без всякой оглядки на действительные, материальные предпосылки свободы. Отсюда берет начало еще одна черта — **формализм** учения Гегеля о свободе и детерминизме, родственный кантовской концепции свободы. Вместе с тем даже в пределах идеалистической схемы Гегель существенно развил диалектику внешней и внутренней детерминации свободы и, благодаря последовательному применению принципа развития, показал внутреннюю динамику ее становления в истории философии, философии права и философии истории.

«Истоком и тайной гегелевской философии» называл Маркс «Феноменологию духа». В этом произведении содержится также основа гегелевской диалектики понятий свободы и необходимости. Индивидуальное бытие, сведенное Гегелем к единичному самознанию, действительной свободой не обладает: «Предмет, который индивидуальность узнает на опыте, как свою **сущность**... есть то, что называется **необходимостью**, судьба и т. п. и есть... лишь «ничто» единичности» [2, с. 194]. Единичное бытие индивида, оказываясь **производным** от понятия о нем, полностью погружено в мертвую действительность пустой и чуждой для него абстрактной необходимости до тех пор, пока его негативность не постигнута «в понятии мощи всеобщности, о которую разбивается индивидуальность» [2, с. 196]. Поэтому представление об абсолютности индивидуальной свободы воли, по мысли Гегеля, есть лишь «безумие самомнения», полагающего собственную свободу ничем не ограниченной. Но это относится лишь к единичному, низшему в спиритуалистической иерархии Гегеля, состоянию субъективного духа. Всеобщая необходимость не является препоной для свободы объективного духа, воплощающегося в государстве, более того, она сама выступает формой осуществления его воли.

Отсюда берут начало элементы политического консерватизма, свойственные поздним работам Гегеля. Всеобщая свобода демо-

кратического общества уже в «Феноменологии духа» представлялась ему принципиально исключаящей индивидуальную свободу воли, преследующей и уничтожающей ее. Гегель считал, что неизбежным результатом утверждения всеобщей свободы станет отчуждение и одномерность личности. «Никакого положительного произведения или действия, — писал он, — всеобщая свобода создать не может, ей останется только негативное действие: она есть лишь фурия исчезновения» [2, с. 317].

Эти слова, безусловно, навеяны грозными призраками французской революции. Но Гегель не видел, что **буржуазная** революция на самом деле **не может** обеспечить всеобщей свободы, которую обещали ее идеологи. Истинная причина появления «фурии исчезновения» свободы вовсе не в ее всеобщности, а в узурпации всеобщей свободы немногочисленной (эксплуаторской) частью общества. Узурпация всеобщей свободы как раз и приводит к разорванности единичного самосознания буржуа, несчастного из-за неспособности подняться до открытой борьбы за свободу, которой он так жаждет. Впрочем, это обстоятельство для Гегеля ровно ничего не значило, ибо в его теории действуют не люди — носители сознания, а сознание само по себе. Поэтому и интересует его не реальное, а идеальное, чисто логическое развитие свободы.

Абсолютная свобода как чистое равенство всеобщей воли с самой собой заключает в себе момент отрицания, обладающего «стихией устойчивого существования» [2, с. 319]. Этим отрицанием является всеобщая воля, тождественная чистому, полному знанию, противоположному атомарному, точечному бытию, самосознанию, свободе и воле индивида. Противоположность между всеобщей и индивидуальной волей снимается в абсолютной свободе таким образом, что «отчужденный от себя дух, доведенный до крайней точки своей противоположности, в которой еще различаются чистое проявление воли и то, что проявляет чистую волю, низводит эту противоположность до прозрачной формы, и находит в ней себя самого» [2, с. 321]. Таким образом, личностная свобода воли совершенно не интересует Гегеля, предоставляющего судьбе распорядиться жизнью и смертью, счастьем и несчастьем индивида. Его главная забота — обосновать с помощью категорий воли гносеологическую свободу познающего самого себя и развивающего самого себя абсолютного духа: «Подобно тому как царство действительного мира переходит в царство веры и здравого смысла, так абсолютная свобода переходит из своей себя самое разрушающей действительности в другую страну обладающего самосознанием духа», т. е. **морального духа** [2, с. 321].

Моральный дух в концепции Гегеля находит опосредованное воплощение в праве, философия которого, как и гегелевская философия истории, имеет в качестве центральной идею свободы. В специфической форме права эта идея модифицируется в понятии о наличном бытии свободы воли. В «Философии права» единичная свобода воли уже не считается невозможной, хотя по-

прежнему ограничивается рамками природной и социальной необходимости. И здесь основной установкой является то, что человек не в практической деятельности, а «в мышлении ищет свободы», поскольку «свобода воли дана нам как факт сознания» [3, с. 8]. В отличие от метафизически мыслящих материалистов, Гегель подчеркивает: «Свобода представляет собою основное определение воли, подобно тому как тяжесть представляет собою основное определение тела» [3, с. 32], и сама воля есть не что иное, как особый способ мышления, а именно практического мышления.

Гегель различает три стадии в процессе становления и осуществления свободы воли. Во-первых, представление неразвитого разума, фиксирующего себя как свободу, оборачивается пустой и негативной абстрактной неопределенностью. Будучи транспонированной в действительность, такая свобода обнаруживает себя лишь в разрушении. Это свобода пустоты, которая, «оставаясь лишь теоретической, представляет собой в религиозной области индусский фанатизм чистого созерцания; а обращаясь к действительности, она представляет собой как в области политики, так и в области религии фанатизм разрушения всякого существующего общественного порядка и устранение индивидуумов, подозреваемых в приверженности к порядку... Лишь разрушая что-либо, эта отрицательная воля чувствует себя существующей» [3, с. 34—35]. Гегелевское наблюдение имеет и другое важное значение. Вспомним, что у Гегеля означает мыслить абстрактно. Абстрактно мыслит отнюдь не философ или ученый, принимающий во внимание систему многообразных и конкретных определений вещи, процесса или явления, а человек, останавливающийся на единичности эмпирического факта и совершающий логически недопустимый переход от единичного к всеобщему, минуя опосредствующие звенья особенного как синтеза крайних определений [5, с. 389—394].

Точно так же для большинства лиц, престоупающих закон, свободная воля представляется абсолютной возможностью разрушать построенное другими, посягать на устои общественного порядка и в целом на общественную и личную безопасность граждан. Именно этот подтекст всегда использовался в качестве основного дискредитирующего революционное насилие аргумента не только реакционерами всех мастей и оттенков, но и либералами гегелевского типа. Тем не менее, очищенный от реакционных идеологических напластований, вывод Гегеля о неразвитой свободе воли как субъективного источника ряда преступлений, о неразвитости воли, обусловленной низкими умственными способностями или недостаточной культурой, признается заслуживающим внимания большинством авторитетных криминологов. Криминологические исследования подтверждают наличие у определенной категории преступников фанатического стремления к разрушению. По верному наблюдению Гегеля, такая воля «волит лишь абстрактно всеобщее, **ничего** не волит, и не есть поэтому воля» [3, с. 37].

Чтобы воля могла стать действительно свободной, человек должен уметь себя ограничивать, должен отрицать абстрактно-всеобщее в пользу особенного и конкретного. В этом и заключается субстанциональное свойство свободы, родственное тяжести физических тел. Гегель не остановился на констатации данного факта, он пошел дальше: «Свобода состоит в том, чтобы волить нечто определенное, но в этой определенности все же оставаться у себя и снова возвращаться в лоно всеобщего» [3, с. 39]. Для этого, по Гегелю, необходимо совпадение субъективных целей с объективными; чтобы обрести свободную волю, человек должен найти вне себя основание их совпадения. Свобода воли возникает в ситуации выбора между противоположными влечениями, в ситуации, где нет места произволу. Обыденное представление отождествляет свободу воли и произвол, но подобное свидетельствует об отсутствии культуры мысли. Формальное единство рефлексии о свободе еще остается абстрактным знанием о ней, ибо «вместо того, чтобы быть волей в ее истине, произвол есть... воля как противоречие» [3, с. 44].

Гегель признает, что представители материалистического детерминизма были правы, отрицая в произволе свободную волю. Воля в акте выбора между индифферентными независимыми и равновесными противоположностями действительно несвободна, поэтому человек, полагающий, что он в состоянии выбирать произвольно, оказывается несвободным, так как ему неизвестны основания собственного выбора. Вместо того чтобы руководствоваться разумной необходимостью, он подчиняется слепому, неразумному случаю. Поэтому Гегель и видит подлинное основание свободы воли в познании.

Если Спиноза полагал, что сама природа есть причина самой себя, то у Гегеля свободный дух является причиной самого себя. Соответственно, не объективное наличное бытие и не объективная практическая деятельность выступают у него источником свободы, а лишь адекватность волевого импульса понятию объективной свободы. Как указывал К. Маркс, «у Гегеля субъективная свобода выступает как формальная свобода... именно потому, что объективная свобода не представлена у него как осуществление субъективной свободы, как ее действительное проявление» [1, Т. 1, с. 290]. Потому над субъективной волей всегда господствуют государственные институты как высшие формы разумности воли: «Государство само по себе есть... осуществление свободы, осуществление же свободы есть абсолютная цель разума» [3, с. 267—268]. В государстве, по Гегелю, абсолютный дух выступает как разумная необходимость ограничения свободы воли отдельных индивидуумов и подчинения ее конкретным историческим целям государства. В этом пункте философии права Гегель вплотную подходит к апологетике прусской монархии, прославляемой им в «Философии истории» как окончательной и высшей ступени развития духа.

Свобода рассматривается под углом зрения разумной деятельности исторического развития мирового духа, безуспешно пробуящего себя в восточных цивилизациях — китайской, индийской, египетской, и достигающего цели и свободы лишь в европейской культуре. Высшей необходимостью истории, по Гегелю, является поэтому «разумная и необходимая воля» духа [4, с. 9], стоящего над историей народов — исторических индивидуумов. Получается, что «всемирная история есть не процесс действительного, материального воплощения человеческой свободы, а всего лишь процесс в понимании свободы».

Вместе с тем нельзя сказать, что Гегелю абсолютно чужды представления о подлинных причинах появления и развития свободы. Он упоминает о том, что «действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, их характеров и способностей» [4, с. 20], однако это замечание носит характер простой констатации эмпирической данности, от которой он стремится скорее уйти в сферу отвлеченных спекуляций. Его не интересуют действия народных масс, рассчитывающих пути к свободе личности; — в лучшем случае он считает их лишь с деятельностью великих людей, «личные частные цели которых содержат в себе субстанциональный элемент, составляющий волю мирового духа» [4, с. 29]. Гегель проговаривается о причине, по которой он не учитывает свободную волю отдельной личности: «частное... слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель» [4, с. 32]. Субъективная воля рассматривается лишь постольку, поскольку она выражает всемирную историческую страсть [4, с. 37].

Вообще свобода воли личности может обнаружиться лишь в подчинении юридическому закону — тогда она повинуетса самой себе и оказывается «самой у себя». Поэтому «свобода как идеальность непосредственного и природного не есть нечто непосредственное и природное. Напротив, сперва нужно заслужить и приобрести ее ... посредством бесконечного воспитания, дисциплинирующего знание и волю» [4, с. 39]. Гегель безусловно прав, диалектически связывая свободу воли с конкретно-историческим контекстом бытия личности, хотя само понимание этого контекста идеалистично.

Другим важным моментом гегелевского учения об исторических параметрах свободы выступает указание на ее имманентную и перманентную противоречивость. «Развитие, — констатирует Гегель, — является не просто спокойным процессом, совершающимся без борьбы, подобно развитию органической жизни, а тяжелой недобровольной работой, направленной против самого себя; оно является не чисто формальным процессом развития вообще, а осуществлением цели, имеющей определенное содержание» (подчеркнуто нами. — С. Ц.) [4, с. 53]. Тем не менее, этот методологический принцип не доводится Гегелем до естественных логических следствий, а становится лишь методом построения тощей спекулятивной схемы: первой ступенью служит погружение

духа в естественность, приводящее его к несвободе, второй — выход из естественности и осознание своей свободы, третьей — возвышение от этой частной и еще отягощенной эмпиризмом частной свободы к чистой духовности самосознания, имеющей всеобщесвободный характер. Действие данной схемы Гегель усматривает в наличии некоего царства в-себе-сущей и в-себе-всеобщей воли: «Воля свободна, лишь поскольку она желает не чего-либо иного, внешнего, чуждого, — так как тогда она оказывалась бы зависящею, — а лишь самой себя-воли... Сама свобода воли как таковая есть ...абсолютное, в-себе и для себя вечное право, и притом высшее право» [4, с. 410].

Таким образом, реальное содержание свободы воли осталось нераскрытым — Гегель завершил «Философию истории» мистическим и субъективистским выводом. Воля ради воли, заинтересованная только в самой себе, сама в себе и сама для себя существующая, не могла бы никаким образом объективироваться, стать обнаружимой и понятной. В этом — гносеологический и логический дефект его идеалистического обоснования. Социальная же функция гипостазирования свободы воли заключается в том, что оно послужило Гегелю для подведения идейной основы под раблепную апологетику прусского абсолютизма, неумения и нежелания немецкой буржуазии практически осуществить идеал свободы, выдвинутый французской революцией.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа // Соч. В 14 т. М., 1959. Т. 4. 3. Гегель Г. В. Ф. Философия права // Соч. В 14 т. М.; Л., 1934. Т. 7. 4. Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Соч. В 14 т. М.; Л., 1935. Т. 8. 5. Гегель Г. В. Ф. Кто мыслит абстрактно? // Работы разных лет. В 2 т. М., 1970. Т. 1.

Поступила в редколлегию 21.01.87

А. М. Билык, Я. М. Билык

О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

Мировоззрение ученых отражает явления действительности всегда под углом зрения определенного класса или социальной группы, являясь исходной методологической программой, на основе которой каждый отдельный член научного сообщества определяет отношение к действительности и своему месту в ней, обосновывает идейную, политическую и нравственную позицию, свои убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации.

В исследованиях данной проблемы, как и в целом в науковедении, можно выделить два противоположных подхода: методологический и социологический. Обратимся к результатам и перспективам социологического анализа мировоззрения ученого и со-

отнесем его с традиционным подходом, тяготеющим к методологическим реалиям. Мироззрение ученого определяется теоретическим познанием объективных закономерностей развития природы и общества, но не в меньшей степени оно зависит от социокультурных факторов. Эти две группы объективных детерминант мироззрения и обуславливают возможность различных вариантов его анализа.

В так называемой «стандартной концепции науки», получившей развитие в рамках логического позитивизма, наука рассматривалась только как форма знания, как продукт жесткой детерминации со стороны объекта познания. В центр внимания исследователя было поставлено научное знание, формы его организации, структура и уровни [5, с. 32—35]. Содержание знания и его форма считались независимыми от влияния общества и познающего субъекта. Тем самым «стандартная концепция науки» декларировала полное абстрагирование от социальных механизмов производства научного знания, от конкретно-исторической и социокультурной определенности норм и идеалов научности. Сам познающий субъект понимался как своего рода машина для формально-логической переработки чувственных данных [3, с. 37—38]. Естественно, что в подобных концепциях не находилось места разработкам теории мироззрения ученых.

В последние десятилетия в западной философии науки наметилась переориентация приоритетов исследования. На первый план выходят исследования субъекта научного познания и его атрибутов, личностных и социокультурных аспектов знания, динамики его роста и прогресса в развитии науки. Этот поворот наметился под влиянием работ К. Мангейма и Т. Куна [см.: 2, с. 104—107], и в настоящее время именно он является преобладающим.

В отечественной философской мысли основательно исследуются структура и генезис мироззрения, его уровни и функции, место в системе духовной жизни общества [4]. Однако в данных работах господствует традиционный методологический анализ науки, при котором нет необходимости в категории «мироззрение ученого». Иными словами, теоретические воззрения здесь не следуют из принятого за основу рационального идеала построения научного знания и не опираются на какие-либо практические науковедческие исследования.

В ряде работ — речь идет прежде всего об исследованиях В. С. Швырева, П. П. Гайдено, Б. Г. Юдина [см., напр. 5, с. 41—42] — наука рассматривается не только как система знания, но, в первую очередь, как система деятельности. Такой подход, на наш взгляд, наиболее приемлем. Если в традиционном методологическом анализе акцент ставится на объекте познания, а субъект как бы «выносятся за скобки», то здесь пристально изучаются субъект-субъектные отношения. Деятельностный подход предполагает применение нескольких методов исследования: социологического, социально-психологического и других. Он

акцентирует внимание на проблемах мышления ученого, его взглядах, убеждениях, его мировоззрении. Применение социологического метода, на наш взгляд, позволяет вычленить детерминанты научного мировоззрения, а также выявить некоторые структуры его организации и функционирования.

Мировоззрение выступает важнейшим опосредующим звеном в социальном механизме производства научного знания. Мировоззрение ученого как необходимый атрибут организации научной деятельности трудно понять и объяснить без анализа его социальных и культурно-исторических детерминант. На это указывал еще К. Маркс, который рассматривал науку в качестве социального продукта и считал, что ее организация и эволюция могут быть поняты только во взаимосвязях с более широким социальным контекстом, а импульсы для ее развития создаются благодаря изменениям в социальных структурах [1, т. 46, с. 386—387].

Производство идей в науке определяется как объектом познания, так и интерпретационными средствами, которые заданы культурно-историческими условиями. Такая ситуация в социологии науки предполагает применение категорий «когнитивные ресурсы» и «культурные ресурсы». Двойкая обусловленность научного познания со стороны познаваемой природы и общества выражена наличием двух структур, или регуляторов, мировоззрения членов научного сообщества — когнитивных и культурных ресурсов. Содержание когнитивных ресурсов обусловлено уровнем развития научного познания и его детерминированностью со стороны объекта познания. Эта проблема достаточно полно изучена в рамках традиционного подхода. Влияние же культурных ресурсов в рамках методологического анализа игнорировалось.

Под культурными ресурсами мы понимаем те или иные элементы культуры, которые используются в качестве инструментов или ориентиров указанной интерпретации научных результатов, определяя направленность мировоззрения ученого. Среди культурных ресурсов отметим роль языка. Речь идет не о «языке науки», где более значимы семантические функции, а о естественном языке как атрибуте социального бытия человека [1, т. 3, с. 29]. Мировоззрение ученого зависит также от норм, правил и отношений внутри научного сообщества. Эти понятия объединяются категорией «научный этос». Социологический анализ позволяет сделать вывод о периодическом пересмотре научного этоса под влиянием смены культурных ресурсов. Следовательно, несмотря на то, что научный этос во многом определяет мировоззрение ученых, он сам является производным от культурных ресурсов общества. Возникновение новых научных идей детерминируется еще и некоторыми особенностями развития и функционирования научной теории на современном этапе науки. Речь идет о процессе фундаментализации современной теории. Применяемое здесь понятие «финализации» науки позволяет сделать вывод о феномене инициации новых идей на основе фундаментальных, «закрытых» теорий. Причем новые идеи могут даже противоре-

чить фундаментальным. Этот процесс может регулироваться отношениями внутри научного сообщества, входящими в предметное поле категории «научное общение», так и вненаучными регуляторами — военными, политическими, экономическими, идеологическими [3].

Особенности мировоззрения ученого выражаются в понятиях «научная картина мира» и «стиль научного мышления». Та или иная картина мира есть часть, или производное, от определенной научно-исследовательской программы. Как и основные принципы научно-исследовательской программы, картина мира обладает большой устойчивостью, ее изменение, как и изменение научно-исследовательской программы, ведет к перестройке стиля научного мышления и, соответственно, к пересмотру научных теорий. Таким образом, картина мира играет роль опосредующего звена между научно-исследовательской программой и соответствующими ей научными теориями.

Под стилем научного мышления понимается основанная на исторически определенной картине мира интерпретация сущности научного знания, его целей и методов их достижения. Это стереотип мышления ученого. Стиль мышления определяется, с одной стороны, общезначимыми методологическими характеристиками познавательной деятельности — внеличностными и внеисторическими, а с другой — социологическими, благодаря включенности ученого в процесс социальной коммуникации, разновидностью которой выступает научная коммуникация. Эта проблема основательно исследована представителями «исторической школы» в философии науки, например, Ст. Тулмином и М. Малкеем. Они, правда, не употребляют понятие «стиль мышления», но в их концепциях «работают» понятия, тождественные ему.

Таким образом, социологический подход к анализу науки и проблеме мировоззрения ученого получает все большее признание и применение. Он становится возможным и необходимым тогда, когда наука рассматривается как особый вид человеческой деятельности, когда речь идет о субъекте научной деятельности и системе мировоззрения ученого. Изучение специфики современной науки и управление процессами ее развития невозможно без учета стереотипов мышления, закономерностей производства и функционирования знаний, процессов убеждения и аргументации, без исследования научного творчества. Социологический подход позволяет вычлнить, исследовать и уточнить ряд факторов, определяющих мировоззрение ученого.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983. 3. Федотова В. Г. Концепция «финализации науки» // Вопр. философии. 1984. № 3. 4. Шинкарук В. И., Яценко А. И. Гуманизм диалектико-материалистического мировоззрения. К., 1984. 5. Юдин Б. Г. Методологический анализ как направление изучения науки. М., 1986.

Поступила в редколлегию 15.02.87

ЗНАЧЕНИЕ «ФИЗИКИ ВОЗНИКАЮЩЕГО» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЦЕЛОСТНОСТИ

Отражение объективной целостности мира — один из наиболее общих ориентиров познания. Поскольку конституирующими свойствами целостности являются, в частности, нередуцируемость и способность к саморазвитию, постольку ученые должны быть ориентированы на обнаружение этих признаков на всех уровнях реальности, в том числе и на физическом [см.: 2, т. 18, с. 29—31]. Однако в конкретных построениях тезис о способности к саморазвитию физического мира до последнего времени казался совершенно лишенным актуальности. Здесь господствовало представление о некотором фундаментальном — не зависящем от течения времени, чуждом внутреннему изменению — уровне реальности. Решительный шаг в преодолении такой ситуации сделан представителями Брюссельской школы, прежде всего ее лидером — И. Р. Пригожиным.

Исследования Пригожина привлекают внимание не только специалистов-естествоиспытателей, но и методологов, философов. Они затрагивают коренные вопросы природы времени, характера эволюции неорганического мира, соотношения в этом процессе становления и бытия и т. д. Более того, поиск ответов на вопросы, традиционно относимые к сфере онтологии, побуждает бельгийского ученого выйти в сферу теории познания и утверждать необходимость революционных изменений в оценке «места и самого существа научного подхода» [5, с. 11].

Что же не устраивает Пригожина в традиционных основаниях естественных наук? Ближайшей в такой связи оказывается «безвременность» классической картины мира. Здесь существенно то, что время (как и пространство) утверждалось лишь пассивным «вместилищем» материи, обладающим собственным бытием и независимым от протекающих в нем процессов. Но если течение «реки времени» не зависит от движения материи, то и это движение индифферентно по отношению ко времени: основные законы классической физики инвариантны относительно обращения времени или сдвига начала отсчета. «Безвременность» получила наглядную интерпретацию в восходящей к древним идее фундаментального уровня реальности. В учении Платона таковым выступает мир эйдосов — идеальных первообразов материальных вещей; у Аристотеля — «божественное и неизменное небо». Но наиболее плодотворным для классической науки стало представление фундаментального уровня в рамках атомистической концепции Демокрита. Из этого же источника была воспринята и идея необходимого характера движения микроскопических «кирпичиков материи». Глубокая догадка Эпикура о самопроизвольном, случай-

ном отклонении атомов от необходимого пути оказалась для классической науки чуждой. «Мнение же Эпикура об отклонении атома и произвольном движении — это чистейшие пустяки, оно свидетельствует о незнании предмета», — утверждал Ф. Бэкон [3, с. 268].

Уточним некоторые концептуальные основания «безвременности» классической картины мира. Это, во-первых, видение его как множества множеств отдельных, связанных извне «посредством веревок и сил» тел, объективно обладающих точными значениями всех динамических характеристик (координат, скоростей, сил взаимодействия и проч.). С таким аналитическим представлением было тесно связано утверждение принципиальной возможности абсолютно точного измерения любых комбинаций характеристик тел, атомов. Во-вторых, предполагалась однозначная, необходимая связь двух любых состояний тела (она выражалась, например, дающими необходимые предсказания или ретроспекцию законами Ньютона). В-третьих, принималось допущение полной независимости законов движения и начальных условий, в частности, один и тот же закон описывал ситуации, порожденные начальными условиями с обращенными значениями скоростей v , $-v$ и т. п.

Перечисленные положения составляют необходимые основания традиционного физического мышления мира. На них опирается теория движения тел по хорошо определенным траекториям, которые можно проследить как в будущем, так и в прошлом. Классическое описание настоящего содержит поэтому все тенденции изменения, т. е. само будущее. В таком смысле ничего принципиально нового и непредсказуемого возникнуть не может: мир кажется **существующим**, изменяющимся, но **не возникающим**, становящимся. «Со времен Ньютона, — замечает Пригожин, — физика видит свою задачу в достижении не зависящего от времени уровня реальности, на котором не происходят истинные изменения, а лишь вполне детерминированным образом эволюционирует начальное состояние. Глубокий переворот в нашем мышлении, — добавляет он, — не затронул основные установки классической физики. В динамике, будь то классическая, квантовая или релятивистская динамика, время выступает лишь как некий внешний параметр, не имеющий выделенного направления. В динамике нет ничего такого, что позволяло бы отличать прошлое от будущего» [5, с. 217].

Если первая часть приведенного фрагмента достаточно очевидна, то вторая может вызвать сомнения: не противоречит ли она принятой современной физикой реляционной концепции пространства-времени и отказу от лапласовского детерминизма, стимулированному квантовой механикой? Однако Пригожина нельзя упрекнуть в игнорировании этих достижений. Следует, видимо, признать, что если они и ослабили классическую «безвременность», то не устранили ее до конца. Поэтому значительная часть современных теоретических построений не только остается в рам-

ках «физики существующего», но и ориентирована на классический идеал как на единственно возможный.

Примем во внимание, что именно квантовая механика впервые строго обосновала отказ от классического аналитического видения мира как множества отдельных, имеющих точные значения всех динамических величин тел — необходимого основания «физики существующего» [8]. На этом пути был отвергнут лапласовский детерминизм. Идеал обратимости хотя и претерпел качественные изменения, но фактически сохранил статус универсального. Можно поэтому утверждать, что квантовая механика содержит особенную форму необходимого, но не достаточного условия преодоления «безвременности». Она относится не к традиционной «физике существующего», а скорее занимает промежуточное место между ней и «физикой возникающего» [ср.: 6, с. 282, 290—294].

Итак, критический пафос Пригожина направлен против абсолютизации концептуальных оснований классической физики. Поднятые до уровня универсальных, они породили метафизическую (антидиалектическую) ступень познания [1, т. 19, с. 202—207], поэтому в гносеологическом плане критика Пригожина направлена против рецидивов метафизики в современном научном познании.

В чем суть конструктивной программы бельгийского ученого? Поиску ответа на данный вопрос помогает выделение и оценка самим Пригожиным темы эволюции физической формы движения материи в наследии Л. Больцмана и А. Эйнштейна. «Идея эволюции обладала для Больцмана неотразимой привлекательностью, и его честолюбивой мечтой было стать «Дарвином» эволюции материи», — пишет ученый [5, с. 161]. В другой работе находим: «В определенном смысле Эйнштейн стал Дарвином физики. Дарвин дал нам понять, что человек принадлежит биологической эволюции. Эйнштейн объяснил нам, что мы принадлежим эволюционирующей вселенной» [4, с. 115]. Принципиальные интересы Пригожина лежат в идейном русле, намеченном его великими предшественниками, однако «выработанным» ими не до конца. Наиболее общая проблема его исследований — построение полной «физики возникающего», т. е. **концепции эволюции неорганической материи**, свободной от метафизических ограничений на уровне философского обоснования и корректной на уровне конкретно-научного выражения.

Какова система основоположений «физики возникающего»? Вообще говоря, уже само отрицание идеализаций классической науки составляет некоторый фундамент. Здесь существен отказ не только от принципиальной возможности абсолютно точного определения характеристик тела, но и утверждение зависимости типа движения от начальных условий, утверждение понятий динамической неустойчивости, внутренней случайности и внутренней необратимости и проч. [6, гл. 9]. Однако точный ответ на вопрос о более или менее полной системе понятий, независимых принципов «физики возникающего», по нашему мнению, сегодня еще не найден. Его поиск требует углубленного логического и содержа-

тельного исследования. Тем более могут быть полезными мировоззренческие оценки ситуации, установление общих методологических ориентиров.

Философское значение «физики возникающего» состоит, в первую очередь, в том, что она демонстрирует все более широкое проникновение идей диалектики в основании наук о неорганической природе. Но было бы непозволительной натяжкой отнести Пригожина и его сотрудников к лагерю сознательных диалектиков. Даже появление ссылок на И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса лишь подтверждает то, что Пригожин весьма далек от науки диалектики, хотя блестяще демонстрирует укрепление диалектической тенденции развития современного естествознания.

Но, может быть, для решения поставленных задач вполне достаточно диалектики стихийной? Возможно, если говорить только о разработке физической концепции [ср.: 1, т. 20, с. 368—369]. Однако поскольку ученый сделал заявку на нечто большее, на обоснование нового научного подхода, постольку ограничение стихийно-диалектическим стилем мышления не позволяет надеяться на эффективное решение данной проблемы. Не зря редактор советского издания книги И. Пригожина «От существующего к возникающему» очень деликатно назвал теоретико-познавательные претензии автора «...может быть, излишне эмоциональными» [5, с. 2].

В преодолении каких трудностей построения «физики возникающего» диалектико-материалистическое мышление оказалось бы полезным? Нам не хотелось бы становиться в традиционную позу обладателя и глашатая абсолютных истин. Здесь должны сказать свое слово естествоиспытатели-марксисты (Пригожин, кстати, очень высоко оценивает исследования советских ученых — А. А. Маркова, А. Н. Колмогорова, В. И. Арнольда, Я. Г. Синая и др.). Ограничимся одним собственно философским замечанием.

Работы Пригожина в действительности не столько доказывают необходимость принципиально нового научного подхода, сколько подтверждают объективное усиление потребности естествознания в диалектико-материалистическом методе, выступающем адекватным средством мышления неразложимой на множества, способной к саморазвитию, т. е. **целостной**, системы неорганической природы. В свете диалектико-материалистической концепции целостности «физика возникающего» есть новейшее доказательство вступления физической науки в высшую синтетическую фазу своего развития [8]. Конечно, для физики, в особенности для физиков Запада, осмысление и осуществление такой тенденции имеет революционный характер.

Познание целостности как восхождение от абстрактного к конкретному есть многоступенчатый процесс: в наиболее общем виде он может быть представлен как переход от синкретического созерцания к аналитическому исследованию и далее — к синтетическому, целостному воспроизведению в мышлении объективной

целостности реальности [1, т. 46, ч. 1, с. 38—42; 8]. Современная физика в значительной степени исчерпала возможности аналитического этапа познания, ее дальнейший прогресс связан с синтетическим отражением мира. Исследование Пригожина в полной мере подтверждает прогноз диалектико-материалистической концепции целостности: формирование синтетической теории лежит через отказ от абсолютизации анализа и последовательный учет **нераздельности** и **нередуцируемости** [ср.: 5, с. 233—236, 242, 252—253; 6, с. 328—332, 360—361]; через признание **развития** и **саморазвития** реальности [ср.: 5, с. 250—254; 6, с. 320, 369, 373—377], сколь бы несущественным или даже невероятным ни казалось это свойство на первый взгляд. Короче говоря, прогресс естествознания поставил на повестку дня построение **физической концепции целостности**. Но если до сих пор основное внимание в решении этой грандиозной задачи уделялось осознанию и выработке адекватных средств описания нераздельности и несводимости целостности к множеству отдельных вполне определенных элементов [7; 9], то работы Пригожина подтверждают необходимость учета и такого неотъемлемого свойства целостности физического мира как способность к саморазвитию.

На VIII Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки (Москва, 1987) И. Пригожин выступил с докладом, основной тезис которого — необратимость существует не только в макромире, но и на фундаментальном микроскопическом уровне — вызвал самую разную реакцию. Он в большей мере импонирует естествоиспытателям и философам, поскольку созвучен диалектическому принципу всеобщего развития. Однако физики-теоретики, математики относятся к идеям Пригожина более скептически, поскольку они еще не «отлиты» в строгую теорию, а представлены в виде более или менее гипотетических суждений, требующих дальнейшего уточнения и обоснования. Какова бы ни была дальнейшая судьба данной формы «физики возникающего», исследования в этом направлении оправданы и должны быть продолжены.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Бэкон Ф. О мудрости древних // Бэкон Ф. Соч. в 2 т. М., 1978. Т. 2. 4. Пригожин И. Эйнштейн: триумфы и коллизии // Эйнштейновский сборник 1978—1979. М., 1985. 5. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М., 1985. 6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. 7. Тягло А. В. К проблеме построения квантовой концепции целостности // Филос. пробл. совр. естествознания. К., 1986. Вып. 60. 8. Тягло А. В. Логика системы основных понятий о целостности // Вестн. Харьк. ун-та. 1984. Вып. 261. 9. Цехмистро И. З. Парадокс Эйнштейна — Подольского — Розена и концепция целостности // Вопр. философии. 1985. № 4.

Поступила в редколлегию 15.03.87

В данной заметке мы попытаемся связать концепцию целостности, в основе которой лежит невозможность исчерпывающего и полного разложения состояний физических систем на множества элементов, с проблемой необратимости в элементарных событиях, поставленной в работах И. Пригожина и его учеников.

Понятие неустойчивых или сильно неравновесных систем вводится в [1, с. 194—195] следующим образом: когда термодинамические силы, действуя на систему, становятся настолько большими, что вынуждают ее покинуть линейную область, гарантировать устойчивость стационарного состояния или его независимость от флуктуаций уже нельзя. За пределами линейной области устойчивость уже не является следствием общих законов физики, и возможно возникновение таких состояний, в которых случайные флуктуации вместо того чтобы затухать, усиливаются и овладевают всей системой, вынуждая ее эволюционировать к новому режиму. Последний может качественно отличаться от стационарных состояний, соответствующих минимуму производства энтропии.

Как известно, попытки «вывести» необратимость из динамики не увенчались успехом (теория траекторий Больцмана и теория ансамблей Гиббса—Эйнштейна). По мнению И. Пригожина и И. Стенгерс, переход к термодинамике вообще невозможно осуществить в рамках динамики (к которой они относят и квантовую механику) в силу классических по своей сути представлений о процессах и состояниях, описываемых инвариантными относительно времени выражениями. В теории ансамблей, разъясняют далее указанные авторы, физические системы рассматриваются в фазовом пространстве. Динамическое состояние точечной частицы определяется ее положением (вектором с тремя компонентами) и импульсом (тоже вектором с тремя компонентами), т. е. точкой в шестимерном пространстве координат и импульсов (фазовое пространство). Состояние системы из n точек задается точкой в $6n$ -мерном фазовом пространстве. Эволюция во времени системы из n частиц будет описываться траекторией такой точки в фазовом $6n$ -мерном пространстве. Поскольку точные начальные условия макроскопической системы никогда не известны, то можно представить такую систему ансамблем, или «облаком», точек, соответствующим различным динамическим состояниям, совместимым с не вполне точной информацией о системе. Каждая область фазового пространства может содержать бесконечно много таких представляющих точек. Их плотность служит мерой вероятности найти рассматриваемую систему в данной области. Вместо того чтобы рассматривать бесконечно много дискретных точек, удобно ввести непрерывное распределение таких представляющих точек в фазовом пространстве.

Пусть $\rho(q_1, \dots, q_{3n}, p_1, \dots, p_{3n})$ — плотность распределения представляющих точек в фазовом пространстве, где q_1, \dots, q_{3n} — координаты n точек, p_1, \dots, p_{3n} — импульсы тех же точек. Плотность ρ есть плотность вероятности найти динамическую систему в окрестности точки $q_1, \dots, q_{3n}, p_1, \dots, p_{3n}$ фазового пространства. В такой картине точка соответствует максимально точному знанию о системе, которое возникает в результате предельного перехода все возрастающей точности.

Фундаментальная проблема состоит в том, чтобы выяснить, какой предельный переход реально осуществим. Непрестанное повышение точности означает, что от одной области в фазовом пространстве, где плотность ρ отлична от нуля, осуществляется переход к другой, меньшей, которая содержится в первой. Такое стягивание можно продолжать до тех пор, пока область, содержащая систему, не станет сколь угодно малой. «Но при этом, — предупреждают авторы, — необходимо соблюдать осторожность: «сколь угодно малая» не означает «нулевая», и априори ни откуда не следует, что наш предельный переход непременно приведет к непротиворечивому предсказанию отдельной однозначно определенной траектории» [1, с. 315].

Становится очевидным, что хотя теория ансамблей открывает возможность строгого сочетания статического подхода и законов динамики, однако ничего не проясняет в проблеме возникновения феномена необратимости: «Для Гиббса и Эйнштейна функция распределения в фазовом пространстве была лишь вспомогательным средством, выражающим наше незнание *de facto* ситуации, которая однозначно определена *de jure*. Но вся проблема предстает в новом свете, если можно показать, что для **некоторых типов систем** бесконечно точное определение начальных условий приводит к внутренне противоречивой процедуре. Но коль скоро это так, тот факт, что нам всегда известна не отдельная траектория, а группа (или ансамбль) траекторий, выражает уже не только ограниченность нашего знания — он становится исходным пунктом нового подхода к исследованию динамики» (подчеркнуто нами. — Г. Д., И. Ц.) [1, с. 329]. Именно такие системы, по мнению авторов книги, и являются неустойчивыми. Однако как выяснить внутренний источник неустойчивости, статистичности и необратимости их эволюции? Здесь, на наш взгляд, решающим становится обращение к методологии квантовой целостности физических систем.

Прежде всего следует указать на то, что приведенный анализ $6n$ -мерного фазового пространства Гиббса—Эйнштейна должен быть пересмотрен с учетом принципиальной невозможности неограниченного разложения его на элементарные области и стягивания последних в точки ввиду существования в таком пространстве далее неделимой и неразложимой на какие-либо элементы ячейки объемом в h^{6n} . Если в модели Гиббса—Эйнштейна состояние системы изображалось в фазовом пространстве точкой, то в квантовой статистике — ячейкой объемом в h^{6n} . Отсюда ясно, что

непрестанное уточнение состояния системы в начальных условиях; стягивание области в фазовом пространстве может проводиться лишь до тех пор, пока область, содержащая систему, превышает указанную элементарную ячейку. Понятно также, что подобная система становится «внутренне случайной системой» прежде всего *de jure* в силу того, что теперь нам никогда не известна отдельная точка (или отдельная траектория), а всегда группа или ансамбль таких точек или траекторий, покрывающих в фазовом пространстве область, соответствующую ячейке h^{6n} . Нужно подчеркнуть, что объективно этих точек или траекторий как вполне однозначных элементов реальных состояний систем не существует, и поэтому они являются ненаблюдаемыми (точнее даже — фиктивными). Это во-первых.

Во-вторых, идеология квантовой целостности требует релятивизации понятий «элемент» и «множество элементов» в описании квантовых систем за счет введения представления о такой фундаментальной целостности квантовых систем, для описания которой необходимо обратиться к противоположному по отношению к понятию множества понятию целого: целое как одно (не—множество). А это означает фундаментально вероятностный статус существования какой-либо множественной структуры системы: если физическая система не разложима в конечном счете на множества и элементы, то описание ее в терминах элементов и их множеств неизбежно и с самого начала приобретает вероятностный смысл [2]. В этом случае предельно детализированное (так называемое чистое) состояние квантовой системы будет характеризоваться возможностью разложения в суперпозицию (или набор) его частных состояний как потенциально возможных, каждое из которых соответствует определенному значению интересующего параметра системы — наблюдаемой переменной.

Вообще говоря, каждое из таких состояний можно представить изображающей точкой в фазовом пространстве Гиббса—Эйнштейна; все возможное множество их должно покрывать ячейку h^{6n} в нем. Каждое из подобных состояний как «потенциально возможное» входит в «реальное» состояние квантовой системы с определенным «весовым» коэффициентом, сумма всех коэффициентов по всем возможным состояниям нормирована к единице. Этот набор потенциальных возможностей квантовой системы описывается ее волновой функцией, изменяющейся с течением времени вполне детерминистическим образом.

Феномен необратимости возникает в элементарных микрособытиях тогда, когда под влиянием акта измерения (или более широко — взаимодействия частиц) происходит перестройка исходного чистого состояния в некоторое новое состояние, соответствующее случайно реализовавшемуся одному из случайных (потенциально возможных) состояний системы, представленных суперпозицией частных состояний ее ψ -функции. В теории измерения этому соответствует переход начального чистого состояния в смешанное с последующей редукцией смеси к новому чистому состоя-

нию, соответствующему осознанному наблюдателем показанию стрелки прибора.

Однако обращение к наблюдателю вовсе не является необходимым. Феномен целостности квантовой системы, представленный неразложимой ячейкой h^{6n} , ответствен не только за появление вероятностей в описании квантовой системы, но и за «управление» этими вероятностями, их взаимную согласованность и скоррелированность, проявляющуюся, в частности, в известных квантово-корреляционных эффектах. В акте случайного перехода системы в одно из возможных (и тоже случайных!) состояний под воздействием измерения или физического взаимодействия с другой системой феномен целостности квантовой системы необратимым образом «сворачивает» весь набор ее потенциальных возможностей к новому реализовавшемуся состоянию. Тем самым ответственность за редукцию потенциальных возможностей квантовой системы к реализовавшемуся состоянию должна быть снята с наблюдателя и возложена на свойство целостности квантовых систем. Одновременно это вскрывает объективный источник необратимости в элементарных процессах в фундаменте материи, что представляет известный интерес для концепции И. Пригожина.

Список литературы: 1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. 2. Цехмистро И. З. Парадокс Эйнштейна—Подольского—Розена и концепция целостности. // Вопр. философии. 1985. № 4.

Поступила в редколлегию 16.02.87

А. В. Тягло, канд. филос. наук,
И. З. Цехмистро, д-р филос. наук

К ИСТОРИИ КВАНТОМЕХАНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРИОДИЧНОСТИ

Тот факт, что квантовая теория, добившись ошеломляющих успехов в решении множества теоретических и практических задач, до сих пор не имеет общепринятой интерпретации, является интеллектуальным вызовом научному сообществу. В такой ситуации обращение к истории представляется вполне оправданным, поскольку углубленное изучение проблем прошлого способно не только выявить корни сегодняшних трудностей, но и обнаружить пути их преодоления. Книга Т. Б. Романовской лежит в таком русле, имея своим предметом историю теоретико-физической интерпретации периодичности системы атомов*.

Истории периодической системы посвящена обширная литература (см. напр., работы Б. М. Кедрова, Д. Н. Трифонова, Е. Рабиновича и Э. Тило, ряд других исследований советских и зару-

* Романовская Т. Б. История квантомеханической интерпретации периодичности. М.: Наука, 1986.

бежных ученых). Оригинальность подхода Т. Б. Романовской состоит, в частности, в том, что она освещает интерпретацию периодичности не только в старой квантовой теории, но и предпринимает попытку выявить, что внесла в решение этой острой проблемы квантовая механика.

Исследуемая автором проблема достаточно узка, и это дает возможность проследить попытки ее решения практически на протяжении всего развития квантовых представлений: от работ Дж. Дж. Томсона, затем Н. Бора, через работы Л. Томаса и Э. Ферми, Д. Хартри и В. А. Фока, вплоть до применения в изучении периодической системы современного теоретико-группового подхода. Ценно то, что Т. Б. Романовская убедительно показывает весомый, а иногда и приоритетный вклад в разработку теории атома советских ученых — В. А. Фока, А. П. Юциса, В. М. Клечковского и других.

Одна из наиболее удачных глав монографии посвящена возникновению и развитию метода Хартри—Фока. Этот метод с теми или иными уточнениями и сегодня выступает одним из главных средств расчета электронных оболочек атомных систем. Но если формализм данного метода достаточно ясен, то об интерпретации такого сказать нельзя: до сих пор, например, вызывает дискуссии природа обменного взаимодействия*. Поэтому детальная реконструкция пути, пройденного Д. Хартри, Дж. Гонтом, Дж. Слэтером и, наконец, В. А. Фоком, представленная в книге Т. Б. Романовской, дает ценный исходный материал для решения такой задачи.

Конечно, вряд ли можно строго упрекать автора монографии в том, что он не занимался специальным исследованием интерпретации обменного взаимодействия. Эта задача выходит за рамки избранной им проблемы. Вместе с тем нельзя не отметить, что ключ к интерпретации обмена содержится в той самой совокупности работ В. А. Фока, которые анализирует Т. Б. Романовская. Изложим вкратце суть проблемы.

Понятийный каркас квантовой механики характеризуется тем, писал В. А. Фок в статье «Принципиальное значение приближенных методов в теоретической физике» (1936 г.), что он включает понятия о массе и заряде свободных частиц, о «механической системе в собственном смысле (т. е. не зависящей от излучения), о стационарных состояниях систем, но там нет еще понятий о состояниях отдельных частиц, образующих систему (электронов в атоме)...» (подчеркнуто нами.— А. Т., И. Ц.). Таким образом, В. А. Фок прямо указывает, что квантовая механика не предполагает делимость квантовой системы на отдельные элементы, т. е. ее существование как множества отдельных, связанных внешними силами микрочастиц. Поэтому разработанный им способ решения задачи многих тел, допускающий по самой своей сути

* См.: Давыдов А. С. Интерпретация результатов научных исследований в области физики // Методологический анализ научного познания. К., 1985.; Тягло А. В. Проблема построения квантовой концепции целостности // Филос. пробл. совр. естествознания. К., 1986. Вып. 60.

разложимость целостного объекта (атома), является приближенным.

«В чем же состоит принципиальное значение этого метода? В нем волновая функция всего атома приближенно, — подчеркивает ленинградский теоретик, — выражается через волновые функции отдельных электронов. Но это значит, что мы приобретаем новое физическое понятие о том, что электроны в атоме находятся в определенных состояниях...

Но это еще не все... Таким образом, мы приобретаем, — заключает В. А. Фок, — еще одно новое физическое понятие — понятие об энергии квантового обмена...» [Там же].

Смысл приведенного фрагмента однозначен: необходимым условием введения обменных интегралов является фундаментальное допущение разложимости атома на составляющие элементы и вытекающее отсюда представление волновой функции квантового целого через функции состояния отдельных электронов. Но так как на самом деле в силу фундаментального свойства целостности, неделимости квантового объекта «составляющие» его элементы актуально не существуют в качестве отделимых один от другого, обособленных и физически верифицируемых как таковые, то это чисто множественное истолкование целого приходится дополнить представлениями о том, что выделенные в его структуре тождественные элементы (электроны), будучи неразличимыми между собой, способны — каждый в отдельности — находиться одновременно во всех возможных для всего их множества состояниях, что и ведет к появлению обменных интегралов. Последние есть прежде всего специфическая поправка на «целостность», вводимая в выражение для энергии квантового объекта лишь вследствие приближенного представления его как множества отдельных элементов и призванная как-то компенсировать это огрубление реальности.

Индифферентность по отношению к проблеме интерпретации обменного взаимодействия, обнаруживаемая в книге Т. Б. Романовской, характерна, впрочем, не только для нее. Подобное служит красноречивым проявлением сложившейся в современной физике ситуации, когда квантовую механику «мы не понимаем до конца, но умеем применять» (Абдус Салам). Однако стоит ли считать недостаток нормой?

Т. Б. Романовской удалось зафиксировать существенное противоречие в современной теории атомных систем: если, с одной стороны, более строгие расчеты энергетических характеристик требуют перехода от одного конфигурационного приближения к многоконфигурационному (с. 78—80), то с другой, такое уточнение ведет к теоретическому «размыванию периодичности» (с. 109—110, 118). Иначе говоря, совершенствование метода расчета одних характеристик атома связано с «утратой» иных. В такой связи правомерен вывод автора рассматриваемой монографии о том, что «удовлетворительная формулировка теоретической интерпретации периодической системы на основе квантовой механики

еще не получена» (с. 118). Это, конечно, отрицательный результат, но он ценен тем, что подводит итоги и обнажает проблему. И если согласиться с утверждением, что о достоинствах книги следует судить по тому, в какой мере она порождает «хорошие» вопросы, то работа Т. Б. Романовской заслуживает высокой оценки.

Поступила в редколлегию 18.12.87

В. А. Чефранов, д-р филос. наук

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Политические отношения социалистического общества могут быть охарактеризованы как связи и взаимодействия между социальными общностями — рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией, нациями, народностями и т. д. — по поводу наиболее целесообразной организации политической системы и ее институтов, их укрепления и развития для достижения социально значимых целей. Политические отношения олицетворяют сплав политического сознания как совокупности идей, теорий, взглядов и соответствующих им психологических проявлений, отражающих общие и специфические интересы социальных общностей, с реальной политической деятельностью. Объектом политических отношений выступает политическая система в лице ее основного звена — государственной власти, а ее субъектом — классы и их общественные формирования. Любая общественная проблема приобретает политический характер, если ее решение прямо или опосредованно связано с классовыми интересами и прежде всего с проблемой власти [См.: 1, т. 1, с. 360]. Областью политики являются отношения «всех классов и слоев к государству и правительству... взаимоотношения между всеми классами» [2, т. 6, с. 79].

В социалистическом обществе содержание объекта политических отношений смещается с проблемы обладания политической властью (эта проблема здесь полностью и однозначно решена) на проблему оптимального использования ее для решения крупных социальных задач, в которых воплощаются интересы трудящихся масс, руководимых рабочим классом во главе с Коммунистической партией. Политические отношения социалистического общества, в отличие от иных исторических типов политических отношений, не являются антагонистическими. Уяснение данного обстоятельства, как и выявление иных особенностей этих отношений, составляет один из важных аспектов методологии их изучения.

Политические отношения, сложившиеся в СССР, отличаются высокой степенью организованности и упорядоченности, что обеспечивается за счет действия социального механизма регулирова-

ния политических отношений, основные звенья которого закреплены в Конституции СССР. Они основаны на социалистической собственности, отражают плановый характер развития советской экономики; характеризуются социалистическим демократизмом, интернационализмом, исходят из принципа национального равноправия, подлинного гуманизма; возникают и совершенствуются в рамках правового регулирования, в основе которого лежат конституционные нормы, обеспечивают законность и порядок, организованность и дисциплину, социальную справедливость; развиваются во взаимосвязи с политическими отношениями, установившимися в рамках социалистического содружества, мировой системы социализма; способствуют решению главных задач, стоящих перед Советским государством, углублению социалистического самоуправления народа.

Социалистическим политическим отношениям присущ принцип взаимной ответственности государства и личности как неотъемлемое свойство социалистической демократии, зафиксированное в системе юридических прав, свобод и обязанностей. Взаимная ответственность в политических отношениях — одно из условий обеспечения социальной справедливости и утверждения моральных устоев социалистического образа жизни [см.: 9, с. 124 и др.]. Фокусируя коренные общенародные интересы, социалистическое государство выступает не только как объект политических отношений, но и как их субъект. При этом оно является основным, определяющим субъектом политических отношений, так как служит главным орудием осуществления политики КПСС, построения социализма и коммунизма, единственным носителем политической власти, официальным представителем всего общества.

В систему субъектов политических отношений социализма, помимо государства, входят также многочисленные массовые общественные организации — комсомол, профессиональные союзы, кооперация, органы народного контроля, творческие союзы и добровольные общества. В соответствии с ленинским пониманием политики деятельность этих элементов социальной системы «приобретает политический характер благодаря участию в делах государства» [13, с. 14]. Все без исключения негосударственные организации и образования действуют в рамках, установленных законами государства. «Ключевой вопрос политики партии, — подчеркивается в Программе КПСС, — развитие и укрепление Советского социалистического государства, все более полное раскрытие его демократического, общенародного характера, творческой, созидательной роли» [3, с. 158].

Особое место в политической структуре социалистического общества занимает Коммунистическая партия как руководящая и направляющая сила социалистического общества, обеспечивающая научное руководство созидательной деятельностью народа. Повышение роли КПСС во всех сферах жизнедеятельности социальной системы как выражение объективной закономерности социализма не снимает, а наоборот, еще более актуализирует

проблему нахождения оптимального соотношения партийных и государственных функций в процессе социального регулирования.

Говоря о диалектике политических отношений, следует принимать во внимание их внутреннюю, устойчивую, существенную связь со всеми иными видами общественных отношений, прежде всего с отношениями экономическими. Перенесение акцента на экономические отношения методологически оправдано: оно обусловлено детерминированностью политики экономикой и закономерно вытекает из особого характера политики как концентрированного выражения экономики. «Самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства, — подчеркивал В. И. Ленин, — определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства» [2, т. 36, с. 327].

Однако тезис об определяющей роли экономических отношений не означает признания их «безграничной диктатуры». В условиях социалистического общества, где господствует общественная собственность на средства производства, экономические отношения — вполне контролируемая сфера социальной действительности. Поэтому здесь особое значение приобретает вопрос о взаимодействии экономических и политических отношений, в ходе которого реализуется обратное воздействие политики на экономику в плане постоянного совершенствования ее структуры, ускорения социально-экономического развития и т. д. Именно в этом смысле В. И. Ленин писал о первенстве политики над экономикой [2, т. 42, с. 278]. Иными словами, политические отношения, однажды сформировавшись, приобретают относительную самостоятельность, развиваются и функционируют не только под воздействием экономических отношений, но и в результате своей собственной внутренней логики, выступающей отражением объективных и устойчивых связей между различными политическими и идеологическими явлениями. Данная закономерность имеет серьезное методологическое значение, так как обязывает при анализе политических отношений учитывать роль в их формировании и функционировании иных общественных отношений — социальных, правовых, нравственных, религиозных и даже художественных. В свою очередь политические отношения оказывают влияние на все иные надстроечные общественные отношения, опосредуют их связи с экономическим базисом.

Правильное понимание проблемы относительной самостоятельности политических отношений важно еще и потому, что оно дает возможность разбираться в причинах противоречий, которые могут возникать между ними и экономическими отношениями. Такие противоречия рождаются в ряде случаев на почве объективно присущей надстроечным отношениям тенденции к сохранению своей внутренней определенности, к излишнему закостенению, что может порождать диссонанс в ритмах их развития и являться причиной снижения уровня адекватности отражения в политическом сознании сформировавшейся новой экономической потребности

сти. Такие противоречия могут быть также следствием субъективных причин. В этом смысле ориентация на ускорение экономического развития общества содержит требование ликвидировать возникший на определенном этапе разрыв между отдельными сторонами существующих политических отношений и новыми экономическими задачами общества. Речь идет о преодолении упущений в политической и в практической деятельности, приведших к неблагоприятным тенденциям в экономике и социально-духовной сфере, — результата отставания практических действий партии и государственных органов от требований времени, самой жизни [3, с. 4]. Между тем очевидно, что только тогда «политика дает нужные результаты, когда она строится на точном учете интересов классов, социальных групп, личности» [3, с. 87].

XXVII съезд КПСС, январский (1987 г.) и июньский (1987 г.) Пленумы ЦК КПСС ориентируют на проведение практических мероприятий по совершенствованию производственных отношений, по замене устаревших форм новыми. Партия исходит из того, что развитие этих отношений должно быть постоянным: общественно-экономический центр, его органы должны не только вовремя выявлять назревающие противоречия, создавать программы и планы их разрешения, но и без опоздания реализовывать эти планы, предотвращая тем самым конфликт противоположных сторон взаимодействия. Именно через постоянное совершенствование производственных отношений как раз и может достигаться устойчивость их соответствия имеющемуся уровню развития производительных сил.

Методология исследования политических отношений включает анализ противоречий, возникающих в процессе их развития, а также нахождение путей разрешения этих противоречий. Речь идет, в частности, о противоречии между социалистическим общественным бытием и сознанием, отставание которого, особенно в выработке коллективистской идеологии, отражается на политической активности масс, их участии в общественных делах, что в свою очередь сказывается на уровне и темпах развития политических отношений. Подлежит преодолению противоречие между необходимостью укреплять централизованное государственное руководство, организованность и дисциплину и потребностями максимального развития инициативы и активности масс. Это достигается путем установления оптимального на каждом историческом этапе соотношения между демократизмом и централизмом, противоположными началами, находящимися в диалектическом единстве в рамках конституционного принципа демократического централизма.

К числу обстоятельств, замедляющих темпы развития политических отношений, относятся местничество и ведомственность, бюрократизм, заорганизованность, консерватизм, подмена экономических методов руководства административными, извлечение нетрудовых доходов, пьянство и алкоголизм. Преодоление противоречий между интересами общества и ложно понятыми местными

и ведомственными интересами предполагает правильное сочетание отраслевого и местного планирования и управления, расширение прав и повышение координационной роли Советов народных депутатов, расширение прав предприятий и трудовых коллективов путем создания государственных органов, интегрирующих и координирующих деятельность различных ведомств, таких, например, как Госагропром. В процессе совершенствования управления народным хозяйством возможен, по мнению некоторых авторов, вариант создания по типу Госагропромов более масштабных интегрированных территориально-производственных управленческих объединений, которые экономическими методами (в отличие от действующих политических методами Советов) координировали бы развитие на своей территории всего народного хозяйства, осуществляли бы экономическое руководство производственной и социально-бытовой инфраструктурой [10].

Первостепенное значение для совершенствования политических отношений имеет повышение роли их ведущего субъекта, политической основы СССР и главного звена социалистического самоуправления народа — Советов народных депутатов.

На XIX Всесоюзной конференции КПСС было подчеркнуто, что «конференция считает необходимым укрепление законодательных, управленческих и контрольных функций Советов, передачу на их рассмотрение и решение всех важных вопросов государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни, восстановление руководящего положения выборных органов по отношению к исполнительным и их аппарату. Политика партии — экономическая, социальная, национальная — должна проводиться прежде всего через органы народного представительства» [4]. Наряду с реализацией этого и других постановлений о деятельности Советов предстоит решить еще ряд крупных проблем. Здесь, как и в народном хозяйстве, необходимо полностью изжить оценку работы по «валовым» показателям.

Такой подход часто оказывается формальным. Так, цифровые показатели об 1 млн 590 тыс. депутатов, участвовавших в 1984 г. в обсуждении вопросов повестки дня сессий Советов, о рассмотренных ими 992,5 тыс. вопросов, о внесенных депутатами 107 849 запросах сами по себе являются достаточно внушительными. Однако если к их оценке подойти более внимательно, то оказывается, что в среднем по каждому вопросу повестки дня сессии Советов выступило менее двух депутатов; на каждый Совет пришлось в среднем по 2 запроса в год; из общего числа рассмотренных сессиями вопросов только 0,6% составило обсуждение такой первостепенной важности проблемы, как охрана природы и окружающей среды [8; 11].

Должна быть преодолена такая препятствующая проявлению активности депутатов и дальнейшему развитию демократических начал деятельности Советов тенденция, как осуществление исполкомами руководящих функций в отношении собственных Советов, что выражается, в частности, в формировании исполкомами повестки дня сессий Советов, их периодичности и продолжительности, концентрации в их руках подготовки проектов решений, руководства и контроля за работой депутатских формирований, рабо-

той депутата в округе. Подобные явления не могут не противоречить ленинским указаниям о том, что государственный аппарат не самоцель, что административную деятельность нельзя отрывать от политики: «Аппарат для политики ... а не политика для аппарата» [2, т. 43, с. 373].

Решение указанных вопросов, было подчеркнуто на XIX Всесоюзной конференции КПСС, следует искать на пути повышения активности Советов, более последовательного сочетания принятия решений с организацией и проверкой их исполнения, реализации давно высказываемых предложений об «изъятии у исполкомов президиальных функций» [6, с. 41]. Целесообразно формировать Президиумы местных Советов для руководства в период между сессиями работой постоянных комиссий, депутатов, их образований, контроля за деятельностью исполнительного аппарата.

При определении перспектив развития политических отношений все большее значение приобретает человеческий фактор, возрастает роль научных рекомендаций, направленных на создание возможностей наиболее полного использования и развития инициативы, активности и творчества советских людей [5, с. 3]. В государственно-правовой сфере динамизм и тенденции углубления политических отношений определяются, в частности, уровнем реализации решений XXVII съезда КПСС о совершенствовании депутатского состава представительных органов, кадров органов управления, руководителей производства. Здесь необходимо как преодоление имеющихся серьезных недостатков (низкая активность, недостаточная компетентность, бюрократические тенденции, проявления формализма и т. д.), так и осуществление позитивной работы.

Основными направлениями предусмотренного решениями XXVII съезда КПСС совершенствования избирательной системы и практики [3, с. 56, 108, 140, 159] должны, на наш взгляд, стать:

1. Выработка механизма выдвижения в ходе избирательной кампании нескольких кандидатур, всестороннего обсуждения и сопоставления их деловых, политических и человеческих качеств, а затем, при необходимости, коллективное решение представителей различных коллективов о выдвижении единого кандидата [12, с. 187].

2. Использование, наряду с ныне существующей системой выборов по территориальному принципу, апробированных в 20-30-х годах и получивших высокую оценку партии и В. И. Ленина выборов по производственному принципу. Это позволит избирателям — членам трудового коллектива — голосовать за того кандидата в депутаты, которого они сами выдвигали, облегчит и упростит связь кандидатов с избирателями, подотчетность первых перед вторыми и осуществление контроля за депутатской работой.

3. Внедрение действующих положений советского избирательного права о вынесении на голосование двух или более кандидатов на одно депутатское место. Такая практика приносит пользу в тех случаях, когда избиратели хорошо знакомы с личными качества-

ми стоящих на единой политической платформе баллотирующихся кандидатов и способны поэтому со знанием дела сделать выбор.

4. Обеспечение выдвижения и представительства в Советах определенного числа из 55 млн пенсионеров, которые обладают значительным опытом, большими резервами времени и желают внести свой вклад в общее дело.

5. Сокращение числа депутатов — работников управленческого аппарата. Это позволяет усилить подконтрольность исполнительных органов перед представительными, повысить роль и активность «рядовых» депутатов.

6. Расширение представительства в Советах, особенно в их высших звеньях, высококвалифицированных юристов. Это требование вытекает из растущего объема правотворческой и, в частности, законодательной деятельности Советов, их работы по контролю за соблюдением законодательства, толкованию действующих законов, потребностей формирования органов конституционного надзора за законностью. Повышение эффективности работы всех звеньев политической системы неразрывно связано с укреплением правовой основы общественной и государственной жизни. В праве запрограммировано содержание политических отношений и этим обусловлена необходимость дальнейшего совершенствования правотворческой деятельности, повышения качества советских законов.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. 4. О демократизации советского общества и реформе политической системы: Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС // Коммунист. 1988. № 10. С. 68. 5. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 4. 6. Барабашев Г. В., Шерemet К. Ф. Конституция СССР и теоретические проблемы развития Советов // Сов. гос-во и право. 1985. № 5. 7. Гулиев Е. В. Политическая власть и общенародное государство // Социалистическое государство и общественный прогресс. М., 1982. 8. Демократия в действии // Советы нар. депутатов. 1985. № 5. 9. Плaxотный А. Ф. Проблема социальной ответственности. X., 1981. 10. Попов Г., Новиков В. Решается на месте. Совершенствование механизма хозяйствования // Правда. 1986. 1 марта. 11. Старовойтов Н. Г. Сессии Советов: теория, практика, проблемы // Сов. гос-во и право. 1985. № 11. 12. Шахназаров Т. X. Социалистическая судьба человечества. М., 1978. 13. Его же. Конституция СССР и закономерности развития общенародного государства // Конституция СССР и дальнейшее развитие государственного управления и теории права. М., 1979.

Поступила в редколлегию 18.02.87

А. М. Черыш

СУЩНОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СМОУПРАВЛЕНИЯ НАРОДА

Трудящиеся при социализме не знают над собой никакой власти, кроме власти их собственного объединения [2, т. 39, с. 17]. Социализм ликвидирует политическое угнетение масс и создает

общественные условия, активно побуждающие рядовых граждан к участию в делах государства. «В социалистическом обществе, особенно в современных условиях, — отмечалось на XXVII съезде КПСС, — управление не может быть привилегией узкого круга профессионалов. Не только из теории, но из собственной многолетней практики мы знаем, что социалистический строй успешно развивается лишь тогда, когда сам народ реально управляет своими делами, когда миллионы людей участвуют в политической жизни. Это и есть самоуправление трудящихся в ленинском его понимании...» [3, с. 55].

По форме социалистическое самоуправление имеет двойное проявление. Хотя по своему содержанию оно и тяготеет к трактовке через политическую самостоятельность, осуществляемую массами непосредственно, его нельзя представлять как исключительное или преимущественное господство форм негосударственного выражения народной воли. Социалистической практике одинаково чужды как воззрения анархистов об уничтожении государства, так и мелкобуржуазные оппортунистические взгляды анархо-синдикалистов, считавших профсоюзы основными органами народного самоуправления и по сути посягавших на полномочия социалистического государства. В марксистско-ленинском учении самоуправление, основанное на демократических началах, предстает прежде всего как «государственный строй народа» [1, т. 1, с. 252], предполагает использование трудящимися своего государственного механизма — этого, по определению В. И. Ленина, «полугосударства», не стоящего над ними, а являющегося их собственным орудием.

Советы — главное звено социалистического самоуправления народа. Именно народные представительства являются органами «государственной власти и народного самоуправления» (ст. 110 Конституции НРБ), осуществляют «самоуправление трудового народа» (ст. 43.1 Конституции ВНР). Эти представительные органы выступают в качестве орудий народного самоуправления, поскольку формируются непосредственной волей трудящихся, образуются на основе этого волеизъявления, состоят из их собственных, выдвигаемых и сменяемых ими представителей, лишенных социальных привилегий, несут постоянную и реальную ответственность перед избирателями за выполнение их конкретных наказов и правильное осуществление намеченного политического курса. Лишь при соблюдении данных условий народные представительства являются средствами социалистического самоуправления.

Вместе с тем социалистическое самоуправление обязательно предполагает и негосударственное, прямое выражение воли народа, т. е. непосредственное волеизъявление любых социальных общностей — от трудовых коллективов, которые выражают свои интересы в решениях собраний, на митингах, до всего народа, высказывающего заключение по важнейшим вопросам в результате всенародного обсуждения или референдума. Непосредственное осуществление власти народом предусматривалось первыми

конституциями, например, ст. 57, 60 Конституции РСФСР 1918 г. и законодательно закреплено сегодня (ст. 2, п. 2 Конституции НРБ, в которой указано, что народ осуществляет власть через свободно избранные представительные органы или непосредственно).

Самоуправление обязательно предполагает местные формы, однако не такие, как при господстве буржуазии, когда, как подчеркивал К. Маркс, «центральные государственные органы дополняются продажными приходскими собраниями», когда самоуправление на местах выступает «в качестве противовеса государственной власти» в борьбе за непосредственные интересы самих трудящихся [1, т. 17, с. 344—345], а такие, которые основаны на единстве государственной и прямой воли трудящихся классов и, следовательно, не содержат антагонизма между интересами государства, интересами классов, стоящих у власти, и всего народа. Только такое политическое условие обеспечивает демократизм государственной власти и эффективность управления общественными делами.

Исходя из того, что «самоуправление производителей» не может ограничиваться городами и должно стать политической формой провинций, округов, «даже самой маленькой деревни» [Там же, с. 343], Комиссариат Внутренних Дел Советской России уже спустя два месяца после победы Великого Октября обратился ко всем Советам с воззванием «Об организации местного самоуправления». Оно строилось на новых, пролетарских принципах и новой структуре, которая позволяла объединить деятельность всех органов управления на местах и создать в стране стройную сеть советских организаций, регулирующих местную жизнь, обеспечивающих проведение в жизнь декретов Советской власти и ее устойчивость.

Таким образом, социалистическое самоуправление осуществляется двумя способами — государственным и общественным — и в двух основных формах — прямой и представительной. При этом обе формы распространяются на все общество и на отдельные регионы, учреждения, организации, трудовые коллективы. В сущности социалистическое самоуправление народа есть добровольное, активное и действенное участие коллективов, организаций, партий, представительных органов и «неорганизованных» граждан в решении вопросов государственной и общественной жизни, определении круга этих вопросов, практическом управлении государственными делами. Основопологающим принципом самоуправления является народный суверенитет, т. е. сохранение за трудящимися собственных полномочий, порой более высокого порядка, чем у народных представительств, организаций и даже целых политических институтов.

При социализме нет и не может быть ничего верховнее народа, поэтому право на политическую инициативу, самостоятельное решение общественных вопросов, а также контроль за своими представительствами, заслушивание и оценку их отчетов, возможность

переизбрать эти органы остается за трудящимися массами. Данное самоуправление обеспечивает приоритет общественных интересов и социалистическую справедливость по отношению к каждому гражданину, единство государственной воли и участие рядовых граждан в политической жизни, активную роль общественного мнения и гласность.

Такое понимание социалистического самоуправления народа позволяет углубить содержание понятия «социалистическое народовластие». В сущности, данные понятия идентичны: и то, и другое означает власть народа как широкое участие трудящихся, а также других слоев населения, представленных взрослыми гражданами, в управлении государственными и общественными делами. Обе демократические формы основаны на верховенстве народа как важнейшем конституционном принципе (ст. 2 Конституции СССР) и служат для выражения воли и интересов трудящихся. Народ реализует свою власть посредством системы политических институтов — государства, партий, народных фронтов, а также общественных и кооперативных организаций, трудовых коллективов, прямого волеизъявления.

Однако будучи тождественными по сути, рассматриваемые понятия различаются структурой основообразующих частей: первое не отражает соотношения форм представительной и прямой демократии; второе, основанное по содержанию на первом, определяет преимущественный способ осуществления этой власти — прямые, самостоятельные начала. И представительное, и непосредственное управление является социалистическим самоуправлением народа. «Народовластие» как понятие не различает их.

Социалистическая власть на первых порах укрепляется в основном за счет представительных государственных форм, и в условиях борьбы со свергнутыми классами, а также стихийными проявлениями индивидуального и группового индивидуализма это исторически оправдано. Время авторитарных, жестких отношений требует создания в обществе такого политического и социального арбитра, который бы своей мощью мог обеспечить безусловное соблюдение принципов социалистической справедливости всеми социальными субъектами. Политическая практика в ПНР показала, насколько несвоевременным и опасным может стать преимущественное использование форм общественного самоуправления, развивающегося в ущерб представительным формам. Недостаточное управление со стороны неокрепшего государства может привести к перерождению общественного самоуправления в стихию, отклоняющуюся от социалистических целей. Правда, набрав силу и выполнив задачи классово-политического подавления бывших эксплуататоров, государственный механизм по инерции может взять крен в сторону избыточного использования мер запретного характера. Тем самым он будет сковывать самостоятельность и снижать ответственность других социальных субъектов — не государственных, не центральных, не должностных. Например, некоторые министерства, отмечалось на совещании в ЦК КПСС

в 1985 г., с помощью Госкомитета по труду, Минфина; а порой и Госплана; способны так «запечатать» самостоятельность предприятий, так интерпретировать решения ЦК и правительства; что после всех ведомственных рекомендаций и инструкций от принципа самостоятельности и ответственности на деле ничего не остается [4, с. 130]. Поэтому потребовалось и изменение структуры государственных и хозяйственных органов; в системе которых вместо упраздненных появились принципиально новые подразделения типа Госагропрома СССР, и переосмысление методов управления, которые сегодня становятся более гибкими, тесно связанными с конечными результатами.

Прямые формы социалистического самоуправления — это, как правило, наименее развитое звено в системе народовластия. С одной стороны, потому, что реальной и постоянной возможностью использовать рычаги власти располагают представительные органы и их аппараты. В них работают люди, для многих из которых управление общественными делами является производственной обязанностью и которые более компетентны в этой области, чем все остальные граждане. Поэтому осуществление властных функций тяготеет к стихийной концентрации именно в этих представительствах. С другой стороны, это происходит в силу политической уверенности трудящихся в том, что управление доверено надежным людям. Доверие отчасти объясняет относительную пассивность масс. Кроме того, при том, что политическое творчество трудящихся повышает эффективность деятельности государственного аппарата, организация общественной самодеятельности требует высокого профессионализма и авторитета народных депутатов и работников аппарата. А ими располагает не каждый и не всегда. Немаловажен тот факт, что критериями эффективной работы часто выступают личная напряженность деятельности и ответственность работника, лояльность и исполнительность, а вовсе не умение подключить к делу широкую общественность с тем, чтобы на порученном участке достичь максимально полезных коллективных, а не персональных результатов.

Учитывая все это, КПСС на данном этапе определила задачу первостепенной важности — развитие самоуправленческих, инициативных форм выражения политической воли масс. Застойные явления, излишняя регламентация «сверху»; бюрократизация управленческого аппарата и даже злоупотребления должностным положением вызвали необходимость перенесения акцентов на самостоятельные начала в соотношении таких явлений, как централизованное руководство и самостоятельность мест, представительное управление и прямое волеизъявление народа; государственное регламентирование и общественная саморегуляция социальных процессов. Необходимо, отмечается в Программе КПСС, добиваться последовательного проведения принципов социалистического самоуправления, т. е. того, чтобы управление обществом и государством «не только осуществлялось в интересах трудя-

щихся, но и закономерно, все в большей степени становилось непосредственным делом самих трудящихся» [3, с. 158].

Развитие общественного самоуправления народа, форм прямой демократии на всех этапах социалистического строительства идет одновременно двумя путями: посредством вовлечения в политику новых граждан — прямо и через новые массовые общественные организации и за счет дальнейшего повышения действенности участия масс в управлении государством и обществом, т. е. экстенсивными и интенсивными путями.

В последние годы в нашей стране образованы новые общественные органы и организации — советы трудового коллектива, советы бригад, Всесоюзная организация ветеранов войны и труда, Всесоюзное общество борьбы за трезвость. Используются новые демократические процедуры — гласное утверждение характеристик на должностных лиц, утверждение отчетов об их работе и ознакомление с планами. Возникли самостоятельные организации ученых, выступающих с природоохранными инициативами, рабочих и интеллигентов, создающих клубы по интересам, энтузиастов создания домашних музеев и помощи реставраторам. Созданы общественные приемные, на проходных заводах установлены прямые линии связи населения с исполнительными комитетами и руководителями предприятий. Это позволяет оперативно откликаться на критические замечания трудящихся, служит источником информации о социальных проблемах, расширяет творчество масс. Появились новые органы общественного самоуправления по месту жительства [7; 8]. Они предоставляют жителям реальную возможность решать общественно важные вопросы: поддерживать общественный порядок, контролировать работу жилищно-эксплуатационных служб и организовывать свой досуг.

Таким образом, социалистическое самоуправление — это такое управление народа своими делами, в котором преобладают прямые, самостоятельные начала волеизъявления широких масс трудящихся и других категорий взрослых граждан как в общегосударственном масштабе, так и на уровне местных вопросов. Социалистическое самоуправление строится на верховенстве народа по отношению к любым представительным органам, аппаратам, отдельным должностным лицам, ибо все они выдвигаются, избираются или назначаются на основании волеизъявления масс и подотчетны народу. Любые привилегии, не связанные с выполнением общественных обязанностей, для них исключаются. Общественность не только принимает участие в деятельности своих представительств, но и располагает правом действовать помимо их воли — в период выборов органов государственной власти, всенародных обсуждений, референдумов, в самоорганизации жизни трудовых коллективов, партийных, общественных и кооперативных организаций, а также по месту жительства. Общественное самоуправление является ведущей тенденцией в социалистическом народовластии, выдвигается партией в качестве стратегической линии развития политической системы советского общества.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. 4. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1985. 5. КПСС в цифрах // Партийная жизнь. 1986. № 14. 6. Некоторые вопросы организационной работы местных Советов народных депутатов в 1985 г.: Статист. сб. М., 1986. 7. Страшун Б. Развивать самоуправление по месту жительства // Коммунист. 1986. № 12. 8. Толкунов Л. Самоуправление трудящихся — движущая сила прогресса // Пробл. мира и социализма. 1986. № 10. 9. Яницкий О. Общественные инициативы и самодеятельность масс // Коммунист. 1986. № 8.

Поступила в редколлегию 25.02.87

С. А. Могильный

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ

Претворение в жизнь исторических решений XXVII съезда КПСС по всемерному совершенствованию реального социализма требует от каждого члена общества высокой сознательности, инициативности, ответственности. «Продвижение вперед станет тем быстрее, — подчеркивал М. С. Горбачев, — чем выше будут дисциплина и организованность, ответственность каждого за порученную работу, за ее результаты» [3, с. 24]. Лишь благодаря последовательному решению проблемы улучшения качества и эффективности основных общественно значимых форм человеческой деятельности — производственной, социально-политической, идейно-воспитательной, научно-теоретической, культурно-образовательной, путем повышения ответственности на всех уровнях субъективных отношений можно осуществить подготовленные всем ходом общественного развития качественные сдвиги, составляющие основное содержание современного этапа развития социализма.

Рассмотрение ответственности как атрибута деятельности, прежде всего предметно-практической, особенно важно сейчас, в период перестройки всего хозяйственного механизма. Все большее значение приобретают проблемы дальнейшего развития творческой, инициативной, сознательной, ответственной трудовой активности советских людей как решающего фактора повышения эффективности общественного производства, ускорения социально-экономического развития страны. Материалистически понятая человеческая трудовая деятельность приводит к принципиально новому представлению о социальной ответственности как ответственности за преобразование природной и социальной действительности, адекватное выражение существующего положения дел, поиск путей, средств, форм, методов и направлений развития и обогащения человеческих сущностных сил.

В истории человеческой мысли до тех пор, пока не были найдены основоположниками научного коммунизма экономические законы общественного производства, вопрос о социальной ответственности решался либо с позиции религиозного или естественно-

научного фатализма, пассивного бездействия, либо с позиции волюнтаризма, абстрактной и умозрительной активности. В основу марксистского понимания социальной ответственности была поставлена активная преобразовательная материальная деятельность людей. Ответственность предстала выражением тех социальных процессов, которые связаны с целенаправленной деятельностью человека, с его общественной практикой. Человек становится ответственным не только и не столько за духовную деятельность, сколько за овладение общественными отношениями, совершенствование себя как человека. Суть социальной ответственности выражается в целесообразном действии, основу которого составляет труд.

Социальная ответственность представляет собой такую человеческую активность, которая связана с исторически необходимым преобразованием объектов и предметов действительности. Это «категория для обозначения меры свободного проявления социальным субъектом своей обязанности и права избрать в конкретных условиях оптимальный вариант отношения к действительности, исходя из прогрессивных интересов общества» [8, с. 8], «оценка выбора, решения, поступка, оценка их пользы или вреда для общества» [9, с. 280—281], критерий социальной и нравственной зрелости человека, мерило его трудовой и общественной активности [5, с. 61], мера необходимого в свободном и свободном в необходимом, общественного в личном и личном в общественном [5, с. 34—35], принцип ценностной ориентации личности, регуляции и саморегуляции ее поведения. Это универсальная форма взаимосвязи и взаимозависимости личности и общества в процессе преобразования природного и социального мира.

Можно выделить две главные области проявления социальной ответственности: в социально-преобразующей и духовно-творческой деятельности. Первая является определяющей. В ней появляется и проявляется такая важная форма ответственных действий, как ответственное отношение к труду, к его развитию и совершенствованию. Речь идет о сознательной, содержательной, предметно-практической деятельности, имеющей социальную ценность. Бессодержательный, не имеющий социальной ценности, сизифов труд не является ответственной деятельностью. «Сизифов труд, — пишет Л. П. Буева, — не бездеятельность, хотя его смысл, содержание и назначение ведут к разрушению личности. Труд — прежде всего целесообразная деятельность. Бессмысленная деятельность, хотя она и существует, не может быть названа трудом» [4, с. 65].

Труд есть процесс целесообразной деятельности человека, в ходе которой он при помощи орудий труда воздействует на природу и использует ее в целях создания предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей. Это основная сфера человеческой деятельности, «коренная форма движения» [10, с. 20], вечное первое естественное условие человеческой жизни, которое создало человека [1, т. 20, с. 486, т. 23, с. 195]. Рассмотрение

многообразия аспектов человеческого труда позволяет охватить объективную логику эволюции общественного бытия, ибо «в истории развития труда ключ к пониманию всей истории общества» [1, т. 21, с. 317].

Важность формирования ответственного отношения к труду объясняется еще и тем, что труд представляет собой деятельность, в которой реализуется совпадение изменения природы с изменением самих людей. Изучение преобразования характера, содержания и форм труда является в то же время изучением преобразования личностей трудящихся, повышения их ответственности перед обществом. Какова деятельность человека, таков и он сам; такова и его ответственность перед обществом. Каждой конкретной форме деятельности соответствует определенная форма ответственности, которая тем выше, чем больше результаты деятельности затрагивают интересы всего человечества. Чем развитее преобразовательная деятельность человека, тем ответственнее его действия.

Общеметодологическое значение для рассмотрения проблемы формирования ответственного отношения к труду имеет положение об общественном характере трудовой деятельности, ибо она всегда осуществляется «в рамках определенной формы общества и посредством нее» [1, т. 20, с. 490—491]. Это глубоко и образно выразил Гете: «Мои произведения вскормлены тысячами индивидов... мой труд—труд коллективного существа» [7, с. 377]. Поэтому труд каждого человека формой и содержанием обусловлен совокупной поступательной трудовой практикой общества в целом, и потому субъект деятельности связан отношениями ответственной зависимости с обществом в целом.

На формирование ответственного отношения к труду существенно влияет степень и полнота реализации функций общественного труда. Первая и основная функция его состоит в способе удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей человека. Этой функцией начинается общественное бытие человека. Вторая функция труда связана с созданием общественного богатства, что осуществляется на базе искусственно создаваемых средств и способов производства, обладающих возможностями безграничного развития.

Распредмечивая природу, человек опредмечивает в ней свою деятельность. Человек как субъект труда составляет с явлениями и вещами природы как объектами труда и единство, ибо объекты труда становятся вместилищем субъективной деятельности, и противоположность, выражающуюся во все более возрастающем сопротивлении объектов труда и общественных форм организации труда субъекту. «„Объективный мир“ «идет своим собственным путем», — отмечал В. И. Ленин, — и практика человека, имея перед собой этот объективный мир, встречает „затруднения в осуществлении“ цели, даже натывается на „невозможность“» [2, т. 29, с. 196].

Для преодоления такого сопротивления и более полного овладения объектом труда необходимо постоянное развитие субъекта, повышение его ответственности путем совершенствования мастерства, углубления знаний, развития более глубокого опытного и теоретического постижения объективных законов, более искусного применения этих законов в процессе создания новых средств производства, совершенствования средств и методов производства, воплощающих в себе знания и передовой опыт людей. В своем отношении к вещам в процессе труда люди постоянно переходят от изменения их к изменению своего образа действий, самих себя, а затем вновь к более мощному воздействию на вещи. Труд формирует и совершенствует человеческую личность. В этом его третья, человекотворческая и развивающая функция, которая особенно тесно связана с формированием социальной ответственности субъекта труда.

Ответственное отношение к труду предполагает непрерывное и сознательное развитие трудового процесса, структурных элементов общественного труда — личностных и вещественных элементов производительных сил, целей труда, производственных отношений, социально-экономического и организационно-технологического содержания, характера и форм труда. Здесь важны следующие ответственные связи и отношения: отношения трудящегося к средствам производства; связь между трудом индивида и трудом общества; между человеком и обществом в широком общесоциологическом аспекте, определяющая меру свободы и ответственности человека по отношению к социальным силам; между уровнем развития производительных сил и степенью социального уравнивания труда; между целью, во имя которой осуществляется труд индивида, и целью общественного производства. Степень включенности субъекта труда в развитие и совершенствование этих связей и отношений является мерилom ответственности трудовых действий.

Ответственное отношение к труду стало возможным только при социализме. Это новое в истории общественное отношение, выражающее социальное творчество трудящихся, взявших власть в свои руки и поставивших целью социалистическое переустройство общества. Сущность новой формы социальной ответственности проявляется в сознательном и добровольном почине рабочих по повышению производительности труда, в творчестве социалистических условий хозяйства в жизни всего общества. Это важная форма развития трудовой активности масс, цель которой — превращение труда из средства к жизни в первейшую необходимость человека, в сущностный способ человеческой деятельности.

Труд не только не исчезает на высокой ступени развития общества, но становится единственно всеобщей формой человеческого существования. Вместе с тем ответственное отношение к труду превращает его не только в потребность, но и в наслаждение человека, освобожденного от тяжелого изнуряющего труда. «Если добровольная производительная деятельность, — подчерки-

вал Ф. Энгельс, — является высшим из известных нам наслаждений, то работа из-под палки — самое жестокое, самое унижающее мучение» [1, т. 2, с. 35]. Добровольность выступает предпосылкой и условием формирования ответственного отношения к труду, ибо дает возможность субъекту труда развивать и действительно проявлять все способности — как физические, так и духовные.

Результат ответственного отношения к труду — новое содержание трудового процесса, которое, объединив новые и старые формы, является «орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма» [2, т. 41, с. 89]. Общим критерием ответственного отношения к труду выступает необходимость «**проверки** того, насколько **коммунистично...** новое» [2, т. 37, с. 91], а главными показателями — элементы, ростки коммунистического труда, которые постепенно становятся всеобщими, действительными при социализме. Коммунистический труд не только и не столько идеал, к которому надо стремиться, но и осуществление этого идеала в исторически длительном, постепенном развитии ответственного отношения к труду при социализме.

Классическое определение коммунистического труда дано В. И. Лениным: «...**бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здравого организма**» [2, т. 40, с. 315].

Ответственное отношение к труду неотделимо от сознательной, свободной и высокой дисциплины труда, от постоянного выхода за рамки старых норм, поднятия на высочайший уровень производительности труда на основе передовой техники, строжайшей и всемерной экономии человеческих и материальных ресурсов каждым тружеником. Реальный гуманизм ответственного отношения к труду неразрывно связан с тем, что прогресс нового общества способствует выявлению творческих дарований личности, неотделим от «развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было **заранее установленному масштабу**» [1, т. 46, ч. I, с. 476]. Всестороннее развитие личности тесно связано с осуществлением ею на практике передовых, коммунистических, ответственных форм трудовой деятельности. Это путь преодоления существенных различий между умственным и физическим, сельскохозяйственным и индустриальным трудом, ликвидации тяжелого, неквалифицированного, ручного труда, становления социально однородного труда.

Субъект трудового процесса выступает как в виде отдельного индивида, так и в виде производственного коллектива трудящихся. Персональная ответственность предполагает и коллективные фор-

мы ответственности, формированию которых в настоящее время уделяется большое внимание. Ответственное отношение к труду состоит не только в том, чтобы самому добиться рекордных показателей, но и в том, чтобы обеспечить все условия для превращения их в норму, доступную товарищам по работе, что вселяет чувство ответственности перед коллективом.

Сплоченный трудовой коллектив, объединенный общими интересами и совместными усилиями, формирует коллективную, более высокую по сравнению с индивидуальной форму ответственности. Расширение сферы коллективных форм социальной трудовой ответственности представляет собой важную тенденцию развития социалистического общества на современном этапе. В зависимости от социального статуса субъекта и характера исполняемой им роли можно выделить следующие объекты ответственной трудовой деятельности, характеризующие различные этапы одной и той же деятельности вообще или различные типы деятельности: ответственность за цель и программу трудовых операций, за выбор средств для достижения цели, за управление ходом трудовых операций, за контроль над мерой труда, за характер и темпы выполнения поставленной цели, за качественный и количественный результат труда, за мотивы действий. Во временном плане обычно выделяют три формы ответственности: ретроспективную, актуальную и перспективную, характеризующие целостную систему развивающихся трудовых действий субъекта ответственности в оценочном и должном, ограничивающем и стимулирующем планах.

Важно также различать позитивные и негативные аспекты ответственного отношения к труду. В негативном аспекте ответственность выступает в ее первоначальной форме как вменение. Здесь подчеркивается различие, столкновение интересов личности и общества, несоответствие деятельности субъекта нормативным требованиям. В позитивном, т. е. в собственном, ответственность представляет собой выражение необходимости конкретного тождества интересов и действий личности и общества. Здесь подчеркивается тождество, совпадение интересов личности и общества. Одноmodalность ответственности как меры реализации необходимого и должного предполагает данное различие для характеристики трудовых действий, санкций, применяемых к субъекту за эти действия, в системе той или иной шкалы оценок. При социализме такая шкала связана с соответствием действий субъекта практике коммунистического созидания.

Для характеристики ответственного отношения к труду важно также различать формальный, закрепленный в определенных нормах, правилах, уставах, инструкциях, и неформальный, не имеющий жесткой регламентации характер ответственных зависимостей, между которыми существует правда, только до определенного уровня, прямая связь [5, с. 60].

Формирование подлинно социалистического ответственного отношения к труду лежит в основе преобразования общественных отношений в нашей стране. Решение этой проблемы является

одним из существенных направлений деятельности КПСС и Советского государства [11, 12].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. 4. Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. М., 1978. 5. Вестник Харьковского университета. № 261. Материалистическая диалектика и социальная обусловленность сознания. Х., 1984. 6. Гегель Г. Соч. М., 1939. 7. Гете И. В. Избр. филос. произведения. М., 1964. 8. Плахотный А. Ф. Проблема социальной ответственности. Х., 1981. 9. Смирнов Г. Л. Советский человек. М., 1980. 10. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. XI. 11. Ответственность перед временем // Правда. 1986. 12 июля. 12. Твоя личная ответственность // Правда. 1986. 4 окт.

Поступила в редколлегию 11.02.87

И. П. Дудник

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Социализм утверждает качественно новые формы человеческого общения. Законы общественного развития, господствовавшие ранее над людьми как внешние принудительные силы, при социализме сознательно ставятся на службу человеку, используются в целях планомерного развития общества и расцвета личности. Вместе с возрастанием значения субъективных условий усиливается ответственность человека как субъекта исторического процесса за последствия своих действий; сознательная, исполненная ответственности человеческая деятельность становится обязательным условием функционирования социальных законов и осуществления их объективных требований.

Ответственность человека социалистического общества раскрывается через свободу, свободное время, необходимость их проявления во всех аспектах. Свободное время — обязательное условие существования, развития человека и общества в целом. Являясь временем свободной деятельности, оно выступает в определенных условиях средством удовлетворения социальных потребностей и развития физических и умственных способностей человека. Реальность последнего означает: а) историческую последовательность становления, изменения общественного бытия и общественного сознания, б) объективное соотношение длительностей, пропорций общественной жизнедеятельности в каждой из формаций, выраженных во времени (рабочем, необходимом, свободном и т. п.).

Социальное время есть такая форма существования фундаментальных общественных материальных явлений, которая служит необходимым условием развития и последовательной смены общественно-экономических формаций как естественно-исторического процесса. Данное довольно широкое определение лишь очерчивает суть социальных изменений, локализуемых во времени. Понятие социального времени может быть включено в любую обществен-

ную науку. Для сущностной характеристики производства материальных и духовных благ, их потребления экономисты, социологи применяют различные показатели времени. Оно является и мерой труда, и мерой «досуговой деятельности». Однако поскольку в фундаменте общества лежит материально-производственная деятельность людей, определяющая все внепроизводственные формы жизни, постольку естественно представить структуру социального времени как состоящую из двух основных частей: рабочего времени, являющегося, по мысли К. Маркса, живым бытием труда, его имманентным мерилом, и внерабочего времени, находящегося вне сферы материального производства.

Разделение всего времени трудящихся на рабочее и внерабочее, выделение в последнем свободного времени общепризнано и научно оправдано следующими обстоятельствами. Во-первых, подобная структура отражает сущность исторического процесса, познание которого возможно лишь при условии принципиального разграничения производственной и внепроизводственной деятельности людей. Во-вторых, она позволяет обратить специальное внимание на внерабочее время как важную социальную категорию, охватывающую большой круг явлений, связанных с работой на производстве, удовлетворением естественных физиологических потребностей, домашним трудом и другой бытовой деятельностью и, наконец, со свободным временем. Уже тот факт, что в социалистическом обществе внерабочее время составляет почти $\frac{3}{4}$ времени жизнедеятельности человека, заставляет серьезно подойти к анализу этого понятия. В-третьих, включение свободного времени во внерабочее подчеркивает сложность рассматриваемой категории, но вместе с тем предостерегает от неправомерного противопоставления свободного времени рабочему.

Категория внерабочего времени нацеливает исследователя не только на поиск резервов свободного времени, но и на принципиальное разграничение элементов, относящихся или не относящихся к собственно свободному времени. Критерием здесь может быть степень непреложности тех или иных видов деятельности за пределами регламентированного рабочего дня. Если удовлетворение физиологических потребностей (сон, питание, уход за собой) является абсолютно необходимым, то развлечения или любительские занятия могут свободно избираться и не иметь места в каждом конкретном случае. Разумеется, они также объективно важны в жизни людей, но эта необходимость иного рода. Во внерабочем времени есть занятая часть: кроме времени на физиологические потребности, в нее входит время на домашний труд и другие бытовые дела, а также время, связанное с производством, но не входящее в него (проезд к месту работы, подготовка к работе и пр.).

Свободное время служит фактором, который необходимо включать в характеристику общественных отношений с целью определения места и роли данного социального феномена в развитии отдельной личности, социальных групп, классов и общества в це-

дом. Источником свободного времени выступает трудовая деятельность людей в материальном и духовном производстве. Оно **вторично** по отношению к рабочему времени, определяется им количественно и качественно. Методологически верный анализ рабочего времени может быть осуществлен лишь с учетом тенденций, диалектической связи со свободным временем.

Со сферой свободного времени неразрывно связано понятие ответственности. Социалистическое общество предпринимает значительные усилия, чтобы сделать свободное время пространством всестороннего развития личности. Все большую значимость приобретают развивающая функция свободного времени, необходимость соблюдения рациональных пропорций отдыха, развлечения и т. д. Реализация этих тенденций возможна лишь в том случае, если свободное время становится сферой проявления ответственности. Социалистическое общество предоставляет каждому индивидууму широкий выбор вариантов действия в сфере свободного времени. Ответственное использование свободы проявляется в избрании конкретных путей заполнения свободного времени.

Ответственность неотрывна от человеческой деятельности, обращенной всегда на конкретный объект, на его целесообразное изменение в интересах человека, на практическую реализацию возможного и необходимого. При социализме это содержание человеческой деятельности раскрывается с особой полнотой и очевидностью; ответственность впервые практически осуществляется как форма проявления исторической необходимости. Люди, сознательно творящие свою историю, добровольно берут на себя ответственность за реализацию осознанной ими исторической необходимости, за свое предвидимое будущее, за конечные результаты своей творчески созидательной деятельности. Творческая активность масс в строительстве нового общества становится своеобразным индексом их ответственности за выбор оптимального способа практического воплощения объективных общественных потребностей и общественных интересов, которые отныне являются их собственными потребностями и интересами. Принципиальное совпадение общественных и личных потребностей и интересов создает реальные предпосылки для исполненного ответственности сотрудничества всех членов нового общества, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

Таким образом, ответственность обращается не только в прошлое, но и в будущее (как предвидимая ответственность за предвидимое действие), вместе с тем она начинает все больше выявлять свою позитивную значимость, а личная ответственность индивида перед обществом дополняется не в меньшей степени ответственностью общества как социального целого перед индивидом (в антагонистических социальных структурах ответственность обычно проявляется лишь в одностороннем акте — как ответственность снизу вверх). Следовательно, ответственность обнаруживает себя не только как мера свободы, но и как мера самоосуществле-

ния личности, ее нравственной, политической и гражданской зрелости.

Человек социалистического общества, принимая решение и выбирая со знанием дела и предвидением его результатов способ и характер деятельности, должен исходить из реальных возможностей, содержащихся в социальной действительности. В равной степени ответственность объективируется в его деятельности как осознанная неличная историческая необходимость, ибо поступать ответственно — значит действовать в соответствии с объективными требованиями этой необходимости, т. е. действовать свободно. Определяющим критерием социалистической ответственности и социального сознания ответственности является соответствие человеческой деятельности общественным потребностям. Реализация данного критерия предполагает знание общественных закономерностей, тенденций и объективных требований, вытекающих из них, и осознание ответственности, исходящей из учета интересов всего общества.

Ответственность в свободное время определяет степень свободы и основное направление деятельности человека в этой сфере: выбор и реализацию таких видов деятельности, которые в максимальной степени способствуют развитию индивида, расцвету его физических и интеллектуальных сил. При этом уровень осознанности выбора, степень активности субъекта составляют позитивное содержание ответственности в свободное время, т. е. предполагают и повышение требований к самому себе: личность психологически свободна, а значит, и ответственна лишь в той мере, в какой «она хочет того, что нужно обществу» [5, с. 311].

Повышение требовательности к себе связано и с пониманием необратимости времени: действие, совершенное вчера, порождает последствия, которые становятся одним из компонентов объективных условий сегодняшнего поступка. Проявляя требовательность к своим поступкам сегодня, человек создает условия для реализации свободы и проявления ответственности в последующем. Осознание значимости совершенного, умение предвидеть возможные последствия предстоящих действий заставляет человека более серьезно относиться к последующим шагам.

В сфере свободного времени доминирует проспективный аспект, т. е. ответственность за предстоящее действие с принятием на себя определенных обязанностей, возникающих как следствие понимания сложившихся ситуаций и собственных возможностей. Такая ответственность есть сознательное и добровольное направление деятельности на осуществление максимума возможности в данных условиях. Самоконтроль, саморегуляция, самонаправленность действий, означающие сознание необходимого для общества ограничения свободной воли и в то же время выражение творческой активности личности, по своему характеру являются **позитивной ответственностью** [6, с. 86].

В свободное время ответственность предстает как показатель осознанного выбора, степени активности субъекта. Здесь она

в гораздо меньшей степени, чем ответственность в рабочее время, связана с применением санкций, тем более материального характера. Ответственность за нерациональное использование свободного времени может быть связана с санкциями, но в основном морального характера. Исключения составляют лишь те случаи, когда использование свободного времени превращается в фактор, приносящий вред не только личности, но обществу в целом или отдельным его образованиям: пьянство, хулиганство и т. п. анти-социальное поведение. За подобные проявления личность может нести и моральную, и правовую ответственность. Правда, в таком случае и сама ответственность из позитивной превращается в негативную, из проспективной — в ретроспективную.

В свободное время люди объединены общими интересами, целями и стремлениями не столь тесно, как в рабочее, что приводит к усилению личного характера ответственности. Различное количество времени досуга, которым располагают люди, также сокращает возможности коллективного использования его и накладывает отпечаток на проявления ответственности. Кроме того, ответственность в свободное время, как правило, опосредствована деятельностью индивида в свободное время и конечной целью использования досуга.

В условиях свободы решающее значение приобретает осознание самой личностью целей и следствий своей деятельности, ее социального значения, внутренний контроль за своими действиями. Это одинаково важно и для рабочего, и для свободного времени. Таким образом, значимость ответственности возрастает не только в сфере рабочего времени — она распространяется на деятельность человека и во вне рабочее, в том числе и свободное время. Другое дело, что люди, «захваченные упительным процессом творчества, не будут оглядываться на часы, чтобы делить свое время на рабочее и свободное» [3, с. 58]. Но это лишь подтверждает мысль об общем возрастании ответственности личности в эпоху НТР, и именно в этом, по-нашему мнению, заключается одно из важных последствий НТР. Под влиянием НТР и глубоких социальных изменений, которые происходят в нашем обществе, значительно возрастает ценность свободного времени, что также связано с изменением уровня ответственности в этой области жизнедеятельности.

Непосредственная ценность свободного времени заключена в его сущности: оно является фактором социальной свободы, сферой свободной деятельности. Возможность осуществить выбор, свободно регулировать длительность и последовательность действий придают ему те свойства, которых нет в большинстве видов труда. Возрастает и ценность тех видов деятельности, которыми заполнено свободное время. Различные виды учебы, приобщение к культуре, художественное творчество, занятия физкультурой и спортом служат важными средствами духовного и физического развития личности. Для социалистического общества величайшей

ценностью является сам человек, а его развитие — высшая цель общественной жизни.

Человек раскрывает свою родовую сущность в сфере трудовой деятельности. В процессе труда происходит развитие человека, раскрываются его способности. По мере движения вперед труд становится все более творческим, а рабочее время — «пространством» духовного развития. Но это тенденция, обращенная в будущее. Пока же уровень производства не дает возможности проявиться всем способностям человека. Удовлетворение духовных запросов связано в значительной степени со свободным временем, а говоря точнее, именно свободному времени принадлежит сегодня решающая роль в духовном развитии человека. Данное обстоятельство, повышая ценность свободного времени, накладывает на личность и общество более высокую, чем прежде, ответственность за эту сферу.

Однако не следует считать, что ценность свободного времени определяется лишь его направленностью на преимущественно развивающие виды деятельности. В условиях НТР, когда увеличивается производственная нагрузка, возрастает интенсивность труда, приводящая к серьезному умственному и нервному напряжению, повышается роль активного отдыха. Необходимость полноценного и разумного восстановления затраченных сил также свидетельствует о значении ответственности в свободное время.

Уровень ответственности в свободное время определяется не только «конструктивным» использованием данной сферы, т. е. заполнением ее развивающими, в том числе регенерирующими видами деятельности. Растущий объем, постоянно улучшающаяся материальная база свободного времени, давая простор для развития личности, в то же время таят в себе возможности его антиобщественного использования. К сожалению, иногда свободное время растрачивается впустую или даже выступает ареной преступного поведения. Известно, что значительная часть преступлений: хулиганство, грабежи, кражи, разбойничьи нападения, преступления против личности и т. д. в большинстве случаев совершаются во вне рабочее время, чаще всего — в свободное время [5, с. 213]. Это дает основания считать, что рост социальной ответственности в свободное время обусловлен и возможностью его использования в антиобщественном направлении.

Рост ответственности за свободное время определяется не только объективными, но и целым рядом субъективных предпосылок. Одна из них кроется в отношении человека ко времени вообще и к свободному времени в частности. Увеличение потока информации, ускорение «бега» социального времени не могут не сказаться на этом отношении.

Возрастание ответственности в сфере свободного времени в немалой степени связано и с общим ростом сознательности членов социалистического общества. Но, даже учитывая подобное обстоятельство, нельзя полагать, что ответственное отношение к свободному времени формируется и развивается стихийно, рождается

само собой. И хотя в свободное время человек «организует себя» сам, не секрет, что не все люди делают это разумно и правильно. Очень важно научить индивида эффективно использовать досуг, нацелить его на что-то главное в использовании свободного времени, воспитать нетерпимость к пустой трате этого драгоценного достояния общества. Здесь, наряду с самовоспитанием, большую роль играет воспитательная и организаторская работа, которую активно ведут партия, профсоюзы, комсомол, различные общественные организации. Свободное время в последние годы стало одним из важных объектов воспитательной работы. По нашему мнению, указанные обстоятельства также являются субъективными предпосылками роста ответственности в свободное время.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Волков Г. Социализм, человек и научно-техническая революция. М., 1984. 4. Кон И. С. Социология личности. М., 1983. 5. Харчев А. Г., Перфирьев М. Н. Досуг молодежи и его проблемы. М., 1984. 6. Черменина А. П. Проблема ответственности в современной этике. М., 1984.

Поступила в редколлегию 16.02.87

А. Ф. Плахотный, д-р филос. наук, Н. В. Русанова

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В современном мире противоборство между социализмом и капитализмом, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, может протекать только и исключительно в формах мирного соревнования и мирного соперничества [1, с. 65—66]. Вместе с тем империализм развязал против стран социализма самую настоящую «психологическую войну», которая не может квалифицироваться иначе, как особая форма апрессии. Буржуазная идеология стремится любыми средствами приукрасить капитализм, прикрыть его природную античеловечность и несправедливость, навязать свои стандарты жизни. Все это требует усиления аргументированной критики буржуазного теоретического аппарата.

В ряду наиболее популярных и, так сказать, восходящих буржуазных концепций апологеты капитализма все больше внимания уделяют теории социальной ответственности. Данная теория интенсивно разрабатывается последние 20—25 лет и может рассматриваться как относительно устоявшаяся.*

* См., напр.: Freedom and Responsibility. Reading in Philosophy and Law. Standford, 1964; Edwards R. B. Freedom, Responsibility and Obligation. The Hague, 1969; Glover J. Responsibility. L., 1970; Skinner B. F. Beyond Freedom and Dignity. N. Y., 1971; The Allocation of Responsibility. Manchester, 1972; Ross S. D. The Nature of Moral Responsibility. Detroit, 1973; The Determination of Free Will. A Psychological Analysis of Responsible, Adjustive Behavior. N. Y., 1978.

Крах традиционных ценностных ориентаций, ожиданий и надежд, провозглашенных буржуазным обществом и не выдержавших испытания временем, обострили конфликт между ожиданиями и реальностью, усилили кризис культивируемых форм сознания. Еще большим анахронизмом по отношению к действительности стала такая традиционная «ценность» буржуазного общества, как индивидуализм, который в абсолютном выражении предстает как синоним полной социальной безответственности. Создание все более могучих производительных сил, все более мощной военной техники, расширение власти господства человека над природой, деструкция моральных ценностей и внутреннего мира личности заставили наиболее трезвомыслящих буржуазных ученых задуматься о последствиях такого хода событий. Закономерным следствием осмысления подобного положения дел стало появление ряда работ по проблеме ответственности, давших начало целому направлению буржуазной философии.

Разработка буржуазными учеными проблемы социальной ответственности страдает психологизацией, ибо концентрируется преимущественно на анализе мотивов, желаний, нравственных резонансов, социальной психологии компетенции ответственности, интеллектуальной активности и пассивности, изучении соотношения непреодолимого импульса и моральной ответственности, ответственности за мнения и убеждения, психологических особенностей наложения ответственности и т. д. В последнее время все больше исследователей обращаются к проблеме социальной ответственности в аспекте детерминизма и индетерминизма, свободы и свободного волеизъявления, что несколько расширяет границы анализа.

Современная буржуазная философия пытается решить проблему социальной ответственности в узких рамках психоанализа и экзистенциализма, абсолютизируя при этом различные аспекты внутреннего мира личности. Особое внимание уделяется так называемому подсознательному как истинной движущей силе ответственного поведения индивида, который рассматривается при этом как «самость», взятая вне общественных отношений. Из поля зрения буржуазных творцов теории социальной ответственности выпадает главное в ее содержании — анализ всей совокупности взаимосвязи и взаимозависимости личности и общества как ведущей детерминанты социальной ответственности.

Обращает внимание и то, что в условиях усиливающегося кризиса буржуазного общества и все большей его дегуманизации буржуазные ученые избегают касаться проблемы социальной ответственности либо трактуют ее с узкоклассовых, эгоистических позиций. В их понимании она предстает как ответственность перед самим собой, а не как ответственность перед обществом, социальной группой, коллективом. Ярким примером этому могут служить рассуждения буржуазного социолога Труди Говье, которая пишет: «Представьте себе безработного на улице. Должны ли Вы платить дополнительные налоги на его содержание? Ни в коем случае.

Вы не сделали ему ничего плохого, вы не ответственны за то, что он не имеет работы...» [3, p. 128]. В целом же ответственность правящих классов по отношению к этим несчастным людям, по словам Р. Глинера, сводится к следующему: «Не путайтесь под ногами, поскольку у нас есть более серьезные проблемы и более важные дела, чтобы тратить на них деньги. Мы оставим вас в покое, если вы не будете беспокоить нас» [4, p. 84].

Не удивительно, что в условиях буржуазного общества умеет не говорить не о разработке, а о кризисе социальной ответственности. На плачевное состояние проблемы не могут закрыть глаза даже наименее трезвомыслящие представители буржуазной науки. Примером тому служит монография В. Хороза «Кризис ответственности» [5], в которой звучит горькое признание, что человек капиталистического мира остро ощущает беззащитность перед своей судьбой, бессмысленность своих требований к ответственности.

В. Хороз отмечает, что человек капиталистического общества «не уверен в направлении своего развития и ему также неясна разумность его ответственности: Мир в социальном хаосе. Уотергейтское дело, поставившее под угрозу демократические ценности, обнажило образ человека, движущегося вниз по лестнице социальной ответственности. Этот закат демократии, — по мнению автора, — потряс до глубины души многих американцев и вызвал пересмотр социальной ответственности в высших кругах: Основы ответственности были потрясены, человек больше не испытывает стремления в своем движении вверх по ступеням социальной ответственности; в выходе за пределы своей работы и окружения» [5, p. VII].

Основную причину кризиса ответственности в буржуазном мире ученый видит в закате философии, в господстве тоталитарных образований, которые приняли на себя «ответственность за» человека, поглотили его и превратили в простого исполнителя определенных функций. Человек, по мнению В. Хороза, обязан вассальной зависимостью перед определенной тотальной системой; что выражается в «ответственности перед» ее требованиями, а разрыв между «ответственностью за» и «ответственностью перед» составляет сущность кризиса социальной ответственности. «Человеку постепенно необходимо эмансипироваться, — делает вывод В. Хороз, — от всех тотальных систем, будь то религиозная, социальная или философская, если он хочет сохранить свое человеческое достоинство. Следовательно, эмансипация ради ответственности, более глубокое понимание смысла жизни — вот все, что необходимо современному человеку, если он хочет противостоять кризису ответственности» [5, p. XIII].

Краткий анализ проблемы социальной ответственности в буржуазном обществе показывает неспособность буржуазных ученых подойти с классовых позиций к ее анализу, что делает их рассуждения схоластическими, направленными в конечном счете на узаконивание социальной безответственности правящего класса по

отношению ко всем остальным слоям общества. Критика буржуазных теорий социальной ответственности вносит определенный вклад в развенчание идеологического аппарата империализма.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза*. М., 1986. 2. *Govier T. The Right to Eat and the Duty to Work// Philosophy of Social Sciences*. Downsview, 1975. Vol. 5, No 2. 3. *Gliner R. American Society as a Social Problem*. N. Y., 1973. 4. *Horosz W. The Crisis of Responsibility. Man as a Source of Accountability*. Norman, 1975.

Поступила в редколлегию 25.12.87

А. М. Русанов, канд. филос. наук

КАТЕГОРИЯ БОГАТСТВА В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ К. МАРКСА

Масштабность и сложность задач, выдвинутых XXVII съездом КПСС, по достижению качественно нового состояния советского общества, необходимость более глубокого проникновения в сущность социальных явлений и процессов предполагают творческое развитие философского понятийного аппарата, отражающего все богатство жизни социалистического общества на новом историческом этапе его развития. Сложившиеся условия требуют не просто фиксации достигнутого, а обоснования путей и средств ускорения социально-экономического развития страны, концентрации идей на направлениях перспективного характера. В связи с этим огромную теоретическую и практическую значимость приобретает разработка проблемы богатства в ее марксистском понимании.

Проблема богатства многогранна. В ней концентрируются наиболее актуальные проблемы современности, в том числе и глобального характера. Огромный разрыв в уровне развития капиталистических стран и бывших колоний, социальная несправедливость и противоречия, раздирающие мир капитала, экологическая, демографическая и энергетическая проблемы, последствия научно-технического прогресса, перспективы развития человека и человечества, борьба за сохранение жизни на Земле — вот далеко не полный перечень вопросов, связанных с решением данной проблемы.

Большое значение исследование материальных и социальных сторон богатства имеет и для уяснения судеб развития социалистического общества, определения перспектив его развития. Рост и эффективность материального производства, повышение благосостояния народа, воспитание всесторонне и гармонично развитой личности, разумное и бережное отношение к материальным и духовным ценностям, уточнение социальных ориентиров развития, критика буржуазной футурологии актуализируют научное решение данной проблемы.

Вопросы богатства находятся в центре идеологических дискуссий. Современные буржуазные ученые искусственно сужают проблему до масштабов экономической категории. В их понимании богатство — это совокупность товаров, вещей, приносящих прибыль. На вооружение взяты концепции «богатых» и «бедных» наций, теория «человеческого капитала» и др. На утрированном толковании богатства паразитирует и широко распространенная на Западе концепция «качества жизни». По замыслу ее творцов «богатым» нациям гарантируется высокое качество жизни, «бедные» же должны бороться за выживание. Налицо попытка буржуазных идеологов увязать наиболее актуальные проблемы современности с вопросами богатства и качества жизни. Развитие марксистской теории богатства на основе марксовской методологии решения проблемы является путеводной нитью в бурных событиях современной эпохи, дает ключ к пониманию диалектики ее развития.

Выделение категории богатства обусловлено ходом развития познания, которое в рамках существующих категорий уже не может адекватно решать возникающие перед обществом задачи. Коммунизм несет не только принципиально новую форму богатства — общественную собственность на средства производства, но и возникающие на этой основе богатство общественной жизни и богатство личности. Новая система координат требует развития соответствующего категориального аппарата, который, обогащая теорию, служит одновременно важным инструментом развития практики. В этом плане категориальное «видение» позволяет воспринимать процессы и явления общественной жизни не только в их внешней данности, но и в их сущности, обнаруживать то, чем эти явления и процессы есть «в себе», в потенции, в перспективе, определять средства их реализации, перевода из состояния «в себе» в состояние «для себя» [4, с. 30].

Категория богатства занимает важное место в работах основоположников марксизма. В системе марксистского учения об обществе она выступает исходной, базовой для осмысления практически всех «срезов» жизни человеческого общества. По мнению некоторых советских ученых, общественное богатство в широком смысле слова — это гордиев узел человеческой истории, ключевая категория, охватывающая как вещную, так и духовно-практическую сущность человеческой жизни [5, с. 23; 6, с. 149; 8, с. 5]. «Оно синтезирует в себе все достижения человеческого труда, опыта, знаний, все материальные и духовные ценности» [6, с. 149]. Разработка категориального видения проблемы богатства помогает конкретизировать коммунистические цели и идеалы, пути и методы их реализации, является насущной задачей развития марксистской теории.

Первые попытки анализа проблемы богатства прослеживаются еще в ранних политэкономических исследованиях XV—XVIII вв.: во взглядах представителей монетарной и меркантилистской школы, в учении физиократов и находят наиболее яркое развитие в

домарксистский период в работах А. Смита и Д. Рикардо. «После того как особые формы реального труда: земледелие, мануфактура, судоходство, торговля и т. д. поочередно объявлялись истинными источниками богатства, Адам Смит провозгласил труд вообще, и притом в его общественной совокупности, как разделение труда, единственным источником материального богатства, или потребительных стоимостей» [1, т. 13, с. 45]. Его взгляды развил Д. Рикардо, который рассматривал богатство как массу потребительных стоимостей. Однако он так и не дошел до понимания буржуазного богатства как господства меновой стоимости, не увидел тех противоречий, которые проявляются в периоды кризисов.

Подлинно научное решение проблемы богатства впервые было дано К. Марксом и Ф. Энгельсом. Только с появлением марксизма данная категория получила подлинно научное обоснование, перестала быть исключительно уделом политэкономии и обрела социально-философский статус, была выдвинута в разряд основных в осмыслении процессов общественной жизни.

«В марксовом понимании категория богатства выступает глубинным основанием материалистического понимания истории. «Все прежние формы общества, — писал К. Маркс, — погибали с развитием богатства, или, что одно и то же, — с развитием общественных производительных сил» [1, т. 46, ч. II, с. 33]. Методологическое значение категории богатства заключается в том, что она раскрывает внутреннюю основу общественных явлений, задает материалистический ракурс их осмысления: изменение формы богатства влечет изменение экономического строя общества, всех надстроечных явлений и форм социальности. «Вместе с развитием богатства, — отмечал К. Маркс, — а потому также с развитием новых сил и расширяющегося общения индивидов разлагались те экономические условия, на которых покоилось общество, те политические отношения различных составных частей общества, которые этому соответствовали... характер, взгляды и т. д. индивидов» [1, т. 46, ч. II, с. 33].

Категория богатства «задает» метод рассмотрения целого ряда категорий исторического материализма. Наиболее фундаментальной является способ производства, который обуславливает социальные, политические и духовные процессы жизни общества. Категория богатства сущностными основаниями входит в понятие производительных сил и производственных отношений — основных конституирующих элементов способа производства. В марксовом понимании производительные силы — ключ к пониманию богатства; по существу, оба понятия употреблялись К. Марксом как синонимичные. Уровень и характер развития производительных сил придают целостность и системность общественному развитию, формируют сущностные особенности индивидуального и общественного сознания. «Реально же предел сознания, — подчеркивал К. Маркс, — соответствует определенной степени мате-

материальных производительных сил, а потому — богатства» [1, т. 46, ч. II, с. 33].

Главная производительная сила — это сами люди: рабочие, трудящиеся. По оценке К. Маркса, капитализм «делает односторонним, дегуманизирует и т. д. главную производительную силу — самого человека» [1, т. 46, ч. I, с. 403]. Марксизм придал принципиально новое, гуманистическое звучание проблеме богатства, объявил высшим критерием развития человека. Действительным богатством общества К. Маркс назвал «развитую производительную силу всех индивидов» [1, т. 46, ч. II, с. 217], которая становится целью и самоцелью общественного развития лишь с победой социализма. Такой подход в корне изменил представление о богатстве как материальных ценностях, показал, что вместе с производством средств жизни совершенствуется и развивается сам человек — главное богатство общества.

Уровень и характер развития производительных сил определяют характер производственных отношений, в основе которых лежат отношения собственности на средства производства. В зависимости от того, как концентрируются и распределяются богатства, выделяют общественную и частную собственность, обуславливающие коренные социальные различия между социалистическим и буржуазным обществом. Производство, накопление и распределение произведенных богатств определяют характер базиса и надстройки, всех общественных явлений. В свою очередь только в рамках существующих производственных отношений данная форма богатства имеет смысл и содержание: «Богатство банкира является богатством только в рамках существующих отношений производства и обмена и может быть «завоевано» только в условиях этих отношений и с помощью средств, имеющих силу в рамках данных условий» [1, т. 32, с. 382].

Отношения собственности не только определяют производственные отношения, но и оказывают обратное воздействие на производительные силы, детерминируя способ производства в целом. В этом смысле богатство выступает как предпосылка и результат способа производства. Понятие богатства имеет принципиальное значение и для осмысления таких категорий, как материальное производство, наука, классы, общественное сознание, культура и т. д. Так, по мысли К. Маркса, уровень промышленного развития страны составляет основу ее национального богатства, а «промышленная нация достигает высшего уровня своего производства в тот момент, когда она вообще находится на высшей точке своего исторического развития» [1, т. 12, с. 712]. Развитие науки определяется К. Марксом как развитие «идеального и вместе с тем практического богатства» [1, т. 46, ч. II, с. 33]. Различия в той доле общественного богатства, которой располагают люди, являются, как подчеркивал В. И. Ленин, одним из классовобразующих признаков [см.: 2, т. 39, с. 15]. Богатство непосредственным образом обуславливает специфику общественного сознания людей, их образ жизни: люди «обновляют самих себя в такой же

мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства» [1, т. 46, ч. II, с. 282].

Тщательный анализ произведений классиков марксизма-ленинизма показывает, что рассматриваемая категория не только коррелирует с целым рядом фундаментальных философских категорий, но и существенным образом расширяет границы их познания, давая ответы на те вопросы, которые нельзя получить, исходя из других посылок. Категория богатства не только расширяет наши возможности в познании всей совокупности охватываемых этим термином проблем, но и, более того, составляет основу нового системного видения бытия, основанного на новых категориях исторического материализма, что делает ее предельно общей, общесоциологической категорией.

В отличие от политической экономии, которая понимает под данной категорией лишь совокупность материальных благ, созданных трудом, сужая масштабы анализа до рамок национального богатства, социально-философское решение проблемы значительно шире и охватывает весь спектр как материальных, так и социальных характеристик. Такие явления, как духовное богатство, богатство потребностей, интересов, чувств, способностей личности, эстетические формы богатства и т. п., нельзя описать сухим языком цифр. Их можно выразить только с помощью философских понятий. Кроме того, разработка философской методологии проблемы богатства как предельно широкого ее решения раздвигает рамки и политэкономического исследования.

Тремя основными срезами марксистской теории богатства являются материальное богатство, богатство жизни и богатство личности. Материальное богатство в той общенародной форме собственности, в которой оно существует при социализме, выражается в показателях национального богатства — фундамента развития общества. Богатство жизни — это социальное богатство общества, характеризующее степень и характер проявления богатства условий жизни людей, характер социальных связей и отношений в обществе. Формирование богатства общественной жизни одновременно и развитие богатства человеческой личности. Истинно богатый человек — это человек, нуждающийся во всех проявлениях жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда. Смысл такого самоосуществления заключается в раскрытии всех потенций личности, в экстерииоризации ее внутреннего богатства. Богатство личности представляет собой синтетический феномен, который включает все черты коммунистического типа личности, а историческая миссия коммунизма в этом плане предстает как «развитие богатства человеческой природы как самоцель» [1, т. 26, ч. II, с. 123].

Утверждение общественной собственности на средства производства, которое несет социалистическая революция, уничтожает деление общества на бедных и богатых. Правда, при социализме еще сохраняются различия в уровне доходов, однако их избыточ-

ная концентрация в отдельных руках возможна лишь как аномалия и не может изменить общественного характера собственности на средства производства. Материальные ценности при социализме утрачивают свое самодовлеющее значение, а их производство подчиняется задаче формирования богатства человеческой личности. Принципиально различное решение проблемы богатства определяет водораздел между социалистическим и буржуазным обществом, является ареной острой идеологической борьбы. Развитие понятийного содержания категории богатства, раскрытие ее взаимосвязи с другими категориями марксистской философии расширяют ее методологические и мировоззренческие функции в деле решения задач строительства социализма.

Категориальный анализ такой сложной и емкой проблемы, как богатство, вооружает нас системным видением всего многообразия входящих в него явлений, имеет большое значение для осмысления настоящего с позиций будущего. Исследование богатства и его категориальное осмысление одинаково приемлемы для объяснения прошлого и настоящего, развития наших представлений о будущем и отвечают решению главной цели коммунистического общества — развитию богатства жизни общества и личности. Практическое решение всего блока вопросов богатства — это поле мирного соревнования двух противоположных общественно-экономических систем. «Мы исходим из того, — отмечалось на XXVII съезде КПСС, — что главное направление борьбы в современных условиях — создание достойных, подлинно человеческих материальных и духовных условий жизни для всех народов, обеспечение обитаемости планеты, рачительное отношение к ее богатствам. И прежде всего к главному богатству — самому человеку, его возможностям. Вот здесь мы и предполагаем соревноваться с системой капитализма. Соревноваться в условиях прочного мира» [3, с. 21].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. 4. Категории исторического материализма и их методологическая функция. К., 1986. 5. Квасов Г. Г. Диалектика развития личности в социалистическом обществе. М., 1985. 6. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии. К. Маркса. М., 1976. 7. Сиземская И. Н. Человек как главное общественное богатство при социализме. М., 1986.

Поступила в редколлегию 16.02.87

Н. Г. Межова, П. Е. Межов

К ВОПРОСУ ОБ АКТИВИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ Личности

Успешное решение задачи ускорения социально-экономического развития страны во многом зависит от повышения роли челове-

ческого фактора, от активизации творческой активности личности.

Социалистическое общество нацелено на решение задач быстрого увеличения общественных производительных сил, использование материальных, общественно-политических и духовных условий дальнейшего развития каждого человека: «...Общественная история не имеет в конечном итоге иного смысла, кроме развития субъекта, т. е. кроме развития сущностных сил и самих человеческих индивидов. Одновременно это значит, что индивидуальное развитие человека в деятельности и есть самая глубокая движущая «причина», толкающая вперед всемирную историю; и что именно этим развитием «измеряется» и подлинным образом оценивается общественный прогресс» [5, с. 93].

Основоположники марксизма связывали критерий прогресса прежде всего с определением меры развития общественной природы человека, его сущностных сил, ибо общественные индивиды являются единственными субъектами исторического действия [1, т. 2, с. 101—102]. Человек как субъект исторического действия выступает не только причиной любого исторического изменения, но и наиболее показательным результатом этих изменений. Реальное осуществление высшего типа творческой активности личности возможно лишь в условиях коммунизма. Начальный же этап формирования творческой активности относится к первой фазе — социализму, который, с одной стороны, создает для этого условия, а с другой, испытывает на себе ее непосредственное воздействие.

В социалистическом обществе становится возможным принципиальное изменение активности личности, ибо, как верно доказали классики марксизма-ленинизма, при социализме изменяются содержание и социально-экономический характер труда. В условиях социализма «живое творчество масс» выступает как «основной фактор новой общественности» [2, т. 35, с. 57, 269]. Возникновение и развитие социалистических общественных отношений рождает нозую социалистическую личность, которая активно включается в строительство новой действительности. При социализме создаются условия, позволяющие «втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мят, давил, душил тысячами и миллионами» [2, т. 35, с. 195].

В условиях социализма происходит как количественные, так и качественные изменения в характере активности людей. «Социалистическое общество не может эффективно функционировать, — подчеркивается в Программе КПСС, — не находя новых путей развития творческой деятельности масс во всех сферах жизни» [3, с. 140]. Количественные изменения в развитии творческой активности предполагают включение ее во все сферы жизнедеятельности: производственно-трудовую, общественно-политическую, социально-культурную, семейно-бытовую, что предоставляет возможность сочетать общественные и личные интересы. Нельзя считать творчески активным человека, который успешно выпол-

нлет свою производственную норму, владеет профессиональным мастерством, но в то же время не участвует в общественной жизни коллектива.

Исследование качественной стороны творческой активности в современных условиях приобретает особую актуальность. Важно знать, что заставляет человека поступать так, а не иначе, изучить те цели, во имя которых он проявляет творческую активность. От этого зависит создание таких условий, при которых уровень творческой активности был бы максимальным. Сегодня нельзя говорить о положении дел с человеческим фактором, будь то достижения или недостатки, отвлекаясь от проблем жизнедеятельности человека, от факторов, которые способствуют или препятствуют совершенствованию его активности, от качеств самой личности, уровня ее развития [7, с. 27]. Исследование творческой активности тесно взаимосвязано с рассмотрением сущностных сил человека, которые являются его внутренним потенциалом. В то же время сущностные силы детерминируют развитие творческой активности, проявление которой в различных сферах жизнедеятельности способствует дальнейшему их развитию. Сущностные силы выступают в таких формах, как способности, потребности, чувства, интересы, ценностные ориентации и др. Среди них особое место занимают потребности и интересы, так как именно они позволяют выявить место человека в системе общественного производства, от их совершенствования будет зависеть качественное изменение творческой активности.

При исследовании путей формирования творческой активности необходимо прежде всего обращать внимание на развитие таких потребностей, как потребность в творчестве, в саморазвитии, в повышении образования, интеллектуального уровня, нравственной, эстетической, физической культуры, которые тесно взаимосвязаны с потребностями общества. Рассматривая интересы социалистической личности, следует учитывать, что личность прежде всего выступает членом общества, гражданином своего государства, принадлежит к той или иной социальной общности людей, участвует в деятельности трудового коллектива — все это не может не отразиться в структуре ее интересов. Однако и сами интересы служат внутренними побудителями и детерминантами, определяющими содержание и качество субъективного фактора, а также направленность творческой активности. Важно, чтобы интересы, которые побуждают человека к творческой активности, осознавались им как личные. «В условиях перестройки, — отмечал М. С. Горбачев на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, — по-новому встает проблема гармонизации общественных и личных интересов. Поиск правильных соотношений между теми и другими имеет огромное значение, это задача живой практики. Речь идет об учете всего комплекса интересов — личности, коллектива, классов, наций, народностей, социальных и профессиональных групп, сложной диалектики их взаимоотношений, — с тем чтобы обеспечить динамичное развитие общества» [4, с. 11].

В социалистическом обществе большинство трудящихся побуждается к творческой деятельности личными интересами, направленными на достижение общественно полезных целей. Это подтверждают социологические исследования мотивации творческой активности молодых рабочих, для которых в большей мере значимо не только стремление заслужить уважение в коллективе, но и ощущение значимости своего труда для общества. На первом месте в структуре мотивов трудовой активности рабочих (67,3%) оказались «коллективная» и «личная забота об общественном благе»; более 50% опрошенных мотивировали необходимость своего труда общественными интересами [6, с. 35]. Почти половина респондентов—специалистов Харьковского электротехнического и Днепропетровского металлургического заводов обосновывали свое участие в социалистическом соревновании чувством коллективизма, желанием не отставать от товарищей, стремлением добиваться лучших показателей в труде и лишь незначительная часть — тем, что требуют начальство и общественные организации.

Большое влияние на формирование сущностных сил личности в сфере производства оказывают организация и условия трудовой деятельности. Это подтверждают и данные социологического исследования, проведенного на Днепропетровском металлургическом и Харьковском электротехническом заводах. На данных предприятиях процент опрошенных специалистов «не в полной мере» и «совсем не удовлетворенных» организацией и условиями труда составил от 64,1% до 86,7%. В иерархии мотивов потенциальной текучести инженерно-технических работников харьковских тракторного и моторостроительного заводов мотивы, связанные со стремлением подыскать работу с более благоприятными условиями и организацией труда, заняли второе место.

Благотворно влияет на творческую активность людей и система материальных стимулов. Интересным в этом плане является ленинградский эксперимент, цель которого — повышение эффективности работы инженерно-технических работников и технологов и одновременно повышение престижа профессии инженера. Эксперимент ставит задачу усилить ответственность людей за технический уровень и качество разработок, создать условия для выполнения большего объема работ меньшей численностью, способствовать реализации творческого потенциала специалистов. Именно такой путь формирования творческой активности был намечен XXVII съездом КПСС: «Было бы наивно представлять, будто чувство хозяина можно воспитать словами. Отношение к собственности формируется прежде всего теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда. Проблема, таким образом, заключается в дальнейшем углублении социалистического самоуправления в экономике» [3, с. 39].

Таким образом, в современных условиях необходимо использование новых творческих форм организации производства, которые в свою очередь будут оказывать воздействие на дальнейшее развитие творческой активности человека. В то же время развитие творческой активности индивида будет способствовать более интенсивному развитию социалистического производства, ускорению социально-экономического развития страны.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., 1987. 5. Батищев Г. С. Деятельная сущность человека в современной философии // Проблемы человека о современной философии. М., 1969. 6. Пугач И. Д. Мотивация производственной активности рабочей молодежи // Проблемы совершенствования социально-классовых отношений в советском обществе: Тез. Всесоюз. науч. конф. (Харьков, 22—24 сент. 1987 г.). Разд. V. 7. Крутова О. Н. Творческая активность личности и социально-экономическое развитие страны // Социальная сущность и творческая активность человека. М., 1986.

Поступила в редколлегию 16.02.87

В. А. Лозовой, канд. филос. наук, А. В. Буряк, Н. И. Соболева,
канд. филос. наук

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

В документах XXVII съезда КПСС поставлена задача полнее реализовать ленинский принцип соединения обучения с производительным трудом, решительнее добиваться повышения эффективности обучения, коренного улучшения подготовки молодежи к самостоятельной жизни и труду, воспитание сознательных строителей нового общества [3, с. 48—49].

Одним из наиболее важных стратегических решений в жизни каждого человека является выбор профессии. Принимая соответствующее решение, личность осуществляет тем самым не только выбор рода занятий, а совершает сложный акт самоопределения. Выбор здесь выходит за рамки решения проблемы предпочтительности той или иной конкретной профессии, оборачивается для личности необходимостью решать для себя «вечные вопросы» о человеческом предназначении, о смысле бытия, о своем месте в жизни. Выбор профессии определяет: а) кем быть, т. е. какое занять место в системе общественного разделения труда, в какой мере именно этот вид труда будет обеспечивать удовлетворение материальных и духовных потребностей личности, раскрытие и использование ее способностей и задатков; б) к какой социальной группе принадлежать, т. е. соответствующий социальный статус индивида; в) где работать, ибо «дерево» общественного разделения труда не представлено в каждом регионе всеми своими ветвями, поэтому выбор профессии связан с выбором места житель-

ства; г) с кем работать, поскольку профессиональные занятия различаются по соотношению числа мужчин и женщин, возрасту, социальному составу трудового коллектива и т. п.; д) какой стиль жизни избрать, ибо он коррелирует с определенными занятиями; е) в конечном счете — всю жизнь [8, с. 30]. Таким образом, профессиональное самоопределение принадлежит к числу главных выборов личности.

Реальная возможность действительно самостоятельного выбора профессии — важный показатель меры свободы: в обществе, где человек не свободен по сути нет и проблемы выбора. В условиях социализма возможности выбора профессии объективно ограничены в основном структурой существующего общественного разделения труда, которая обуславливается достигнутым уровнем и характером развития производительных сил и производственных отношений. Именно этим определяются количественная и качественная стороны того спектра вакансий, которые общество предлагает молодым людям, вступающим в самостоятельную трудовую жизнь. Субъективные ограничения связаны с личностными факторами: различиями физических, психических, интеллектуальных, волевых и нравственных качеств субъекта и влиянием на него социокультурных традиций и референтных групп, на которые ориентируется данный субъект.

Выбор профессии, как и другой выбор, определяющий не частности, а весь жизненный путь в целом, — это не только личная, но и общественная проблема, которая является важнейшим показателем социальной зрелости индивида, мировоззренческой позиции личности. В основе соответствующих решений, принимаемых личностью, лежит система ценностей, исповедуемых ею и выражающих ее жизненную позицию. Тем самым обеспечение свободного выбора профессии — одно из условий оптимального сочетания личного и общественного интересов, способностей и склонностей личности и потребностей общества.

Социологами Сибирского отделения АН СССР на протяжении ряда лет исследовались личные планы молодежи, связанные с выбором жизненного пути. Динамика личных планов и ориентаций молодежи показала, в какой мере осознаются молодежью социальные изменения, происходящие в обществе и выступающие как проявление необходимости, и как это отражается на самосознании и оценке своих способностей, в ходе принятия важнейших жизненных решений. В результате исследований был обнаружен и изучен целый ряд проблем, возникающих в процессе выбора профессии и трудоустройства как разрешения противоречия между потребностями общества в кадрах и профессиональными склонностями молодежи [8, с. 30—79].

Эти исследования, в частности, показали, что за последние годы многочисленные, но разрозненные попытки повлиять на образовательные ориентации молодежи, усилить ориентации на производительный труд, повысить престиж профессий физического труда лишь частично дали положительные результаты. Ска-

залась сила инерции таких социальных институтов, как средняя школа и семья, где высокий уровень образования еще нередко рассматривается как показатель социального статуса. Ныне социальная ситуация и условия вступления молодежи в трудовую жизнь существенно изменились, а нацеленность на продолжение образования как средства достижения высокого социального статуса в значительной степени сохраняется. Только коренная и целенаправленная перестройка системы образования, скоординированная систематическая работа различных социальных институтов может кардинально повлиять на изменение существующего положения. Да и сама работа должна строиться по-новому. В условиях реформы общеобразовательной и профессиональной школы особую важность приобретает изучение основ современного производства, ведущих направлений его интенсификации. Перед учащимися стоит задача овладения компьютерной грамотностью. Социальная функция образования существенно изменяется и обогащается. «Обеспечивая высокий уровень знаний, необходимый для продолжения учебы в вузе, школа в то же время должна ориентировать молодежь на общественно полезный труд в народном хозяйстве и готовить ее к этому. Трудовое воспитание следует рассматривать как важнейший фактор формирования личности и как средство удовлетворения потребности народного хозяйства в трудовых ресурсах» [7, с. 30].

Выявляя и развивая задатки, способности и личные склонности каждого молодого члена общества, система образования должна планомерно готовить его к участию в трудовом процессе в соответствии с нуждами современного производства и с учетом будущих потребностей самой личности и способствовать эффективной самореализации в целостной системе социальной жизни. Важнейшей практической задачей остается решение вопроса о повышении престижа массовых рабочих профессий. Не может не тревожить, например, такой частный, но показательный факт, что выпускники московских школ и ПТУ не восполняют даже естественной убыли на ЗИЛе рабочих-москвичей старших возрастов. Потребность в рабочей силе это крупнейшее предприятие вынуждено покрывать путем широкого привлечения молодежи из других районов страны.

В целом же изменение оценок престижности различных профессий за два последних десятилетия (а в основе шкалы престижа профессий всегда лежит система мировоззренческих ориентаций субъекта, та или иная структура ценностей жизни) выявили общий рост реализма молодежи. Отмечается процесс своеобразного повзросления семнадцатилетних. Они уже в большей мере, чем прежде, учитывают реальные общественные потребности, что выражается в меньшей категоричности оценок набора профессий. Так, произошло очевидное снижение престижа профессий ученых — физика, биолога, историка. В 70-е и начале 80-х годов существенно возрос престиж профессий сельского хозяйства и сферы обслуживания, которые были прежде самыми непрестиж-

ными видами труда. Во второй половине 80-х годов начал снижаться конкурс в вузы медицинские, общественного питания, торговли. Динамика престижа профессий фиксирует подвижность представлений молодежи о мире профессий и ее мировоззренческих ориентаций в целом. Это создает важные предпосылки для грамотной и обоснованной профессиональной ориентации молодежи, для коренного улучшения подготовки молодого поколения к труду и жизни в целом.

Конечно, в итоге трудовые ресурсы распределяются так, как требуют интересы общества. Однако это сопровождается весьма существенными издержками и для общества, и для тех, кто сделал неверный выбор. Это сказывается и на производительности труда, на удовлетворенности им, на текучести кадров, миграции населения, что составляет предмет общественной заинтересованности, и на личных судьбах людей, их общем самочувствии и осмысленности существования.

Возрастание роли субъективной стороны выбора профессии в современных условиях настоятельно требует самого пристального внимания к исследованию этого процесса в целях эффективного, научно обоснованного социального управления, дальнейшего расширения свободы выбора, своевременного разрешения возникающих несоответствий между потребностями и возможностями общества на каждом конкретном этапе развития и реально существующими интересами людей, осуществляющих этот выбор.

Особо важное значение приобретает в этой связи мировоззренческое воспитание молодежи при подготовке ее к самостоятельной жизни. На февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что советская школа призвана «воспитывать советских юношей и девушек ревностными носителями революционных идей и традиций, людьми, стремящимися и способными отстаивать, проводить в жизнь политику партии, направленную к всемерному раскрытию возможностей и преимуществ социализма» [4, с. 18—19]. Выбор профессии — один из важнейших этапов профессионального воспитания, однако это только начало поры формирования жизненных убеждений, жизненной программы.

Профессиональная подготовка в вузе является серьезной проверкой на прочность принципов, заложенных в жизненной программе. В этот период меняется многое: уточняются, иногда в значительной степени преобразуются представления об избранной профессии; меняются и ожидания, связанные с будущей профессией, т. е. характером труда, а следовательно, и определение планов на будущее. Подобные изменения в значительной степени обусловлены не только недостаточной профориентационной работой с учащимися общеобразовательной школы, но и объективным процессом перехода молодых людей в другую возрастную группу, что влечет изменения поведения, психологии, характера общения, возрастание ответственности, самостоятельности, социальной мобильности и т. д.

Учитывая уникальность каждой личности, а также характер формирования ее жизненного пути, вряд ли можно с уверенностью сказать, что возможен такой выбор, который бы в полной мере удовлетворял общественную потребность в специалистах и был оптимален с точки зрения определения способностей и склонностей данной личности. Однако, как показывает практика, не подтвердившиеся ожидания не всегда влекут за собой жизненную трагедию для личности и потерю специалиста для общества. Человек — существо универсальное, и в определении способностей как различного рода отношений к миру не ограничивается профессиональными рамками. Обстоятельства последовательно протекающих этапов жизни составляют необходимость тех или иных способностей так же, как и протекание жизни определяется способностями данной личности.

При наличии социальной свободы выбора богатство способностей и потребностей, даже если оно не может реализоваться в рамках узкопрофессиональной деятельности в условиях данного этапа социального развития, составляет достояние общества, его творческий потенциал, определяет качество подготовки специалиста. Более того, специалист в условиях современного общества не может быть в достаточной степени профессионально подготовлен, если не обладает «основательной марксистско-ленинской подготовкой, современным экономическим мышлением, навыками управленческой и организаторской работы» [6]. Такая ориентация не только нацеливает специалиста на постоянное обновление запаса знаний, но и требует гражданственности, умения преодолеть узкопрофессиональные или групповые интересы, которые сформировались по тем или иным причинам в ущерб обществу и вследствие которых добросовестное выполнение профессионального долга может иметь отрицательные экономические и нравственные последствия.

Уровень общей культуры не должен сводиться к усвоению определенной совокупности фактов, примеров, представлений. В этой связи хотелось бы отметить, что высшая школа сформировала в некотором смысле потребительское, вернее, узкоприкладное отношение к общественным наукам как учебным предметам: например, курс философии воспринимался исключительно как представление о двух борющихся противоположных теоретических системах — материализме и идеализме. Тем не менее для борьбы с враждебной нам идеологией как раз необходимо прежде всего усвоить положительную программу, платформу, на которой строятся убеждения. Один из важнейших аспектов — усвоение марксизма-ленинизма как методологии, как теории познания, определенного видения, оценки событий, умения различить главное и несущественное, обозначить перспективы общественного развития. Марксизм-ленинизм не только аккумулирует высочайший гуманизм, нравственные принципы, но и выступает тем идеалом, без которого невозможно формирование и совершенствование личности.

«...Так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), — писал К. Маркс, — ...человеческое чувство, человечность чувств, — возникают лишь благодаря наличию соответствующего предмета, благодаря **человеческой природе**» [1, т. 42, с. 122]. Поэтому по человечности личности можно судить о гуманности общества. Человеческие свойства формировались стихийно в течение всей общественной истории так же, как стихийно было само социальное движение. В той же мере, в какой человек нуждается в обществе, чтобы приобрести способность думать, говорить, ощущать как человек, так же он нуждается в постоянном общении для воспитания чувства справедливости, добра, долга. И если первому человечество обучалось осознанно и целенаправленно, то отношение ко второму складывалось неоднозначно: существовало даже представление, что человек непорочен от рождения, совершенен в нравственном отношении. Однако нравственность развивается вместе с обществом, личностью. В. И. Ленин, говоря о необходимости борьбы с буржуазной идеологией в рабочей среде, показал, что **«всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»** [2, т. 6, с. 40]. Там, где воспитание человечности остается без внимания, без целенаправленного и сознательного воздействия, становится неуправляемым процессом, проявляются уродливые явления, чуждые социалистическому образу жизни, на что обращалось особое внимание на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС [3, с. 11—12]. Необходимость решать нравственные проблемы так или иначе стоит перед всеми людьми, независимо от их специальности.

Формализм в распространении гуманитарной культуры может натолкнуться на юношеский максимализм в оценках, критичность в восприятии, свойственные данной возрастной группе, что ведет к взаимному недоверию, поиску каких-либо особых экзотических способов разрешения общечеловеческих проблем. Зачастую такие явления обусловлены отсутствием навыков творческого общения, умения получать информацию, усваивать ее. Особенно характерен такой барьер в восприятии гуманитарных дисциплин для учащихся технических вузов. Здесь ценность информации определяется зачастую по количеству цифр и однозначно воспринимаемых фактов. А ведь такое суженное восприятие говорит о недостатках в профессиональной подготовке.

Труд является ведущей формой деятельности человека; именно в труде реализуется богатство личности. Общество заинтересовано, чтобы это богатство реализовывалось в первую очередь в сфере производственной деятельности, чтобы у личности сформировалась потребность проявить свои способности, знания, умения в сфере профессиональной деятельности. Для этого необходимо не только желание, заинтересованность (хотя без них невозможно творчество), но и качество, уровень профессиональной подготовки. Современная высшая школа снабжает своего выпускника знаниями, часть из которых устаревает к моменту получения диплома

об окончании вуза, и, к сожалению, не всегда формирует потребность в самом процессе получения знаний.

Приобретение важнейших профессиональных навыков, в первую очередь научно-исследовательских, тесно связано с воспитанием коллективизма: умения общения с коллегами, чувства общности по научным интересам и ответственности, долга перед научной общественностью, понимания значения собственного вклада в разработку какой-либо проблемы, профессиональной гордости и т. п. Пробелы в этом плане наносят большой ущерб и специалисту, и обществу. Ведь молодому специалисту необходимо прежде всего утвердиться в новом статусе, освоить новый род деятельности и отношений, и длительность этого периода определяется личностными характеристиками, спецификой деятельности и особенностями коллектива. Здесь индивид начинает практически с нуля; возникает опасность, что процесс самоутверждения займет все его внимание, все силы сконцентрируются на приобретении навыков реализации профессиональных знаний без их пополнения. В конечном счете недостатки в подготовке, отсутствие стимула для самообразования могут привести к тому, что и после утверждения в коллективе специалист по привычке оперирует тем запасом знаний, которым его снабдили в вузе.

В условиях современного производства, подчеркивалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, «конкретные знания, умения и навыки должны непрерывно пополняться и совершенствоваться у всех работников» [5, с. 57]. Внедрение государственной системы непрерывного образования представляется важным средством поддержания компетентности кадров на уровне современных требований.

Таким образом, формирование у каждого советского человека глубокого уважения и готовности к добросовестному труду на общее благо, коренное улучшение практической подготовки молодого поколения к труду, формирование мировоззренческой культуры, улучшение гуманитарной подготовки, выработка потребности в самовоспитании и самообразовании, совершенствование профессиональной ориентации будут способствовать социально-профессиональному самоопределению молодежи.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. 4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 17—18 февр. 1988 г. М., 1988. 5. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 янв. 1987 г. М., 1987. 6. Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране // Правда. 1986. 21 марта. 7. О реформе общеобразовательной и профессиональной школы: Сб. документов и материалов. М., 1984. 8. Чередищенко Г. А., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь. М., 1985.

Поступила в редакцию 16.02.87

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

Важнейшим в исследовании эстетического познания является вопрос о его предмете, т. е. о том, что познается в эстетическом отражении. Ряд авторов трактуют эстетическое познание как эмоционально-оценочное отношение, результатом которого выступает оценочное знание [см. 8]. На наш взгляд, эстетическое познание, понимаемое широко, — это специфический способ проникновения в сущность человеческой жизни и деятельности во всей ее противоречивости, способ, дающий возможность познать социальную и природную действительность в ее целостности. Предметом эстетического познания служит вся объективная реальность и прежде всего человек.

Эстетическое познание, как и эстетическое отношение, осуществляется на различных уровнях. Первым из них является созерцание как способ присвоения целостным человеком своей всесторонней сущности [1, т. 42, с. 120]. Созерцание нельзя рассматривать как простое чувственное ощущение, ибо оно включает своеобразную активность субъекта. Восприятие красоты (или безобразия) в действительности не регистрация факта, а процесс взаимодействия, т. е. переживание субъектом своего отношения к эстетическому объекту. Созерцание наполняет не только непосредственное эстетическое переживание на уровне обыденного сознания, но и входит органической частью в творческий процесс на более высоких уровнях эстетического познания.

Различные виды материальной и духовной деятельности, включающие элементы эстетического отношения, могут быть рассмотрены как новый уровень эстетического познания. Дизайн, например, представляет собой вид эстетической деятельности, призванный внедрять законы красоты в сферу материального производства. Сердцевинной деятельности дизайнера является овладение теми реальными формами (в единстве с содержанием и функциями создаваемого предмета, процесса), которые способны выражать законы красоты. Именно это и есть сфера эстетического познания, органично слитая с деятельностью. Поскольку же предметом дизайнерской деятельности выступает не вообще духовный мир человека, а лишь материальная среда, преобразуемая в соответствии с эстетическим идеалом общества, постольку дизайнер и не ставит задачу познать и выразить в предметных формах всю совокупность духовных сторон человеческой жизни. Его цель — воплотить в предметах (процессах) представления общества о красоте природы, создать эстетически совершенную предметно-пространственную среду, эффективно способствующую гармоническому развитию человека. Нечто подобное можно сказать и о та-

ких видах человеческой деятельности, как научная и педагогическая, спортивная и культурно-просветительская, имея в виду специфику проявления в них эстетического начала.

Искусство представляет собой вид деятельности, специально направленный на познание эстетических сторон объективного мира. Следует отметить, что в философско-эстетической литературе до настоящего времени не выработан единый взгляд на искусство как форму эстетического познания. Способно ли искусство постигать сущность вещей и процессов? Если в основе художественно-образного отражения действительности лежат те же закономерности, которые определяют способность науки проникать вглубь изучаемого ею мира, то может ли искусство, оперируя образами, претендовать на отражение глубоких закономерностей жизни человека и общества?

В марксистской философской и психологической литературе в последние десятилетия настойчиво пробивает себе дорогу мысль о множественности видов мышления. Утверждается, в частности, возможность и необходимость невербальных видов мышления [см., напр., 9]. Мышление, подчеркивают В. И. Шинкарук и Т. И. Орлова, представляет собой осознание действительности для предметно-практической или духовно-практической деятельности. Перевод внешних практических действий во внутренний план — это один из путей возникновения и развития различных систем мышления. Поскольку субъектом мышления выступает целостный человек, обладающий комплексом способностей (рациональное, эмоционально-чувственное, ценностное, идеологическое и т. п.), то на этой основе могут возникать различные виды мыслительной деятельности. Мышление может принимать любую форму — словесную, символическую, изобразительную, музыкальную и т. п. Условием преобразования живого созерцания в элементы мышления является увязывание их в определенную систему, отвечающую задачам духовного постижения мира.

Если обратиться к музыкальному искусству, то его место в духовной жизни общества ярко свидетельствует о способности музыки глубоко проникать в сущность отображаемых процессов. Симфонизм, например, олицетворяет собой принцип развития. В сонатном аллегро, построенном на контрастном сопоставлении частей, развитие осуществляется по закону единства и борьбы противоположностей. Вариационная форма в музыке иллюстрирует закон перехода количественных элементов в качественные, когда через изменения ритмического рисунка, темпа, динамики и других выразительных элементов достигается целостная структура произведения. Трехчастная форма в музыке может быть рассмотрена как воплощение закона отрицания отрицания, когда повторение первоначальной темы выступает на новом этапе как обогащенное. Все категории материалистической диалектики (содержание и форма, возможность и действительность, сущность и явление,

целое и часть и другие) находят воплощение в структурах музыкальных произведений*.

В философско-эстетической литературе все настойчивее ставятся проблемы специфики гуманитарного знания, его отличия от естественнонаучного [см., напр., 5]. Известно, что наука за случайным раскрывает необходимое, за единичным — общее, за явлением — сущность. Чем меньше субъективного в раскрываемых наукой законах, тем точнее объективная истина и, следовательно, ее значимость для общества. В ходе научного исследования ученый использует всю совокупность познавательных средств и методов, но они не фиксируются в содержании открытого объективного закона. Наука сочетает в себе абсолютное и относительное знание. Условное в науке (например, гипотеза) служит средством приближения к истинному знанию. Закон, исследованный наукой, однозначен: в одинаковых условиях его действие всегда приводит к одинаковым результатам.

Искусство также способно постигать сущность вещей и процессов. Но эстетическое познание в форме искусства значительно отличается от научного. Начать хотя бы с того, что случайное в действительности по-разному отражается наукой и искусством. В искусстве оно составляет неотъемлемый элемент содержания, часто господствует и не поддается контролю с точки зрения соотношения с необходимостью. Если в науке случайное — всегда форма проявления необходимости, то в искусстве за случайностью необходимость часто не видна, она остается как бы за кадром, не выявляется с такой очевидностью, как в науке, а достигается субъектом в процессе восприятия произведения искусства.

Существенными выступают также такие черты познавательного процесса в искусстве, как единство объективного и субъективного, т. е. не только фиксация того или иного факта, но и его оценка художником. В ходе творческого процесса мысль и чувство слиты воедино и запечатлеваются в структуре созданного художественного образа. Наконец, искусство сочетает в себе абсолютное и относительное, условное и безусловное иначе, чем наука. Оно широко использует такие средства, как аллегория, метафора, символ, смещение пространства и времени, фантастические темы и образы и т. п. В результате произведение искусства как целостность всегда неповторимо и уникально. На этой основе возникает многозначность смыслов произведений искусства. Природа этих смыслов «полифонична», они могут варьироваться в довольно широких пределах. Гуманитарное знание, даваемое искусством, лишено той точности, которая характеризует естественнонаучное знание.

Проблема интерпретации, понимания, глубины истолкования имеет для науки и искусства различное значение. Интерпретация

* Познавательные возможности и сила музыкального искусства глубоко раскрыты в трудах академика Б. В. Асафьева, особенно в его работе «Музыкальная форма как процесс. Книга вторая. Интонация» // Избр. тр. М., 1957. Т. V.

научного знания, как правило, определена параметрами поставленной научной задачи. А гуманитарные объекты, художественно отражаемые в искусстве, не поддаются одностороннему истолкованию не только с точки зрения различия вкусов современников, но и в контексте исторического развития культуры. Выдающиеся памятники всех видов искусства воплощают не только идеи своего времени (классовые, национальные, философские, нравственные и др.), но и оказываются носителями общественного сознания. Поэтому их интерпретация в различные периоды истории выявляет в них различные смыслы.

Какие же общие черты присущи эстетическому познанию?

Первой из них должна быть названа **образность**. Этот признак является сущностным для эстетического познания и выражает его глубинную особенность. В связи с этим встает вопрос о природе образа, его месте и роли в эстетическом познании. В современной философской литературе под образом понимается «такой результат познания субъектом объекта, упорядоченность элементов которого соответствует упорядоченности свойств, связей и отношений объекта» [4, с. 52]. Формируется образ в процессе чувственного отражения. Под воздействием объекта возникает определенное эмоциональное состояние субъекта, но эмоции не есть образы внешней действительности, а лишь переживания субъекта. Они часть реальной жизни личности и связаны со всеми слагаемыми чувственного отражения. От эмоций и чувств совершается переход к осознанию потребности, осознанию влечения (хотения). Активность личности проявляется в стремлении к овладению объектом. Образ объекта возникает на уровне сознания на основе единства чувств и мышления и включает не только переживание, но и знание. Образная форма отражения содержит эмоции в «снятом виде».

Важнейшей характеристикой чувственного образа выступает его **предметность**. Она вытекает из потребности субъекта в ориентации, когда на основе непосредственного контакта с объектом в ходе предметных действий у человека сформировалась способность воспринимать предметы и явления как существующие вне органов чувств, в то время как состояния этих органов, воспринимающих предмет, представляют собой внутренние психические процессы. В образе нет ни грана вещества, ни объекта, ни субстрата образа. Это свойство предметности образа объективно по назначению и функциям и субъективно по характеру и реализации образа [см.: 7, с. 201].

Чувственное отражение представляет собой единство образного и знакового. Если под знаком понимается «такое явление (материальная вещь, свойство, процесс, действие, психический феномен), которое, не обладая структурным соответствием или сходством с другим каким-либо явлением, способно в определенных процессах представлять и замещать его» [4, с. 53], то чувственное отражение всегда есть единство изображения и обозначения, поскольку структура оригинала воспроизводится в других формах,

в других субстанциях. Поэтому «образное содержание отражения и его знаковый способ существования следует рассматривать как диалектические противоположности, а чувственное отражение — как их единство при ведущей роли первого из них» [4, с. 60]. Это сочетание образного и знакового имеет существенное значение на всех уровнях эстетического познания.

Место и роль чувственного в эстетическом освоении действительности стали предметом анализа в ряде работ советских авторов. В этом плане интерес представляет книга Б. Галеева, посвященная проблеме синестезии (взаимодействия чувств в процессе отражения) в искусстве [3]. Автор рассматривает чувственность как человеческую субъективность в высшей форме отражения, т. е. отражения общественного бытия как социальной формы движения материи. Чувственность — это «непосредственность человеческого отражения действительности» [Там же, с. 62]. Чувственность всегда находится в единстве с мышлением, составляя с ним противоречивое единство.

Б. Галеев рассматривает чувственность как целостную систему способностей человека, включающую не только внешние, но и другие духовные чувства. Как и во всякой системе, здесь возникает взаимодействие составляющих элементов, в данном случае — межчувственные взаимодействия, результатом которых выступают новые интегративные свойства системы в целом. Это и есть процесс синестезии, помогающий понять комплексный характер образа как результата интеллектуально-чувственного отражения действительности. Б. Галеев раскрывает полимодальность, комплексность восприятия, показывает проявление синестезии в живом созерцании, в языке, в различных видах искусства. Он подчеркивает, что миру синестезических представлений присущи все параметры, которыми обладает реальный мир: пространство, движение, тяготение, пластика, цвет. Синестезия наполняет собой все уровни чувственного отражения, с ее помощью человечество преодолевает ограничения в достижении целостного мировосприятия.

Нетрудно понять, какое значение имеет синестезия в формировании образа чувственного отражения. Если синестезия — это «сущностное свойство системы чувственности» [3, с. 107], то, следовательно, на ее основе возникает целостный образ предмета или явления, синтезирующий все способности личности. И тогда становятся доступными и понятными такие элементы отражения действительности, как «слышание живописи», цветной слух, ладовое тяготение в музыке и т. п.

Эстетическое познание представляет собой опережающее отражение, это его второй, не менее важный, наряду с образностью, признак. Сущность процесса опережающего отражения раскрыта естествознанием. Академик П. К. Анохин определил эту сущность как способность живых организмов опережать во времени закономерное течение событий на основе периодичности процессов прироста и накопления информации [см.: 7, с. 130—136].

Следует, конечно, иметь в виду, что опережающее отражение может быть понято лишь при правильном истолковании механизма этого отражения. Ведь «если опережающее отражение означает отражение того, чего еще нет, но должно быть, что было бы равносильно признанию возможности образа без оригинала, то совмещение отражения и опережения в одном понятии кажется нонсенсом» [6, с. 89]. В теории П. К. Анохина речь идет о рассмотрении отражения с процессуальной, временной точки зрения. Биологическое время в жизни организма вторично по отношению к физическому времени среды, но оно и относительно самостоятельно. Протекание временных процессов в биосистемах имеет свои особенности, одна из которых и есть опережение. Биологическое время, отражающее внешнее, физическое время, трансформирует его во внутреннее время, выражающее закономерности существования и развития биосистем. Автор указывает, что такое различие внутреннего и внешнего времени зафиксировано наукой не только в биологии, но и в сферах психологии, истории, социологии, культуры, космологии. Добавим, что в последние десятилетия внимание исследователей привлекают проблемы времени в литературе и искусстве.

На всех уровнях эстетического познания отражение действительности сознанием имеет опережающий характер. Если обратиться к сфере непосредственного эстетического переживания, то мы без труда обнаружим эту черту. В жизни личности пространственно-временные факторы занимают важнейшее место. Существенной особенностью человека является его способность переживать воображаемое как действительное, объединять в сознании прошлое с будущим, осознавать настоящее как связующий момент между ними. Будущее непосредственно включено в эстетическое восприятие мира человеком. Оно выражается в стремлениях, надеждах, чаяниях. Оно всегда окрашено теми или иными оттенками красоты. Комплексность эстетического переживания позволяет личности, с одной стороны, приобщиться к духовному опыту, накопленному обществом, с другой — осознать общественные идеалы. С одной стороны — обогатить свой духовный мир, с другой — осуществить потребность в самоутверждении в будущем. Переживание будущего в настоящем является чувственно-эмоциональной основой целеполагания. Именно из стремления к будущему рождаются творческие замыслы по эстетическому преобразованию действительности, т. е. творчество по законам красоты.

В преобразовании предметного мира мы видим ту же закономерность. Совершенствование техники — это процесс выявления не только новых возможностей в использовании сил природы, но и процесс согласования, достижения наибольшего соответствия этой техники человеку. Принцип гармонии во взаимоотношениях между человеком и преобразованной природой выявляет, таким образом, аспект эстетического познания и творчества в этой сфере.

Опережающее отражение рельефно проявляется в процессе преобразования форм общественной жизни и самого человека: социализация личности и воспитание ее в социалистическом обществе направлены на формирование всесторонне развитого, прекрасного человека. Здесь процесс эстетического воспитания органично соединяет в себе познание и творчество.

Особенно наглядно опережающее отражение проявляется в искусстве как форме эстетического познания мира. Поскольку здесь эстетическое выступает не как сопутствующее, а составляет сущность процесса, постольку появляется возможность художественно отразить действительность во всем богатстве человеческого бытия. Искусство проникает в глубины человеческой жизни, раскрывает тенденции развития, художественно исследует не только прошедшее и настоящее, но и будущее. Художественное предвосхищение будущего оказывается органически присущей функцией искусства.

Следует подчеркнуть, что опережающее отражение в искусстве существенно отличается от аналогичного процесса в науке. Научное познание прогнозирует будущее путем раскрытия основных закономерностей, определяющих тенденции развития. Искусство как форма эстетического познания также способно раскрывать закономерности развития и «заглядывать» в будущее. Но при этом искусство не претендует на точность предсказуемого. Художественное познание ориентировано на возможное и желательное. Оно воплощает идеальные устремления общества и человека.

Наука прогнозирует будущее в форме идей, теорий (различной меры истинности, вплоть до иллюзорных). Искусство предвосхищает будущее в виде реальных картин жизни человека. Если наука в своей прогностической функции бесстрашна, то искусство органически включает оценку изображаемого. А это означает, что мировоззренческая ориентация художника, его приверженность тому или иному идеалу, его идеологическая позиция непосредственно определяют достоверность и жизненность прогностического в искусстве. Только глубокое совпадение личного сознания художника с общественными потребностями и идеалами эпохи создают предпосылки для художественного предвосхищения будущего. Реалистическое искусство демонстрирует это с полной очевидностью.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Галеев Б. Человек. Искусство. Техника. Казань, 1987. 4. Губанов Н. И. Чувственное отражение. М., 1986. 5. Ильин В. В. О специфике гуманитарного знания // Вопр. философии. 1985. № 7. 6. Кардашева А. С. Опережающее отражение действительности и время // Вопр. философии. 1981. № 7. 7. Ленинская теория отражения и современность. М.: София, 1969. 8. Ткемаладзе А. А. Проблемы эстетического познания: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Тбилиси, 1984. 9. Шинкарук В. И., Орлова Т. И. Художественное мышление в системе видов мыслительной деятельности // Вопр. философии. 1984. № 3.

Поступила в редколлегию 15.12.87

Одна из ключевых задач нынешнего этапа развития социалистического общества — неуклонное совершенствование социально-культурной сферы. В связи с этим особую значимость приобретают социальные исследования, в том числе дальнейшее изучение социалистического образа жизни. Однако до сих пор в теоретической литературе явно недооценивается роль эстетического в системе социалистического образа жизни. Между тем изучение характера и особенностей включенности эстетического в многообразные стороны социальной действительности, в практику реального социалистического строительства позволяет более глубоко осмыслить сущность, динамику общественных процессов.

На современном этапе развития «эстетическое освоение действительности, творчество по законам красоты, как никогда, совпадает с освоением действительности и творчеством по законам социальной справедливости и объективным законам истории» [6, с. 122]. В соответствии с этим возникает настоятельная потребность целостного эстетического анализа социалистического образа жизни, так как эстетическое является не отдельной его гранью или сферой, а становится все более сущностной, глубинной характеристикой.

Процесс становления целостности образа жизни как органической социальной системы, предполагающий все большее соответствие идеалу социалистического и коммунистического образа жизни, есть движение к красоте, подлинному совершенству. Однако красота не некое застывшее идеальное состояние, «не только результат, но и исходный пункт, не только объект, но и функция» [7, с. 148]; степень ее достижения может быть различной.

Из-за большой сложности проблемы еще не разработана система показателей эстетического в образе жизни. Осуществляются только отдельные попытки определить показатели эстетического развития личности, которые, к сожалению, не охватывают всех направлений этого развития (к примеру, эстетического развития личности в сфере общения). Тем не менее назрела потребность в обозначении определенных эстетических показателей, фиксирующих достигнутый уровень совершенства сфер жизнедеятельности, социальных субъектов. Эти показатели должны помочь устанавливать и степень несовершенного в образе жизни, преодолевать имеющиеся элементы дисгармонии.

Исходя из того, что наиболее значимым средством достижения целостности общественных сфер является гармонизация, в качестве существенного эстетического показателя в образе жизни, его подсистемах, компонентах мы выделяем **структурный** показатель, фиксирующий степень гармоничности развития. За основу в определении этой степени возможно принять следующее положение:

«...гармоничность в своем становлении и развитии проходит определенные стадии: это частичная гармоничность (с элементами дисгармонии) и полная, всесторонняя, подлинная гармоничность. Поскольку социализм представляет собой процесс перерастания в коммунизм и устойчивость его качественного состояния относительно и предполагает динамизм и совершенствование различных сторон общественных отношений, его можно определить как общество, преодолевающее дисгармонию» [4, с. 18]. Важен не только сам факт частичной гармоничности, но прежде всего выяснение того, какие элементы дисгармонии имеются, каковы их истоки, каково их «тяготение» — к гармонии или антигармонии.

Наряду со структурным показателем возможно определить и критерий содержания эстетического в образе жизни. На наш взгляд, таковым выступает мера свободы личности, степень самодостаточности человеческой индивидуальности. Отметим, что свобода как «независимость» все в большей степени переходит во внутренний план, в свободу как самоопределение личности, ибо человек «свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность...» [1, т. 2, с. 145]. Именно как предпосылка самоутверждения, самоосуществления личности, богатства человеческой индивидуальности свобода воплощает в себе единство социального, нравственного и эстетического. Критерий содержания эстетического чрезвычайно важен в социалистическом образе жизни, так как человек должен «сделать себя самого мериллом всех жизненных отношений... устроить мир истинно по-человечески, согласно требованиям своей природы...» [1, т. 1, с. 593].

Возрастающее влияние субъективного фактора с необходимостью предполагает целенаправленное изменение места и роли красоты в различных сферах образа жизни, в самом человеке. В связи с этим в арсенал средств социального управления, коммунистического воспитания призвана активно включаться эстетическая культура, представляющая собой диалектическое единство эстетического сознания (идеала, взглядов, норм, потребностей, вкусов), эстетической деятельности и эстетического воспитания. Эстетическая культура общества, личности не абстрактная, идеальная категория, содержание которой совпадает лишь с полным воплощением коммунистического эстетического идеала, она отражает конкретно-исторические этапы становления целостности социалистического общества, целостности сфер жизнедеятельности, субъектов образа жизни, качественно определенные ступени восхождения к красоте, совершенству, реальную степень воплощения эстетического идеала. В силу этого, а также благодаря своей универсальности, эстетическая культура является существенным интегральным показателем социалистического образа жизни.

Одна из основных функций эстетической культуры в социалистическом образе жизни — формирование его целостности. Достижение совершенства происходит путем согласования, гармонизации подсистем (различных видов деятельности, форм общения,

поведения), отношений между субъектами разных уровней (общества в целом, класса, социальной группы, трудового коллектива, личности), а также гармонизации сущностных сил, внутреннего мира личности. Эту функцию можно условно назвать интеграционной.

Отметим, что образ жизни может быть представлен эстетически только в свете целостности личности. Личность — центр (субъект) своего образа жизни, вокруг нее, в результатах ее деятельности происходит становление целостности образа жизни. С одной стороны, уровень целостности личности определяется уровнем целостности образа жизни, служит его индикатором, с другой стороны, целостное развитие личности, проявляющееся в определенной степени совершенства ее сущностных сил (способностей, потребностей, интересов, ценностных ориентаций, целей, мотивов деятельности) способствует повышению уровня целостности образа жизни. Активно участвуя в становлении целостности личности, эстетическая культура тем самым существенно влияет на процесс эстетизации сфер жизнедеятельности.

Формирование целостности личности направлено на самоутверждение, самореализацию человеческой индивидуальности. Таким образом, красота как воплощение целостности обретает глубоко гуманистический смысл. В связи с этим весьма существенной становится гуманистическая функция эстетической культуры, предполагающая в идеале достижение подлинной самооценности человека, его уникальности, неповторимости, богатства сущностных сил. «Чем иным является богатство, — писал К. Маркс, — как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было **заранее установленному масштабу**» [1, т. 46, ч. I, с. 476]. Безусловно, подлинное богатство человека возможно лишь на коммунистической стадии развития, однако человек «не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [Там же].

При изучении проблемы совершенствования образа жизни методологически важной представляется и следующая мысль К. Маркса: «...человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [1, т. 13, с. 7]. Это высказывание ориентирует на то, что помимо стратегической формационной цели — становления подлинной целостности коммунистического образа жизни — необходимо определить, конкретизировать текущие задачи развития социалистического образа жизни. Социалистический образ жизни как идеал не отгорожен от коммунистического: по мере становле-

ния и упрочения целостности социалистического образа жизни мы приближаемся и к идеалу коммунистического образа жизни. Различие социалистического и коммунистического образа жизни заключается в уровне целостности, совершенства, а также в некоторой специфике социалистических и коммунистических принципов. При этом нельзя не учитывать, что коммунистический эстетический идеал, воплощающий высшую степень совершенства, — един, ориентир на него — обязательное условие преодоления имеющихся противоречий, необходимая предпосылка динамичного процесса развития. «Только отражаясь в общественном сознании как мысленно преодоленное (как идеал), социальное противоречие способно стать действительной силой, определяющей дальнейший ход истории» [5, с. 196].

Таким образом, без видения перспективы развития невозможно сознательное творчество, в том числе творчество «по законам красоты», целенаправленное воздействие на интеграционные процессы образа жизни. Сопоставление ближайших целей социалистического становления образа жизни с коммунистическим идеалом чрезвычайно важно для осуществления переходов от несоответствия этому идеалу к соответствию в целом, основном, т. е. достижению социалистического образа жизни как идеала, а затем к подлинному его воплощению. Движение образа жизни по пути совершенствования — это процесс высвобождения идеала как цели, движение, устраняющее проявления дисгармоничности, антиэстетичности во всех общественных сферах.

На нынешнем этапе развития социалистического образа жизни степень воплощения идеала неравнозначна, мера совпадения целей и средств, путей его достижения еще не всегда оптимальна. При несомненных достижениях социализма, заключающихся в ликвидации антиэстетических условий человеческой жизнедеятельности, создании коллективистских основ, обеспечении социального равенства, свободы, постоянном росте благосостояния, имеется ряд моментов, которые сдерживают гармонизацию общественных сфер. Наиболее существенные признаки несовершенства в образе жизни связаны сегодня с такими в достаточной степени распространенными явлениями, как неоптимальное соотношение различных видов деятельности (трудовой, общественно-политической, досуговой, деятельности в сфере быта), наличие монотонного, однообразного содержания труда, его узкая технологическая направленность (прежде всего труда ручного). Имеют место случаи нарушения принципов социальной справедливости, несоблюдения норм коммунистической морали, потребительского отношения к окружающему миру, культурным ценностям.

На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось: «Возникшие в последние годы элементы социальной коррозии негативно сказались на духовном настрое общества, как-то незаметно подтачивали высокие нравственные ценности, которые были всегда присущи нашему народу и которыми мы гордимся, — идейную убежденность, трудовой энтузиазм, советский патриотизм» [3,

с. 11]. Далеко не всегда каждый человек придерживается норм социалистического образа жизни, выбирает стиль жизни, формы общения, соответствующие этим нормам. Нынешний уровень развития социализма не позволяет еще в достаточной степени осуществлять на практике всестороннее и гармоническое развитие личности. Этот уровень можно охарактеризовать как начальный период становления целостности социалистического образа жизни, первую ступень на пути к гуманизму социалистическому и коммунистическому как идеалу, этап формирования многообразных условий, предпосылок для реализации принципа самоценности личности.

Путь к богатству жизненных проявлений, самоценности личности лежит через разносторонность, а затем многосторонность человеческих сущностных сил, формирующихся в разнообразии, многообразии связей и отношений. Насколько многообразными, насыщенными, гармоничными, а значит, взаимообусловленными, взаимодополняющими будут сферы жизнедеятельности, настолько эффективным окажется процесс социализации личности и находящийся в непосредственной зависимости от него процесс индивидуализации, самореализации. Необходимо отметить, что уже сегодня осуществляется определенный комплекс мер, способствующих гармонизации сфер образа жизни: начались существенные социально-экономические преобразования, воплощающие концепцию ускорения в действии, активизируются средства социального управления.

Процесс гармонизации, интеграции образа жизни идет как бы с двух сторон: посредством социальной политики партии, Советского государства (управление сверху) и через развитие демократических форм самоуправления трудовых коллективов, а также усиление роли семьи (управление снизу); все большую значимость приобретает ориентация на человека. Документы январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС свидетельствуют о гуманистической направленности планов общественного развития: «Конечная цель перестройки... наиболее полное раскрытие гуманистического характера нашего строя во всех его решающих аспектах — экономическом, социально-политическом и нравственном» [3, с. 16].

Тенденция гуманизации — основная тенденция в совершенствовании образа жизни. Ее содержанием является распространяющееся влияние человеческого фактора — знаний, умений, взглядов, потребностей, чувств. Преодоление односторонности технократического мышления, развитие нравственных и эстетических факторов, а значит, расширение рамок свободы, обогащение сфер жизнедеятельности, — все это представляет собой важную сторону социального прогресса. Накопление и распространение вширь и вглубь общекоммунистических начал — коллективизма, гуманизма, нравственного здоровья, социального оптимизма и других черт, воплощающих в себе такие эстетические признаки, как универсальность, гармоничность, многообразие в единстве, — су-

Щественный момент развития целостности социалистического образа жизни, а также реальная основа для дальнейшего перехода от социалистического образа жизни к коммунистическому.

В утверждении общекоммунистических начал, высших нравственных ценностей трудно переоценить значение эстетической культуры. Потребность в гибких, нестандартных формах воздействия на личность вызывает необходимость участия эстетической культуры в нравственном воспитании. Эстетическая культура активно включается в процесс становления нравственной целостности личности, представляя собой «самое тонкое, непринужденное и привлекательное средство социализации индивидуума... глубокий механизм, воздействующий на общее направление и общий уровень человеческой активности» [9, с. 17].

Качество усвоения социальными субъектами норм коммунистической морали во многом зависит от эстетических способностей, развитости эстетического сознания, проявляющихся в умении воспринимать красоту и воплощать ее в отношениях с другими людьми. Поскольку красотой может быть только подлинная целостность, то «частичные», диспропорциональные, «ущербные» проявления морали рассматриваются субъектом с развитыми эстетическими установками как антиэстетические. Формируя чувство красоты, умение отличать подлинную красоту в человеке, его поступках от внешней, показной «красивости», эстетическая культура тем самым способствует поднятию престижа истинных нравственных ценностей, устранению такого распространенного явления, как терпимость к нравственным изъясам. Гуманистическая направленность эстетической культуры выражается в формировании целостности внутреннего мира личности, единства эмоциональной и рациональной его сфер, в борьбе с проявлениями излишней рационалистичности. Повышение духовности, эмоциональной насыщенности межличностных отношений — важное направление эстетизации образа жизни.

Становление целостности трудовой деятельности, углубление содержания труда, насыщение производственного процесса элементами творчества — необходимое условие устранения еще существующих моментов некоторого технологического отчуждения от труда души человека [8, с. 139]. В решении этого вопроса значительная роль принадлежит эстетической культуре. Существенным представляется ее участие в формировании эстетического отношения к труду как глубоко духовного, целостного человеческого отношения, деятельностной установки на творчество «по законам красоты», высшей формы самовыражения, раскрытия сущностных сил личности. Значимость эстетического отношения к труду постоянно возрастает. И это обусловлено не только совершенствованием объективных факторов, системы морального стимулирования, но и развитием личности с помощью эстетических средств.

Эстетическое воспитание как важнейшая подсистема эстетической культуры должно осуществляться в неразрывной связи с различными видами общественной деятельности: трудом, педа-

гогией, наукой, культурно-просветительной деятельностью. Степень эстетической наполненности сфер образа жизни во многом предопределяется развитием социалистической художественной культуры. Однако не всякое искусство в социалистическом обществе обладает высоким гуманистическим потенциалом. Борьба с проявлениями бездуховности немислима без непрерывного совершенствования самого искусства, различных его видов и жанров; низкопробным, шаблонным, примитивным образчикам «искусства» не должно быть места в социалистической художественной культуре. Одна из важнейших задач современного советского искусства — формирование гуманистического образа мышления, в котором оптимально сочетаются рациональное и эмоциональное, мышления, которое способствует целостному видению мира сквозь призму добра и красоты.

В динамизме, непрерывном процессе совершенствования социалистический образ жизни обретает черты подлинной красоты и человечности. «Эстетическое начало еще больше одухотворит труд, возвысит человека, украсит его быт» [2, с. 169], — в этом программном положении партии — выражение всевозрастающей тенденции к творчеству «по законам красоты» во всех общественных сферах, к творению поистине человеческого, прекрасного в самом человеке.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. 3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 янв. 1987 г. М., 1987. 4. Аникеева Н. М. Гармония как понятие социального мышления: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1986. 5. Исторический материализм как методология познания и преобразования общественной жизни. М., 1987. 6. Крупнейшее достижение современной марксистско-ленинской мысли // XXVII съезд КПСС: творческий вклад в марксистско-ленинскую теорию. М., 1986. Разд. 2. 7. Попков В. А., Целищев Д. П. Эстетическое содержание труда. М., 1984. 8. Рюриков Ю. Б. Переворот в цивилизации // Вопр. философии. 1986. № 9. 9. Эстетическая культура советского человека. Л., 1976.

Поступила в редколлегию 12.02.87

И. А. Жеребкина

ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА В ФИЛОСОФСКО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Отличие автобиографии как философского жанра от других видов автобиографического текста состоит в том, что в ней не просто ставится вопрос «Что есть мое «Я»?», но решается одна из важнейших проблем философии — проблема «Я». Философско-автобиографический вопрос о «Я» нетрадиционен, ибо в декартовской традиции единства самосознания и субъективности (принцип «*cogito*») понятие «Я» выполняло роль невопрошаемой «самоочевидности», не требующей доказательств. Философско-автобио-

графический опыт делится на два основных вида: первый — опыт признания, исходящий из идеала создания биографической истины, второй — отказ от стратегии признания и создание истории жизни как иллюзии.

Стратегия и ритуал признания как опыта культуры первоначально функционируют в виде юридического признания, ознаменовавшего в XVI в. соединение двух известных в культуре процедур: судебного исследования и религиозной исповеди [см.: 3, с. 37]. До этого «истину» судебного исследования провозглашал не виновный, а толпа (во время спектакля публичной казни), производя ритуал снятия маски в поисках «истины». Но этот метод суждения о другом «Я» основывался на механизме случайности и потому был неэффективен. Необходимость в признании «самого Я» появляется для того, чтобы осознание вины и ответственности за поступок произошло «изнутри», не со стороны, а собою же.

Юридическое признание в виде оценки (в терминах «истина—ложь», «хорошо—плохо») сопровождается одновременным процессом анализа — членением, классификацией, градацией, измерением собственного «Я». Любой акт описания принимает форму контроля, точнее, контролирующего знания, опирающегося на принципы логических обоснований и принцип видимости «Я» (ведь невозможно оценить то, что не видно). Процедура юридического признания оформляется в юридическую «литературу признания» — документы, картотеки, «показания», архив, — имеющую свои правила и свой язык и представляющую собой первую стадию формализации личности [см.: 3, р. 189], позже преобразующуюся в процедуру художественного и философского признания о своем «Я».

Так, стратегия и ритуал философской автобиографии представлены в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо. Здесь действуют все те принципы, которые характерны для юридического признания: поиски биографической истины (в терминах «истина — ложь»), оценочные характеристики «Я» («хорошо — плохо»), принцип подотчетности «Я», принцип прослеживаемости «Я» во всех его состояниях, принцип логической доказательности черт характера (четкость в выяснении того, что принадлежит и что не принадлежит «Я»). Выводы из этих принципов оформляются в «Исповеди» в итоговое «Я» с конечным набором свойств.

Но предполагают ли перечисленные принципы подлинность автобиографического признания? «Исповедь» создавалась в ситуации «предвзятых» (как считает Руссо) мнений о ее авторе в среде французских просветителей и высшей аристократии. Руссо разрывает с ними и скрывает себя в одиночестве, в провинции с тем, чтобы представить себя им в виде книги. Такое письмо не могло быть ничем иным, как битвой: за свою истину и против других истин о себе. Истина о себе — это адекватное выражение своего «подлинного Я» в тексте. В ситуации всеобщих подозрений Руссо должен был четко и неоднозначно выработать критерии отличия подлинного и неподлинного в «Я». Таким критерием стало для него

понятие «естественности», удаленности от всех форм «внешнего» (закона, общества, языка) в примат внутреннего само-чувствования «Я». Поэтому основным мотивом творчества Руссо становится мотив «срывания масок», идеалом общества и человека — модель «фестиваля без масок» [2, с. 307]. Вспомним бахтиновский символ фестиваля: то, что противостоит закону, то, где нет меры и подчинения. Воплощением этого для Руссо становятся пространство детства индивида (и отсюда отмеривается особый упор на роль детства в культуре) и «детства человечества» в форме семьи как «еще не общества».

Парадоксальной формой возвращения к своему «Я» у Руссо выступает агрессивное неприятие всего «другого». Потратив жизнь на поиски адекватности самотождественного «Я», Руссо, тем не менее, всю жизнь находился в неадекватной ситуации: проповедуя сострадание и жалость, отдал в приют детей, наносил удары близким, не щадя никого. Ортопедический каркас оценок «сострадания», ставка на «естественность» оборачиваются для Руссо ситуацией предельной неестественности: постоянное нахождение в придуманном, искусственном месте в отношениях с Терезой и госпожой д'Удето. Ментально придуманная схема «подлинного Я» с жесткой системой оценок «хорошо — плохо», «истина — ложь» разбивается о его собственную жизнь, формируя не лицо, но разные лики автобиографического «Я». Система логического и последовательного описания «Я» как срывания масок, кроме того, нарушается у Руссо властью болезни. Программа обозначения ее в терминах здоровья (в системе «истины — лжи») также ставит «Я» на искусственное, а не естественное место [4, с. 212], не дающее возможности говорить о «подлинном». Парадоксальное противоречие между стянутым в автобиографическом тексте «Исповеди» в определенный набор качеств «Я» и через тот же текст проступающими — вопреки воле автора — другими ликами этого «Я», между контролируемым и неконтролируемым тем более парадоксально, что ведут к нему строго логические методы автобиографического описания, соответствующие методам юридического исследования.

В парадоксальных проявлениях автобиографического «Я» прослеживается двусмысленность самой процедуры признания. Признаться — это представить себя другим, т. е. выполнить, по существу, театрализованную функцию представления. Тогда пространство книги есть не что иное, как пространство сцены. Но если обычные актеры через себя представляют других, то Руссо через себя хочет представить себя же: не надеть маску, а снять ее, обнажив в тексте «подлинное Я». В поисках представления естественного Я он не учитывает изначальную неестественность этой процедуры: признание не себе и не одному (врачу, учителю), а всем искажает смысл искренности. Публиковать признание и признаваться не одно и то же. Ситуация обостряется противоречием между «Я-схемой» и реальным многомерно-множественным «Я». Искренность признания обрекается на то, чтобы стать позой,

маской. Стратегия признания в конечном счете дает не биографическую истину, а биографический миф, иллюзию «Я». Поэтому в неклассической дискурсии практикуется отказ от автобиографического признания и отказ от стратегии воплощения «Я» как единого, подотчетного итоговой схеме текста. Целью неклассической автобиографии становится сознательное построение иллюзии «подлинного Я» с помощью техники ввода «подлинного» автобиографического субъекта и описания «Я» как многомерно-множественного (Ф. Ницше, М. Пруст, Р. Барт, Ж. Деррида).

Переломным в традиции философской автобиографии стал опыт Ф. Ницше, символом текстовой реальности которого выступают контуры танца. Танец в том метафизическом смысле, который придает ему Ницше, преследует две цели — сформировать новый опыт коммуникативного воздействия и воплотить новый опыт «Я». Писать так, как танцевать, означает формировать в языке такие формы коммуникативного воздействия, которые — в отличие от традиционных — не представляют собой прямой обмен истиной, исключавший власть болезни, сновидения, возможность ошибки, а формируют опыт «физиологического освоения текста» [5, p. 167], когда через шок, эмоциональную волну, нервный спазм воздействию подвергается не ум, но сама жизнь читателя. В оценке автобиографического «Я» читатель может лишь вторить эмоциональному ритму танца, «идя на поводу» у «танцующего» автора. Но тело танцующего в состоянии эмоциональной кульминации воплощается не в вид «обнаженного Я», а ... в маску Диониса, ставшую биографической максимой для Ницше.

В автобиографии Ницше «Ессе Номо» мы видим не одну, а целый парад масок, сменяющих одна другую в бесконечном маскараде само-именований: «Христос», «Антихрист», «Цезарь», «Я-иммориалист», «Я-анархист» и т. д. Поскольку маскарад бесконечен, то Ницше — ни то, ни другое, ни третье, а всегда безымянен, т. е. никогда не сведен к одному «Я». На место адекватности в изображении «Я» поставлен фантазм «Я», построенный по принципу бесконечного вращения по кругу. Однако опыт Ницше — это беспрецедентный опыт многоликости даже для неклассической философии. Это опыт текстовой провокации, когда целью автобиографического письма было не обнажить «Я», а, напротив, скрыть его. Любая интерпретаторская стратегия в таком случае по воле автора-провокаатора унируется в лица-маски с тем, чтобы не достигнуть локализации авторского «Я» в одной точке по принципу тождественности. Существенным мотивом такой стратегии выступала болезнь, так как патогенной для Ницше всю жизнь оказывалась ситуация не «Я»-отсутствия во множестве своих лиц, а «Я»-присутствия — иллюзии универсальной самтождественности. Поэтому другие неклассические автобиографии представляют не текст-провокацию, а текст-иллюзию «Я». Таков автобиографический опыт французского философа Р. Барта, созданный только за счет усилий языка, а не за счет манифестаций биографической истины.

Автобиографический язык Барта — это язык «эротического тела», имеющего иной — «эк-статический» — контур множества аффектированных состояний: настроений, слабостей, требований, любви. Такому языку соответствует техника фрагментарного письма, конституирующаяся через разрывы, сноски, скобки, противоречивые высказывания, запутанности, отсутствие центральных слов, ибо каждое слово — неожиданность и центр. Текст становится атопическим, несет в себе культ единичной материализованной детали, маркирующей радикальную прерывность «Я» как прерывность состояний. Детали монтируются и демонтируются, автор перестает быть гарантом связности: «Я» проявляется только в виде «кусочных Я». Чтение такой автобиографии эмоционально ассоциируется не с авторской, а со своей собственной жизнью: «гороскоп», к которому стремится читатель, становится «аутоскопом». Поэтому письмо автобиографии Барта бесконечно: автобиография пишется, пока читается, а читается как автобиография читателя.

Автобиографическая проза М. Пруста в построении автобиографической иллюзии опирается на принцип множественности, базирующийся на механизме воспоминания. Вспоминать — значит достигать эк-статического состояния, выходить из себя в глубоком эмоциональном порыве. Время в этой книге переплетено: прошлое, будущее и настоящее перемешаны и заданы в виде раздробленных временных пучков, составляющих сложную мозаику воспоминания. Поэтому «Я» дробится на единства, между которыми образуются интервалы «потерянного времени» (утрата любви, например). «Я» никогда не проявляет себя — как и время — в виде целого, а лишь в причудливой мозаике «кусочности». Прусту для создания этой особой реальности книги, в которой смешаны все времена и лица, не надо прибегать к символике сна. Что такова сущность сна, мы привыкли. Пруст показывает, что такова сущность реальности.

Автобиографический опыт этой книги тем более парадоксален, что содержит традиционный, на первый взгляд, показ-перечисление душевных движений автобиографического субъекта и событий, происходящих с ним, описание костюмов, языка и манер окружающих его людей, но ответить на вопрос «Кто он такой?» мы не можем в принципе: даже если о нем отзываются положительно, мы не знаем на каких основаниях. Через «кусочность» и множественность разных времен текста мы не только не можем «собрать» Марселя в некое единство (хотя весь текст дает информацию о нем), но и не имеем возможности судить о нем в терминах «истина — не-истина», «хорошо — плохо». Подобное невозможно в жанре выдуманной автобиографии: в такой прозе нет правды соответствия жизни, а есть лишь иллюзия правды.

У французского философа Ж. Деррида эта ситуация обозначена еще предельнее: тождество не устанавливается даже на самом интимном уровне: «Когда я называю тебя моей любимой, тебя ли, любимая, я так называю, к тебе ли я обращаюсь? Я не знаю,

правильно ли я сформулировал этот вопрос, но он страшит меня» [2, с. 12].

Однако тем не менее — автобиография написана, история рассказана. Отличие от традиции в том, что это — рассказ не о фиксированном, стабильном, вытекающем из иллюзии самотождественности «Я», а о «Я» многомерном, множественном, не сводимом к какой-либо основной проекции, а осуществляющим себя через весь контур жизненной стратегии. Не линия, но круг, равный движению бесконечности, является моделью такой реализации «Я». Все современные ответы на автобиографический вопрос «Что есть «Я»?» ищутся не подтягиванием себя к некоторой фиксированной целостности — как это происходит в классике, — а путем поисков себя («Я») через вечные потери себя, выходы за свои пределы, через бесконечное движение безымянности: не дать себе окончательного имени, не обозначить себя равным ни одному своему проявлению. Отсюда требования к языку современной автобиографии. Если для Руссо язык должен был просто копировать «жизненную истину», то в современном автобиографическом письме только язык одаривает читателя иллюзией «подлинного Я». Таким образом, исследование генезиса философской автобиографии позволяет увидеть, во-первых, изменения в структуре «Я» от конструкций фиксированного и подотчетного «Я» к конструкциям многомерного «Я» и, во-вторых, то, что организующая роль в создании современной автобиографии принадлежит не копированию биографической истины «Я», а усилиям с помощью языка построить иллюзию «подлинного Я». Решение вопроса о «Я» — это всегда выбор языка: как человек произнесет «свои» фразы в бесконечных поисках себя.

Список литературы: 1. *Derrida J. La carte postale: de Socrate a Freud et au-dela.* P., 1980. 2. *Derrida J. Of Grammatology.* L., 1976. 3. *Foucault M. Discipline and Punish. The Birth of the Prison.* Harmondworth, 1977. 4. *Foucault M. Madness and Civilization.* N. Y., 1971. 5. *O'Neil J. Homotextuality: Barthes on Barthes, Fragment (RB), with a Footnote//Hermeneutics: Questions and Prospects.* Amherst, 1984.

Поступила в редколлегию 20.12.87

В. Е. Черникова

ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕНИЯ В ЭСТЕТИКЕ ПОЗИТИВИЗМА КОНЦА XIX в.

Проблема художественного общения приобрела в настоящее время серьезное теоретическое и идеологическое звучание в связи с возрастанием роли средств коммуникации, которые могут быть использованы как для блага человека, так и против него.

Многие буржуазные философы трактуют художественное общение в духе психоманипуляторских идей. Художественная деятель-

ность рассматривается ими как средство воздействия на психику зрителя (читателя, слушателя) с тем, чтобы увести его от реальной жизни. Данная тенденция составляет основное содержание буржуазной массовой культуры, роль которой «искусственно возбуждать «центры удовольствия» индивидов, превращать их в массу бездумных, тупых, довольных собой и окружающим миром «веселящихся роботов»» [2, с. 10].

Вследствие этого массовое искусство, как справедливо отмечает З. И. Гершкович, программирует модель личности, соответствующую образу «массового человека» в тех его сущностных чертах, какие рисовались теоретиками «социологии толпы» (Лебон, Сигеле, Тард и др.) на рубеже XIX — начала XX в. [2, с. 12]. Взгляды представителей социологической ориентации в философии и эстетике конца XIX в. на роль искусства в обществе, взаимодействие художника и зрителя находят непосредственное выражение в художественном творчестве. Поэтому возникает необходимость проанализировать теоретические подходы к проблеме художественного общения, выдвинутые представителями буржуазной эстетики позитивизма. Этот вопрос представляет интерес тем более, что в философской литературе данная проблема затрагивается пока фрагментарно, в основном в связи с анализом общих эстетических проблем.

Во второй половине XIX в. в связи с появлением новой науки — социологии проблема взаимодействия художника и зрителя была поставлена в социологическом аспекте. Буржуазные эстетики стремились подчинить ее своим взглядам, представлениям о природе общества, законах его функционирования и развития. Особенно ярко такая постановка вопроса проявилась у французских мыслителей позитивистской ориентации, которые рассматривали искусство в непосредственной связи с обществом, с социальной жизнью, а общение — как неотъемлемую часть творческого процесса, суть которого заключается в передаче художником социальной эмоции зрителю.

Философские основы, социальные и гносеологические корни позитивизма достаточно хорошо освещены в советской научной литературе, поэтому на них нет смысла останавливаться. Важно только подчеркнуть, что принцип эмпирического исследования, ориентацию на конкретные науки позитивизм перенес в сферу эстетики [см.: 7, т. 3, ч. 1]. Художественное общение в эстетических теориях И. Тэна, Г. Тарда, М. Гюйо трактуется как социальная связь, устанавливаемая путем взаимодействия художника и публики с помощью произведений искусства. Например, Тэн, определяя искусство как форму познания природы, решает проблему художественного общения в свете этой основной гносеологической задачи искусства. По его мнению, публика воспринимает искусство главным образом как средство познания, что вызывает эмоции наслаждения от удовлетворения инстинкта любознательности [9].

Если И. Тэн сосредоточил внимание на гносеологическом аспекте, то Г. Тард перенес акцент на механизм возникновения социальной связи между творцом произведения и воспринимающим. Основой подобной связи, по мнению Тарда, должен быть принцип подражания. Критерием подлинного искусства, по мысли Тарда, является выражение художником своего эмоционального отношения к событиям жизни, которое окрашивает восприятие зрителя чувством удовольствия. Таким образом, взаимодействие художника и зрителя представляется Тарду как двустороннее отношение. Художник черпает вдохновение не из собственного переживания и видения мира, а из отношения к нему общества. Прежде всего, замечает Тард, художник пытается воспроизвести эмоции и симпатии своей публики, он создает галерею образов для того, чтобы выбрать нужный, который, на его взгляд, должен вызвать симпатию зрителя. После этого создатель образа «как бы принимает облик зрителя для того, чтобы, уже как зритель, любоваться самим собою... удивляться самому себе и любить себя — такое удовольствие, даваемое искусством, то в художнике, то в публике» [8, с. 62].

Способность человека формировать образ своей личности через восприятие своего отражения в сознании других (чему, кстати, служит художественное общение) — правильное наблюдение Тарда. Правда, еще до него оно было высказано К. Марксом, который показал, что формирование образа своей личности происходит путем отражения тех отношений, которые складываются в обществе независимо от индивидуального сознания [см.: 1, т. 23, с. 62]. Тард же ограничился констатацией только социально-психологической стороны этих отношений.

М. Гюйо так же, как и Тард, рассматривает искусство как социальное явление, служащее сплочению общества благодаря его способности порождать эмоциональное общение людей [3]. Процесс художественного общения Гюйо видит в передаче эмоции от художника к зрителю. Эстетическая эмоция, считает Гюйо, должна обладать такой «силой симпатии», которая пробуждает нравственные чувства, выражает сострадание зрителя к сценам, созданным художником. Художественное общение, по Гюйо, порождает своеобразное «сообщество» художника и зрителя.

Таким образом, позитивистская эстетика сделала два принципиальных вывода: момент общения, устанавливаемый между художником и зрителем, является необходимым при восприятии художественного произведения; само восприятие произведения искусства, по общему мнению Тэна, Тарда, Гюйо, должно обязательно сопровождаться вызовом чувства удовольствия; т. е. главное назначение искусства — выполнение гедонистической функции.

Марксистско-ленинская эстетика рассматривает художественное общение как одну из сущностных сторон искусства, как передачу социально накопленного опыта от художника к зрителю, как приобщение людей с помощью искусства к важнейшим общественно-политическим и нравственным ценностям, вовлечение их в

сферы художественной культуры. Искусство, «поднимая индивида до своего уровня постижения и переживания действительности, включает его в круг подлинного человечества... не позволяет человеку опуститься ниже имеющегося в данную конкретно-историческую эпоху социального развития общества» [4, ч. 2, 3, с. 76]. Поскольку в искусстве самовыражение художника органически сливается с отражением мира, а художественная истина обращена к воспринимающему его субъекту, следовательно, общение входит внутрь самого художественного произведения, является системообразующим для произведения как целостности, возникающей именно в момент контакта двух субъектов — художника и зрителя. Значит, «общение есть такая деятельность субъекта, которая устремлена к другому субъекту как к активному... свободно целенаправленному и свободно избирающему способы своих действий уникальному существу, короче говоря — как к равному, как к партнеру, а не пассивному объекту» [5, с. 172].

Для позитивистской же эстетики общение как межсубъектное взаимодействие, включенность произведения искусства в социальные связи оказывается моментом вторичным, возникающим тогда, когда произведение искусства уже создано. Необходимо отметить, что, оставаясь по существу сугубо индивидуалистским учением, позитивистская социология в целом и «социологическая эстетика» в частности исходили из отдельного человека как биологического организма. Поэтому общество позитивистами определялось как «единство воли, а также ощущений, чувств, т. е. симпатии» [7, с. 141]. Главную роль при «создании симпатии» в обществе призвано играть искусство, поэтому назначение произведений — запечатлеть «чувственные ощущения удовольствия». Приобщение другого человека к этому процессу, по мнению представителей позитивистской эстетики, должно вызывать у него соответствующее настроение. Всякая деятельность, повышающая тонус жизни, объявлялась ими нравственной, отчего искусство считалось имманентно содержащим мораль.

Следовательно, вместо того, чтобы увидеть в структуре художественного произведения отражение человеческой личности как сложной системы, в которой переплетаются биологические и социальные факторы при доминирующем значении последних, позитивистская эстетика и социология искусства остановились на уровне перехода биологического в социальное, так и не посмев сделать решающего шага в сторону социального. Основной бедой позитивистов был «старый грех биологизаторства»: расширяя рамки искусства, они «фактически растворили эстетическое в потоке физиологических ощущений» [7, т. 3, ч. 1, с. 112]. Отсюда же вырастали и гедонистические элементы их концепции, хотя наблюдалось стремление, особенно ярко выраженное у Гюйо, побороть их с «помощью идеи социальной полезности искусства» [7, т. 3, ч. 1, с. 112].

Для позитивистской эстетики человеческая личность оставалась биологической по существу, а социальность рассматривалась

просто как внешние контакты с другими людьми. И это неудивительно, поскольку само общество позитивизм XIX в. трактовал как сумму составляющих его индивидов, а все общественные процессы, настроения, нормы и правила — как суммированные индивидуальные психические процессы, нормы и правила, выработанные в индивидуальном опыте. В других случаях общество изображалось как большой организм [6] по сравнению с индивидом — организмом «маленьким», т. е. как макрокосмос по отношению к микрокосмосу.

В результате умноженное индивидуальное наслаждение красотой не превращало и не могло превратить красоту в общественное явление, как надеялись на то позитивисты, ибо красота общественна изначально, а не потом, после того, как она выработана в индивидуальном опыте. Поэтому и социальность (коммуникативность, интересубъектность искусства) оказывалась только внешней, принимаемой готовым произведением после совершения индивидуального акта художественного творчества.

Таким образом, в трактовке художественного общения социологическая эстетика XIX в. игнорировала творческий и сотворческий момент. Попытка найти решение проблемы художественного общения в природе человека привела к тому, что незаметно для самих исследователей она превратилась в апологию эстетического утилитаризма. Избежать подобной крайности и прийти к истинно научному решению проблемы взаимодействия художника и зрителя можно только при тщательном соблюдении принципов диалектико-материалистического и социально-исторического анализа искусства как вида общественной деятельности.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Гершкович З. И. «Массовая культура» и фальсификация мирового художественного наследия. М., 1986. 3. Гюйо Ж. М. Искусство с точки зрения социологии. СПб, 1891. 4. Еремеев А. Ф. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Свердловск, 1971. 5. Советское искусствознание—82. М., 1983. 6. Кош М. С. Позитивизм в социологии. Л., 1964. 7. Лекции по истории эстетики / Под ред. М. С. Кагана. Л., 1976. 8. Тард Г. Сущность искусства. СПб., 1985. 9. Тэн И. Чтения об искусстве. СПб., 1912.

Поступила в редколлегию 18.02.86.

СОДЕРЖАНИЕ

Пугач Б. Я., Шкода В. В. Диалектический характер принципов научного познания	3
Каркач В. А. О диалектике знания и ценностей	11
Левчук В. Г. О единстве гипотезы и метода в историческом материализме	16
Ковалева В. А. Марксистское решение основного вопроса философии как методологический принцип анализа и критики буржуазных концепций диалектики	19
Цалин С. Д. Проблема детерминизма и свободы воли в философии Гегеля	26
Билык А. М., Билык Я. М. О социологическом анализе мировоззрения ученого	32
Тягло А. В. Значение «физики возникающего» с точки зрения диалектико-материалистической концепции целостности	36
Домников Г. А., Цехмистро И. З. Необратимость в свете концепции целостности	41
Тягло А. В., Цехмистро И. З. К истории квантовомеханической интерпретации периодичности	44
Чефранов В. А. Некоторые методологические вопросы исследования политических отношений социалистического общества	47
Черныш А. М. Сущность социалистического самоуправления народа	53
Могильный С. А. Проблема ответственного отношения к труду	59
Дудник И. П. Свободное время и социальная ответственность	65
Плахотный А. Ф., Русанова Н. В. Критический анализ буржуазных теорий социальной ответственности	71
Русанов А. М. Категория богатства в теоретическом наследии К. Маркса	74
Межова Н. Г., Межов П. Е. К вопросу об активизации творческой активности личности	79
Лозовой В. А., Буряк А. В., Соболева Н. И. Проблемы социально-профессионального самоопределения молодежи	83
Корниенко В. С., Корниенко Е. В. Эстетическое познание	90
Полищук И. Е. Эстетическое начало в социалистическом образе жизни	97
Жеребкина И. А. Функция языка в философско-автобиографическом анализе	103
Черникова В. Е. Проблема художественного общения в эстетике позитивизма конца XIX в.	108

УИБ-14